ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[3] 2012

РОМАН ГЕЗЫ СЁЧА «ЛИМПОПО, ИЛИ ДНЕВНИК БАРЫШНИ-СТРАУСИХИ»

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: «ИЗ КНИГИ ПСАЛМОВ»

Основан в 1955 году

[3]
2012

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

3 *Лимпопо, или Дневник барышни-страусихи.* Роман. На язык homo sapiens перевел, обработал и подготовил к печати Геза Сёч. Перевод с венгерского и вступление Вячеслава Середы

163 Шеймас Хини *Стихи из книги "Цепь человеческая".* Перевод с английского и вступление Григория Кружкова

174 Пьер Мишон *Император Запада.* Роман. Перевод с французского и вступление Марии Аннинской

Культурное наследие

207 *Из книги Псалмов.* Перевод с древнееврейского, комментарии и вступление А. Э. Графова

Статьи, эссе

238 Марина Ефимова *Женщины Хемингуэя. Прототипы и персонажи*

Путешествие по книге

245 Григорий Рыскин *Безумный гений Бобби Фишер*

Carte blanche

264 Леонид Гиршович *О вечной старости*

Возвращаясь к напечатанному

270 Алексей Михеев *Биография и репортаж*

Реплика

273 Дмитрий Веденяпин *О книге "Стихи об Анне"*

БиблиофИЛ

275 *Среди книг* с Аланом Жуковским

280 *По материалам зарубежной прессы.* Подготовили Ника Бажанова, Екатерина Кузнецова

Авторы номера

284

© "Иностранная литература", 2012

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
Т. Д. Венедиктова
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Ю. П. Гусев
Г. М. Дашевский
Б. В. Дубин
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
А. В. Михеев
М. Л. Рудницкий
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили
А. И. Эппель

Международный совет:

Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Тонино Гуэрра
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Кэндзабуро Оэ
Роберт Чандлер
Умберто Эко

Редакция :

Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
Е. Д. Кузнецова
Е. М. Мамардашвили
Ю. Д. Романова
М. С. Соколова
Л. Г. Харлап

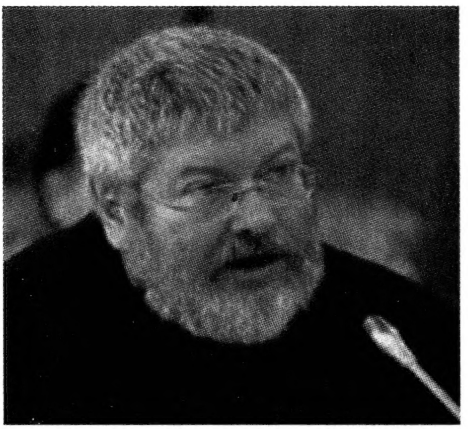
Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и фонда "Президентский центр Б. Н. Ельцина"

Лимпопо, или Дневник барышни-страусихи

Роман

На язык homo sapiens перевел, обработал и подготовил к печати

Геза Сёч



Перевод с венгерского и вступление Вячеслава Середы

Иллюстрации Тибора Эдеда

Геза Сёч, венгерский поэт, прозаик и драматург, родился в 1953 году в Трансильвании, которая после Первой мировой войны была включена вместе с более чем тремя миллионами венгров в состав Румынии. До 1920 года этот край с романтическим для нашего слуха названием веками был частью Венгерского королевства либо самостоятельным княжеством, почему и сегодня там проживает значительное, хотя и тающее с каждым годом, венгерское меньшинство.

Широкую известность Геза Сёч получил как участник сопротивления режиму Чаушеску, один из организаторов нелегального журнала "Элленпонток" ("Контрапункты") и автор открытых писем диктатору с требованиями изменить конституцию страны. В последние годы инфернального режима, с 1986-го по 1989-й, будучи выдворен из страны, он жил в эмиграции на Западе. А после свержения диктатуры стал одним из руководите-

© Géza Szőcs, 2007
© Tibor Egyed, 2007
© Вячеслав Середа. Перевод, вступление, 2012
Перевод выполнен при поддержке журнала "Иродалми Йелен" (Арад).

лей Демократического союза венгров Румынии и членом румынского Сената. В последнее время, не порывая связей со своей "малой" родиной, живет и работает в Венгрии.

Из этой краткой биографической справки кто-то, может быть, сделает вывод, что автор предлагаемого вниманию читателей текста, должно быть, из ряда тех политически ангажированных интеллектуалов, кто свой поэтический дар использует для достижения, пусть крайне важных, насущных и благородных, но прагматических целей.

По счастью, это не совсем так. Или совсем не так. Политика и поэтика, может быть, и пересекаются в книге Гезы Сёча, но где-то за горизонтом повествования, весьма далеко — как параллельные прямые у его соотечественника-трансильванца Яноша Бойяи, одного из первооткрывателей неевклидовой геометрии. Да и вопросы, которыми задается автор, того же далекого от прагматики свойства.

В романе "Лимпопо" — дневнике барышни-страусихи, переведенном на язык homo sapiens и опубликованном Гезой Сёчем — мы попадаем на страусиную ферму, расположенную "где-то в Восточной Европе", обитатели которой хотят понять, почему им так неуютно в неплохо отапливаемых вольерах фермы. Почему по ночам им слышится зов иной родины, иного бытия, иного континента, обещающего свободу? Может ли страус научиться летать, раз уж природой ему даны крылья? И может ли он сбежать? И куда? И что вообще означает полет?

Не правда ли, знакомые вопросы? Помнится, о такой попытке избавиться от неволи нам рассказывал Джордж Оруэлл в "Скотном дворе". И о том, чем все это кончилось. Позднее совсем другую, но тоже "из жизни животных", историю нам поведал американец Ричард Бах в своей философско-метафизической притче "Чайка по имени Джонатан Ливингстон". А наш современник Виктор Пелевин в своей ранней повести "Затворник и Шестипалый", пародируя "Джонатана", сочинил историю о побеге двух цыплят-бройлеров с птицекомбината имени Луначарского, которые тоже, кстати, ломают голову над загадочным явлением, которое называют полетом.

Пародийности не чужд в своей полной гротеска, языковой игры и неподражаемого юмора сказке и Геза Сёч, намеренно смешивающий старомодные приемы письма (тут и найденная рукопись, и повествователь-посредник, и линейное развитие сюжета, и даже положительный герой, точнее сказать, героиня) с иронически переосмысленными атрибутами письма постмодернистского — многочисленными отступлениями, комментариями и цитированием идей и текстов, заимствованных и своих, поэтических, философских и социальных.

Что из этого получилось — судите сами.

Геза Сёч. Лимпопо, или Дневник барышни-страусихи

Уильяму Листу Хит-Муну

Предисловие

Весть о том, что где-то неподалеку какие-то пришлые бизнесмены занялись разведением страусов, в наш город привез заезжий удмурт. И с тех пор я все собираюсь туда наведаться. Когда я услышал об этом впервые, мне стало грустно. Страусы? В наших краях?

В эпоху социализма, к тому же в нашем умеренном климате, периодическое повторение некоторых событий являлось всегда своеобразным знамением, предвещающим что-то чарующее и необыкновенное. К примеру, при Чаушеску в течение всего года невозможно было купить апельсины — исключением были лишь предрождественские недели, да и то до поры до времени. Так что первый оранжевый блеск в вечно темных витринах или таинственной глубине магазина свидетельствовал о приближении праздника убедительней, чем все волнующие приготовления к Светлому Рождеству в дни Адвента. Когда я замечаю апельсин на какой-нибудь дальней полке, у меня и сегодня радостно ёкает сердце. Красная, похожая на круглые леденцы, редиска и золотистый бобовник предвещали приход весны, черешня — наступление лета, словом, так это было у нас — в условиях умеренного климата и народной демократии.

Но с приходом рыночной экономики продавать стали все подряд и в любой день года, и ожидаемые целый год краткие остановки вечного круговорота, которые делали мир предсказуемым и наполняли серые будни метафизическим смыслом, исчезли из нашей жизни.

Так и со страусами. Ну посудите, найдется ли среди нас человек, у которого страус ассоциировался бы не с Африкой? Думаю, не найдется. Оно конечно, в кино и в книгах, на картинках и в зоопарке — это пожалуйста. Но чтобы страусы бегали по нашим пастбищам? В окрестностях города?

С гневом в сердце думая об отечественных страусоводах, я твердо решил избавить этих птиц, самых крупных, кстати, на нашей планете, от их несуразного, ибо чуждого природной среде и ландшафту, и пошлого положения.

В населенный пункт Ф. я отправился поездом, прихватив с собой разводной ключ и ножницы для резки проволоки. Из

газет я узнал, что именно здесь, по соседству с этим приграничным городом, устроили свою ферму страусоводы, рассчитывая на то, что на рынках Вены и Будапешта, Белграда и Бухареста здоровое и нежирное мясо страусов будет пользоваться растущим или хотя бы стабильным спросом.

— На страусиную ферму, — сойдя с поезда, сказал я таксисту, кемарившему на полуденном солнцепеке в черной "победе", унаследованной от прежнего режима.

— Так ведь... — начал он, — так ее же...

И, умолкнув на полуслове, посмотрел на меня с улыбкой, тоже явно унаследованной от бывшего режима.

— Откуда будете, позвольте полюбопытствовать? — Я представился. — Ах, так... Понятно... это у соляной шахты... минут десять от силы... Я живенько вас домчу.

И живо меня домчал. Я постучал в дверь сторожки, примыкавшей к большим воротам, увенчанным полукруглой синей вывеской с начертанной деревенскими полиглотами крупной надписью: ZUM STRUCC[1]. А ниже, буквами помельче: "Птицеферма 'Гигант'".

Вокруг ни души, я имею в виду — никого из двуногих. Двор зарос сорняками, на скамейке гнила забытая шахматная доска, а в бассейне для декоративных рыбок не было не то что рыбок, но даже воды. По двору пробежала кошка — обыкновенная серая, полосато-пятнистая.

Клетки были пусты.

Конторские помещения — тоже, лишь в одном из них обнаружился колченогий топчан.

Пуст был и дровяной сарай, где в выбитое окно был вставлен картонный переплет от "Капитала" Маркса, а на полке стояла пустая бутыль с этикеткой, на которой сделанная от руки надпись гласила: "Целебная вода Самоша"[2].

На потрескавшемся сухом дне бассейна для золотых рыбок валялся открытый портфель. В нем и был обнаружен "найденный текст", который публикуется ниже. Но прежде чем это сделать, мне пришлось расшифровать использованные в нем стенографические ключи и пронумеровать фрагменты. Там, где они выстраиваются в определенную последовательность, я использовал сплошную нумерацию "глав", там же, где, как я догадываюсь, есть бóльшие или меньшие пробелы,

1. "К страусу" (смесь *нем.* с *венг.*) (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.*)
2. Самош — горная река, берущая начало в Трансильвании и впадающая в Тису на территории Венгрии.

я пропускал один или несколько номеров. Отдельные вопиюще безграмотные конструкции и выражения мне пришлось исправить, но в целом я избегал стилизации, уважительно относясь к некоторым причудам автора этих записок в том, что касается слитного написания слов, и сохраняя такие по-детски наивные словесные обороты, как, напр., "она посмотрела на меня отнекивающимся взглядом" и т. п. Хочу также уведомить любезного читателя, упреждая его упреки, что автор этих записок явно неискушен в изощренных приемах современного повествования.

Правда и то, что хронология изложения, то есть порядок глав, на основе некоторых наблюдений (например, над особенностями языка и проч.), установлена лично мною. Разумеется, можно представить себе и другой порядок, а возможно, было бы правильнее довериться в этом вопросе читателю, что не только облегчило бы мне работу, но и более отвечало бы модным веяниям. Ведь известно, что современный читатель любит читать не подряд, а "прогуливаться по книге" туда и обратно, оценивать ее изнутри и снаружи.

Если бы я не пытался восстановить линейную логику повествования, а следовал требованиям современной прозы, то, наверное, начал бы эту историю с той главы, в которой на ферму для обучения страусов прибывает пилот-инструктор. Но можно представить себе и любой другой порядок — все, что можно выяснить из этих фрагментов, в любом случае выяснится, и ничего сверх того.

Я должен также признаться в том, что долго тянул с прочтением этой рукописи. Как только я осознал, что найденный мною дневник создан на птицеферме, в страусином хозяйстве, то есть, по сути, на скотном дворе, я начал подумывать: уж не история ли в духе Оруэлла оказалась в моих руках? В конце концов я все же ее прочитал и понял, что дело еще печальней, ибо в найденной рукописи нельзя не заметить влияния Аристофана, Эзопа и Лафонтена. Больше того, сдается, есть здесь и переклички с историей о гадком утенке; а впрочем, чему удивляться, если даже обе мечты Икара о том, чтобы обрести свободу и покорить небо, постигла судьба всех самых прекрасных легенд человечества — ее адаптировали для мультфильма.

Что поделаешь, видимо, такова сила традиции или, может быть, жанра, раздумывал я, читая 118 записей Лимпопо и следя по ним за жизнью, скажу даже за судьбой барышни-страусихи и ее собратьев. Именно сто восемнадцать, ибо из 151 фрагмента тридцать три (а может, и больше, кто знает?) не сохранились.

Очевидно, что автором подавляющего большинства этих записей является Лимпопо. Однако, учитывая вставки, начирканные другими, дневник этот можно считать скорее плодом коллективного творчества, нежели монологом отдельного индивида.

Большую часть этих вставок (зачастую более поздних по времени) легко выявить по почерку, хотя далеко не всегда можно установить их авторство.

В заключение хотелось бы обратить внимание этологов, что в этом тексте содержится ряд новых данных, способных обогатить наши представления о групповой психологии и поведении страусов. Не менее важными могут быть для историков и в особенности для историков, занимающихся судьбой знаменитых сокровищ, некоторые намеки из дневника страусов, которые, может быть, наведут их на след так называемого дискоса де ла Борды. Дело в том, что Хосе де ла Борда, бывший в XVIII веке богатейшим человеком планеты, как известно, подарил епископу Мехико самый дорогостоящий в истории католичества предмет церковной утвари. Диск из чистого золота украшали более четырех с половиной тысяч бриллиантов, около трех тысяч изумрудов и свыше пятисот рубинов. Счастья дону Хосе этот дар не принес: он в конце концов обнищал, род его вымер, а драгоценный диск — после того, как в 1861 году в соборе, вкупе с лошадьми, разместился эскадрон французской оккупационной армии — пропал.

Вот, собственно, и все, о чем хотел предуведомить любезного читателя автор.

Август–ноябрь 2005 года

Рукопись, найденная в портфеле

1. Запись первая

И чего мы здесь ищем, на этой ферме?
Что мы, страусы, здесь потеряли?
Да еще в таком климате?

Вообще-то, нельзя сказать, что лето здесь недостаточно жаркое или недостаточно долгое.

Нельзя сказать, что мы здесь не можем вволю побегать, что выгон для нас тесноват. По длине-ширине он довольно

просторен и достаточно каменист там, где должен быть каменистым; и вообще, ферма солнечная, тут и травка, и тень, и песочек, кое-где попадаются и ракитник, и даже деревья — пускай и не пальмы.

А когда наступают промозглые, зябкие, индевелые, мглистые, непогодистые, дождливые, снежные или морозные дни, мы можем укрыться в прекрасно отапливаемых вольерах. Никто здесь не голодает, и старики наши сетуют, что их басни о хищниках мы, страусиная молодь, воспринимаем с таким же скепсисом, с каким они во времена оны относились к сказкам своих прабабушек про оборотней-перекидышей (интересно, как они выглядели, эти перекидыши) и всевозможных драконов.

Все это правда.

2. Но *все же...*

Но почему тогда по ночам нам слышится зов иной родины, иной жизни, иной части света — отчего, еженощно? Отчего до меня доносится этот зов, отчего ощущается эта тяга, почему мне сдается, будто по коже моей иногда пробегает воспоминание или даже физическое дуновение жарких южных ветров, доносящих из-за экватора до нашей убогой фермы обещание вольной жизни, жизни с поднятой головою?

Из Африки, где в ночной саванне сквозь чащу горят глаза страшных хищников, с того континента, где, подобно раскатам грома по тверди небесной, ураганно проносится топот тысяч и тысяч копыт; где разбуженные приближением врага — питона или пятнистого леопарда — на ветвях истерически верещат обезьяны; где галоп одинокого страуса наблюдает, воздев к небу хобот, премудрый слон и выглядывающий с любопытством из зарослей длинношеий жираф; где среди цветов невообразимого цвета и аромата тебя ждет твоя настоящая, не придуманная кем-то жизнь и где ты, дада, сможешь пережить свою собственную, именно тебе уготованную смерть — ибо смерть эта будет твоей судьбой, а не готовой одежкой, которую на тебя напялит скучающий мясник где-нибудь на заброшенной и убогой фабрике смерти.

Однажды владелец замка не на шутку заспорил с братом — чья упряжка великолепней. Владелец замка впряг в карету двенадцать прелестных девушек, и все они были обнаженные, в особенности самая из них раскрасавица по имени Анна. Барин, стоя на облучке, нещадно охаживал их кнутом,

чтоб несли его во весь дух. Но Анна его прокляла, и разверзлась под ними земля, поглотив карету вместе с владельцем замка и девушками, а на дне кратера появилось озеро. Дело в том, что события эти происходили в потухшем вулкане, там и возникло прекрасное озерцо, называемое оком моря, — от нас до него рукой подать, какой-нибудь день пути. Все девушки обратились лебедками, ну а барин, тот и поныне сидит на дне, затаившись, как тень или отвратительная камбала.

3. *Ферма. Страусы. Охранники*

На тяжелых своих колымагах мимо фермы в полночный час проносятся иногда упыри; запах от них исходит, как от намокших зимних пальто, костей у них нет, у них нету тени, один только хохот есть. В воздухе после них остаются прохладные завихрения — сквозит или, как еще говорят, сифонит. На ногах их коней подковы поставлены задом наперед, а прозывают их так — Гашпар с компанией.

Своим появлением на кованых железом телегах они предостерегают насстарусов о возможной опасности.

Так говорят старики. Ферма наша лежит по соседству с уездным городом Ф.

С одной стороны она граничит с заброшенной соляной шахтой, с другой — с шоссейной дорогой. Кукурузное поле отделяет шахту от ликероводочного завода, где производят знаменитый напиток "Брутальная". А с третьей и четвертой сторон нас окружает лесной массив, который тянется вдоль кукурузного поля до водочного завода и даже дальше.

В лесу, на полянах, кишмя кишат, беспрерывно произрастают, цветут, плодоносят лаванда, кроваво-красный боярышник, мохнатая вика, незабудки, чистотел, рогульник, иссоп, невердай, облепиха, змееголовник, лесной хвощ, калина красная, крокус, дягиль, синайская чертогон-трава и осенний безвременник. За шоссе, на пригорке, торчат покосившиеся кресты, замшелые надгробья и обелиски маленького кладбища. А за пригорком укрылась деревня.

Ни с одним упырем я еще не встречалась.

Ну а в лес, вполне дружелюбный, мы частенько сбегаем, стараясь, чтобы нас не заметили сторожа, и так же тайком возвращаемся. За лесом раскинулась топь, а дальше — брошенная казарма, за казармой — стрельбище и башня для тренировок парашютистов, так называемая парашютная вышка. Для наших побегов это предел, убегать дальше мы не осмеливаемся.

Иногда в дальней части леса мы видим, как углежог жжет в своей печи уголь.

А напротив казармы, в бывшей монастырской церкви, расположен бордель, я не знаю, что это такое, знаю только, что, после того как опустела казарма, дела там идут не ахти как. В заведении, которое называлось когда-то "Красной юлой", а ныне зовется "К веселой распутнице" (или, может, распутице?), оказывается, еще и часы продают, о чем я знаю из рекламных листовок, которые иногда роняют во дворе наши вертухаи:

ЧАСЫ БЛАЖЕНСТВА И УСЛАД
ЛЕГКО НАЙДЕТ ЗДЕСЬ СТАР И МЛАД

А на другой стороне листовки новый соблазн: богатейший ассортимент напитков. Отечественное и импортное шампанское, пиво в розлив, самогон зрелый марочный, вина равнинные, предгорные и болотные. Хозяйка этого заведения — пресловутая барышня Ай-да-Мари.

Сегодня я стала совершеннолетней.

Восемь девушек-страусих, одиннадцать парней-страусов и шестеро страусят — это мы.

Дамы, цыпочки, женщины, бабы, самки, телки, девки, чувырлы, дивы, грымзы, герлы, мочалки и барышни: Пики, Шуба, Бойси, Зузу, Корица, Я, Туска и тетка Лула, ведьма-страусиха, которая со своим ставосьмидесятисантиметровым ростом считается среди страусов лилипуткой.

Меня, поскольку другие и не догадываются, что Я — это Я, зовут, то есть называют, Панни, что, по мнению некоторых, является уменьшительным от имени Анна, хотя другие считают, что это не так. В свою тайну о том, кто я на самом деле, я посвятила лишь Максико, поэтому он иногда меня так и называет: барышня Я.

Максико, Тарзан, Лопух, Сквалыга, Глыба, Отважный, Латька, Володя, Недомерок и Голиаф — это петухи, мальчики, самцы, парни, деды, мужчины, папаши, кобели, господа. И, разумеется, Капитан. Он — глава семейства, царь и бог нашего небольшого племени.

Шестеро малышей: Джумбо, Крошка, Гном, Бэби, Пигмей, Юниор. Имена дали нам охранники — охранники, смотрители, вертухаи, — а мы, в свою очередь, окрестили их: Восьмиклинка, Усатый, Очкарик, Пузан, а еще Михай Дубина, а также Злыдень, бывший боксер, и Лаца Копытом Зашибленный, которого на самом деле зовут Ласло Зетелаки. На ферме работают также трое сезонников: Ижак Керекеш по прозвищу Хмырь Безродный, Бладинайф и Лали Буклукаш. Усатый — начальник над всеми охранниками и скотниками. Смеется он так, как, на-

верно, смеялись ихтиозавры, голос у него какой-то щетинистый, походка — как у самосвала, едущего по ухабам, а еще в минуты отдыха он упражняется на бас-трубе, только все без толку.

Клетки наши смотрят на брандмауэр административного здания. В конторе с утра до трех дня работают также женщины, которые пьют — я не знаю, что это такое — кофе с избитыми сливками. Это Шпилька, Копна, Юльча Варга, Авоська, госпожа Рапсон, Цементная Черепушка, Колготка, Вартюла и Доамна Попеску.

Цементная Черепушка получила свое прозвище вот каким образом. Однажды, вымыв голову, она, как обычно, стала сушить волосы феном. Однако на этот раз кто-то в шутку — возможно, Копна, хотя это не доказано, — заполнил фен быстросхватывающимся цементом "рапид", им и посыпала свою прическу Цементная Черепушка, у которой тогда было еще другое имя, ее стали так называть уже после того, как цемент схватился и его, вместе с волосами, пришлось удалять с помощью ударной дрели, так как зубилом и молотком проблему решить было невозможно.

Вечером на ферме остаются одни вертухаи. Жалкая, надо сказать, компания, бывшие контрабандисты, вышибалы, могильщики, медвежатники, мойщики трупов. На нас они особого внимания не обращают, дуются в карты, иногда на столе появляется огненная вода, и тогда они громко орут и пинают друг друга, но в конце концов все успокаиваются.

Среди них — Пузан, заморивший свою мамашу в колодце; обычно с таким выражением, будто говорит что-то остроумное, он представляется так: Али-Баба и сорок разбойников.

А еще — Михай Дубина, он был когда-то садовником и вывел сорт розы под фантазийным названием "Но Пасаран" с запахом потных ног. Этот нарочно, чтобы позлить остальных, всегда говорит на жутком диалекте. Но никто, кроме шепелявого Злыдня, боксера из Трансильвании[1], на него не злится.

На ферме содержат также гусей и индеек. Признаюсь, что более дебильного существа, чем индюк, я в жизни не видывала, если не считать придурковатого Глыбу, одного из верховодов нашей стаи.

1. Трансильвания до 1918 г. входила в Венгерское королевство, а в отдельные исторические периоды, связанные с османским завоеванием Венгрии, была относительно самостоятельным княжеством; после распада Австро-Венгерской монархии отошла к Румынии. На протяжении почти тысячи лет здесь сосуществуют три этноса — румыны, венгры и переселившиеся сюда в XII в. немцы (саксы).

На опушке леса есть место, куда в свое время свезли несколько тысяч книг. Говорят, будто новая власть так решила проблему какой-то не то университетской, не то монастырской библиотеки. Со временем книги и даже писанные на пергамене летописи совершенно размокли. Прочитав одну-две страницы, я клювом вырываю из книги или из хроники лист и проглатываю его. Все же проще, чем перелистывать. Правда, я не могу из-за этого вернуться к прочитанному или "прогуливаться по книге туда и обратно", зато я наглядно вижу, сколько я уже прочитала, и к тому же желудок мой тоже наполняется знаниями.

Вчера Пузан и Усатый вслух размышляли о том, что означают следующие слова на облезлом щите, что стоит у дороги недалеко от борделя:

КРОВЕЛЬНЫЕ МАТЕРИ
ЕБЕНЬ МРАМОРНЫЙ
В ЖАТЫЕ ОКИ

— Что значит — кровельные матери? — крякнув, изумился Пузан, старый уличный хулиган. — И что значит — ебень, да еще мраморный?

Чуть ли не каждый месяц охранники подвергают нас унизительной процедуре: набрасываются, будто звери лютые, и выдирают у нас из хвостов самые красивые перья. Заказы на них поступают из модных домов и прежде всего шляпных салонов. Кстати, перья у нас отрастают заново, но все же эти периодически повторяющиеся экзекуции подрывают в нас чувство собственного достоинства.

— Есть в этих упырях что-то от призраков, — сказал мне сегодня Максико, но я от него отмахнулась.

Он утверждает, будто не раз встречался с ними. Почему-то меня они такой чести не удостоили.

Пузан в свое время, когда уходил из дома, всегда опускал свою мать в колодец, чтобы не убрела куда и не учинила какую-нибудь заваруху. И так было до тех пор, пока однажды он не надрался на храмовом празднике в Стримбе так, что пришел в себя только через три недели.

4. *Бассейн с золотыми рыбками*

Вчера небольшой бассейн, что перед конторским зданием, заполнили водой, и сегодня в нем уже весело плавали симпа-

тичные золотые рыбки, в том числе один выдающийся, килограмма на два, экземпляр. Эта рыба сияла, слепила своим влажным блеском, словно подводная зорька, притягивая к себе мой восхищенный взгляд.

Я подкралась поближе к бассейну и, когда эта самая золотая рыбка уже в шестой раз проплывала у меня под носом, окликнула ее. Она посмотрела на меня такими глазами, словно ее изумило мое присутствие, хотя взгляды наши пересекались уже и до этого. По радио играли последний хит трио "Лос Мачукамбос". Я представилась золотой рыбке.

— А тебя как зовут? — спросила я, видя, что сама она представляться не собирается.

Она посмотрела на меня отнекивающимся взглядом.

— Я не знаю... по-моему, Белла, — сказала она нерешительно. — А может быть, Бланка.

— Я вижу, вам здесь у нас нравится, — попробовала я поддержать разговор.

— Ты так думаешь? — спросила она с искренней озадаченностью. Я стала подозревать, что рыбка меня разыгрывает.

— По-моему, это очевидно, — успокоила я ее.

— Я этому очень рада, — сказала она. Сделала еще два круга, порезвилась с подругами и опять подплыла к тому месту, где я свесила голову над водой.

— Белла, — снова окликнула я ее. — Послушай, Белла...

Она посмотрела так, словно увидела привидение.

— Мы разве знакомы?

— Ну ладно тебе дурачиться, разве не я тебе только что представлялась?

— В самом деле? И как же тебя зовут?

Я представилась еще раз.

— Очень рада. Бесконечно рада знакомству. Ты и вообразить себе не можешь, как я рада, что мы познакомились. А ты случайно не помнишь, как зовут меня?

Я отпрянула от воды и побрела восвояси. У меня за спиной еще какое-то время слышался голос золотой рыбки, восторгавшейся знакомством со мной.

6. *Лесные знаки. Аисты*

В лесу я столкнулась с философом, который влажно сверкающей краской наносил на деревья и камни разноцветные знаки. Дело в том, что наш лес изобилует совершенно круглыми — так называемыми шаровидными — доисторическими валунами, которые пробуждают в людях любопытство и жадность. И нередко случается, что горожане,

особенно из недавних переселенцев, по ночам отправляются в лес и пытаются раздробить киркой поросшие мхом каменья с целью узнать, нет ли в их сердце???вине какихнибудь драгоценностей и что вообще там внутри. Философа по так называемым политическим мотивам недавно лишили кафедры.

— Что ты делаешь? — спросила я человека, рисующего на стволах знаки.

— Размечаю лес.

— Как тебя звать?

Он вынул из ведерка с краской кисть и усталым движением вытер ее о лоб.

— Меня зовут Заадор.

— А зачем эти знаки?

— Чтобы люди знали, какие тропинки заводят в лес и какие выводят.

— Но ведь в мире и так предостаточно разных знаков.

— Это верно, потому что на свете слишком много безумцев, которые поналяпали всяких знаков куда ни попадя.

— Но раз так, какой смысл этим заниматься?

Его голубые глаза засияли — даже ярче, чем тот мазок, что остался у него на лбу от кисти.

— Это станет известно и обретет ощутимый смысл, когда никого из тех, кто эти знаки видел, уже не будет на этом свете.

Возможно, вчера мы на шаг приблизились к этому мгновенью, потому что на спиртзаводе нашли мертвой барышню-машинистку. Что с ней случилось, никто не знает, но в теле ее не осталось ни капли крови.

После долгих сборов и бесконечных приготовлений сегодня аисты решили двинуться в путь.

— Мы вернемся, — ободряюще кричали они нам.

— Но зачем тогда улетаете? — спросила я. — И куда?

— В Африку. Там будет тепло, даже когда здесь наступят морозы.

— В таком случае почему бы вам не остаться там?

— Потому что хотим с вами снова увидеться.

— Так может, нам лучше встретиться в Африке?

— Почему бы и нет! — отвечали они.

Когда высоко в поднебесье над нами пролетала стая диких гусей, на ферме в гусиных птичниках поднялся страшный переполох. Хотя у гусей-невольников крылья были подрезаны, они хлопали ими так неистово, что шум доносился до самых отдаленных уголков фермы, а наши сердца, как выра-

зился один мой друг, охватила какая-то непонятная меланхолия.

Прохладными звездными ночами индейцы гуськом, на цыпочках, пробираются по отрогам Альп. Неслышно скользят они по заросшим травою склонам, держа своих лошадей в поводу. Развевается на ветру и покачивается воткнутая в стволы их ружей ковыль-трава.

Аисты еще не встали на крыло, еще щелкали клювами, чистили перья, готовились к перелету, иногда то один, то другой, подстегивая товарищей, делал несколько пробных кругов, когда вдруг откуда-то появился всклокоченный мужичок в двубортном пальто из драпа и закричал им:

— ...умолкли вы? готовитесь к отлету?

а потом добавил:

— Там непонятен будет ваш язык...

Он еще много чего говорил им своим возбужденным скрипучим укоризненным голосом — например, повторял много раз: *пойте, пойте же, дети мои!* — пока, наконец, не убрался.

7. *Странная фура.* Мальчики

По окрестностям разъезжает какой-то крестьянин, который, сидя на козлах, похоже, даже не смотрит, куда везут его лошади. Крытая фура, я думаю, раньше принадлежала странствующему цирку, потому что на тенте разными красками была намалевана поразительная картина. Множество воинов скачут куда-то верхом, а над ними виден вроде бы хвост летящей по небу кометы.

Отчего он такой безучастный, этот крестьянин, никто не знает, точно так же как неизвестно, что у него под брезентом, что и куда он везет: коноплю? оружие? сахарную свеклу? бочки? гробы?

Охранники иногда устраивают аукционы, на которые собираются толпы — заглядывают даже девушки из "Веселой распутицы" и рабочие спиртзавода.

— Вы слышали, Шпилька выходит замуж? — поделилась новостью Пики.

— Да ты что! За кого?

— За какого-то изувера.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Замуж — за изувера?

— За кого-то на букву "и". Может, за инженера? Или за инкассатора? Я точно не помню. Изувер или инженер. Что-то вроде того.

Мне опять пришлось представляться Белле — золотой рыбке, которая в очередной раз не узнала меня. После чего долго распиналась, как она рада, а потом вдруг спросила:

— По-твоему, я действительно неврастеничка и синий чулок?

— С чего ты взяла?

— Так обо мне говорят за глаза. Да и в глаза тоже.

— Кто?

— Да все. Остальные. И прежде всего мальчишки. Опять я забыла имя.

Я назвалась.

— Да не твое. Свое!

Бойси сказала мне: "Мальчишки иногда подкрадываются сзади и что-то над нами проделывают — не знаю что, но делают они это здорово".

"Плохо было бы без мальчишек", — сказала Бойси.

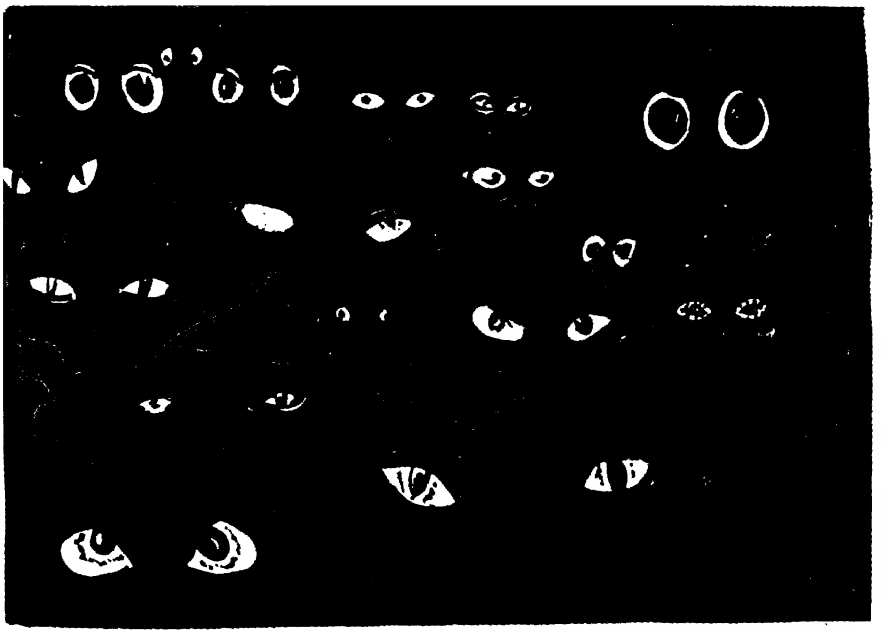
10. *Граф Мориц Бенёвский. Нестраусиные условия*

Однако, что это за тип в самом центре картины, намалеванной на брезенте фуры? Такой худой и такой мрачный, что вся сцена кажется мне зловещей.

Обыкновенный венгерский граф Мориц Бенёвский[1], изведавший лиха в русском плену, кончил тем, что стал королем на Мадагаскаре.

Рассказывающую об этом треволнительную книжку с цветными картинками своим товарищам читал Очкарик. Дело в том, что по вечерам охранники, когда им надоедает все, в том числе даже карты, читают вслух какую-нибудь книгу или газету. Таким образом, графа этого — интересно, что

1. Мориц Бенёвский (1746–1786) — историческая фигура, венгерский граф, родился в Западной Словакии; военную карьеру начал в 16 лет, выступив на стороне австрийцев во время Семилетней войны; в 1768 г. присоединился к польским повстанцам-конфедератам, после поражения которых оказался в русском плену. В мае 1771 г. Бенёвскому и другим польским ссыльным удалось захватить военный корабль, на котором они отплыли в сторону Курильских островов. Через несколько месяцев Бенёвский высадился на Мадагаскаре, сопровождаемый командой из 21 офицера и 237 моряков. В 1776 г. вожди местных племён избрали Бенёвского королем.



Ночь в лесу (Вечер у секеев)

это значит, граф? — я могла бы назвать своим земляком, ведь, как мне рассказывали, одна из ветвей нашего семейного древа — все мои предки по материнской линии — родом с Мадагаскара, острова, на весь свет знаменитого тем, что когда-то на нем обитали исполинские страусы. Скорлупа их яиц была так прочна, что даже сегодня, спустя тысячелетия, на побережье частенько находят громадные яйца, сохранившиеся в целости и сохранности. По отцовской же линии мой род восходит к страусиному племени из долины Лимпопо, и здесь, на Венгерской низменности, две эти линии интересным образом пересеклись во мне. Как замечательно, что это случилось.

Но это еще не все. Граф, что бы это слово ни означало, оказался в плену — точно так же, как мы. Правда, его, в отличие от нас, в плен взяли русские.

К тому же из-за полученной в одном из сражений раны Бенёвский охромел, то есть ноги после этого у него были не совсем одинаковые. (Одна была, вероятно, короче другой.)

Но ничуть невзирая на это, хромой граф все же умудрился бежать и добраться до Мадагаскара, и даже сделаться там королем.

Почему бы нам, по примеру Бенёвского, не последовать тем же путем до самого Мадагаскара?

Также выяснилось, что путь, который Бенёвский с товарищами проложили к Мадагаскару, сопряжен со всяческими

приключениями и проходит через Камчатку (ясен пень, что не через Гонолулу, заметил один из охранников, и над этой дурацкой остротой они долго ржали). Интересно, как она выглядит, эта Камчатка?

А еще интересно, что это за штука такая — граф? Как бы звучало, скажем: граф Янош Страус? Или графиня Страус-Я-Лично?

Все было бы проще, будь у нас глобус или географический атлас. Да еще надо бы раздобыть где-то автобиографию этого славного землепроходца.

Ведь граф этот, с картой или без карты — пока это неизвестно, пытался бежать многократно и, хотя его много раз ловили, добрался-таки до родины моих предков.

Мы устроим побег!

Нужна карта.

Нам бы только добраться до Секейкочарда[1]! Ведь Кочард, как общеизвестно, это же перевалочный пункт, место так называемой пересадки, короче, узловая станция. Стоит нам только туда попасть — и ищи ветра в поле.

Мы устроим отсюда побег!

Долой эти нечеловеческие — или, точнее, нестраусиные, хотя это не звучит, — условия!

Долой рабство! Нас ожидает Африка!

Отчаливаем, аллегро!

Этими словами — аллегро, аллегро! — обычно подбадривает носящихся по выгону страусов Восьмиклинка, щукоглавый охранник, от которого вечно разит самогоном из горечавки. Я понятия не имею, что он хочет этим сказать. А вчера Очкарик еще добавил:

— Аллегро ма нон тропо.

— Что значит "нон тропо"? — спросил Восьмиклинка. На пороге своей караулки они как раз уплетали служебный ужин. Конкретно, ели мамалыгу, которую сами они называют малай.

Михай Дубина, сняв башмак, обнюхивал свою ногу.

— Ма нон тропо, — встрял тут Пузан, — значит: не слишком шустро.

— А вот у меня был кот, — задумчиво произнес Восьмиклинка, уписывая служебную мамалыгу, — ну такой шустрик!

— Ну и что с ним стало? — осторожно спросил Очкарик.

— Я его на гуляш пустил.

— И как, вкусно было?

1. Небольшое селение и пересадочный узел в центре Трансильвании.

— Да так себе, — закончил делиться воспоминаниями Восьмиклинка и продолжил жевать малай.

11. *Углежоги*

Когда они приближаются к храму или к распятию у дороги, то осеняют себя крестным знамением, а в корчме смиренно раскланиваются с богомольцами и паломниками. В свое время один пилигрим по имени Барнабаш долго допытывался у местных, куда подевалась чудотворная статуя Девы Марии, а потом удалился в лес, и только его и видели.

Обретаются углежоги на самых дальних лесных полянах. Дальше них жили только медведи, но это когда-то, потому что позднее медведей всех аннексировали.

Ввалившись в корчму, они прямо в тулупах усаживаются за столы и за стойку; глаза черные, так и блестят под широкополыми шляпами, зубы белые, сверкающие в густой бороде. Не глотая, стакан за стаканом опрокидывают они в себя палинку. В гостях выпивают все компоты из бабушкиных кладовок и ковыряют в зубах охотничьими кинжалами. На концертах хлопают в паузах между частями симфонии, а в корчме вместо ножей и вилок пользуются топорами, заказывая еду громогласным криком и стуча по столам кулаками. Чарки, пинты, шкалики, кварты и штофы так и летают в стенах "Плачущей обезьяны" и "Святой жабы".

Громадные свои посохи углежоги держат всегда под рукой. А на улице, за порогом корчмы, их дожидаются неподкупные белые псы.

Любимое блюдо у них — фаршированная кобыла. А также спагетти а-ля карбонара. Им они и питаются день-деньской, потому что они — углежоги. А еще едят хэм энд эггс — бекон и яйца. Такова пища углежогов, а проще сказать — карбонариев.

Грозный батюшка! — словно в опере, мысленно обращаюсь я иногда к своему отцу. — Выслушай дочь свою, взывающую к тебе! — Но он мне не отвечает. Отца своего, как и мать, я не знаю, никогда их не видела и представить себе не могу, что сталось с ними, после того как однажды они вдруг пропали с фермы. Порой мне кажется, что в один прекрасный день они все же вернутся. Но если задуматься над тем, что пишут в газетах, то, право же, я не знаю, на что надеяться. Ведь в любой момент, как это положено в модных романах, может, к примеру, выясниться, что отец был агентом гэбэ.

12. *Славный друг*

У меня появился друг-человек. Это Петике, внук аптекаря с Монастырской улицы; которого так и зовут — Пети Аптекарь. Это он заметил, когда дикие гуси двинулись в путь: "Ну вот и гусиное сердце повернулось к югу". Мне кажется, он влюблен в меня. Обычно он собирает лесные травы для своей бабушки. Он примерно одного со мной возраста, лет пяти-шести; что ни день появляется он у фермы, торчит у забора и откровенно любуется мной. И стоит мне только переместиться, как он, по ту сторону, следует за мной по пятам, угощает медовым печеньем, халвой и всякими прочими лакомствами.

— Спасибо тебе за печешки, Петике, — говорю я ему. — За печешки, за семки, орешки. За то, что не забываешь меня. За все.

— Научи меня вашему языку, — пристает он ко мне. Уж не знаю, зачем ему страусиный язык, если мы можем общаться на суперлимбе, хорошо понимая друг друга.

— Но мне все же хочется общаться с тобой на твоем языке, — улыбнулся он мне загадочно-человеческой улыбкой.

Как все-таки непривычно выглядят лица людей.

Но это, видимо, оттого что у них нет клювов.

Что касается языков, которыми пользуются обитатели леса, то я понимаю далеко не все. К примеру, сегодня ни свет ни заря из-под лиственницы, что растет на поляне, послышался то ли вопль, то ли плач, быстрый, словно ручей после снеготая, и настолько трогательный, что я чуть не расплакалась. Но чьи это были жалобы, я так и не поняла.

Обновили рекламный щит рядом с бывшим монастырским храмом, в котором сейчас расположен бордель с магазином часов, возглавляемый пресловутой барышней Ай-да-Мари. Как выяснилось, щит принадлежит фирме стройматериалов "Боа-Констриктор" (или, может быть, Бау-Конструктор?). На щите теперь можно прочесть начертанную большими карминово-красными буквами надпись:

КРОВЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ЩЕБЕНЬ МРАМОРНЫЙ
В СЖАТЫЕ СРОКИ

— Ну народ, и зачем им понадобилось исправлять этот "ебень"? — задумчиво произнес Пузан, отирая пивную пену с усов.

13. *Зомби, или Ходячие мертвецы*

Вчера вечером вместе с охранниками смотрела по видео фильм ужасов, который Усатый взял где-то напрокат. Все вертухаи были в восторге. Фильм под названием "Возвращение живых мертвецов" я смотрела через окно караульного помещения.

С экрана скалились какие-то одичавшие, с отсутствующими глазами и шаркающей походкой, люди. Это были зомби, то есть ходячие мертвецы.

Когда-то все эти зомби были люди как люди, пока не померли, как та барышня-машинистка со спиртзавода. А когда они померли, душа человеческая из них вышла вон. Но хотя она их покинула, эти люди померли почему-то не до конца. Положение это им явно не нравилось, они безобразничали, крушили все что ни попадя, потому что жить без души было плохо.

Все было бы хорошо, однако из разговора после просмотра фильма, среди прочего, выяснилось, что Создатель (или по-старому Иегова) не даровал нам, животным, душу. Поэтому возникает вопрос: достаточно ли кому-то лишиться души, чтобы сразу стать зомби, и почему в таком случае мы, животные, не являемся изначально зомби, или для этого, кроме бездушия, нужно еще кое-что? Или, может быть, для того чтобы превратиться в зомби, надо сперва иметь душу, а потом потерять ее?

15. *Мясник с площади Сечени*

Об этом необыкновенном случае услышал в городе Лаца Зашибленный.

Дело было в мясной лавке на площади Сечени, что напротив кофейни.

Какая-то старушенция так доняла тамошнего мясника, так к нему придиралась, так ей не нравилось все подряд, то и се, пятое и десятое, то одно ее не устраивало, то другой кусок мяса был слишком жилистым или костистым — словом, так допекла бедного мясника, что у него задрожали руки, и когда он своей секирой рубил говядину, то от нервов случайно отхватил себе кончик мизинца, который упал на бумагу, где лежали отобранные уже для старухи куски.

Старая грымза и тут сделала ему замечание.

А мясник был уже в такой ярости, в таком помрачении разума, что в сердцах отхватил себе кисть левой руки, всю как есть, подчистую, и швырнул ее вслед за мизинцем.

Но старуха не унималась. Интересно, отчего люди так сатанеют при запахе мяса?

Продавец пришел в еще большую ярость, еще больше рассвирепел и в беспамятстве оттяпал себе и правую кисть, крича при этом: "Вот! пожалуйста! Забирайте! Кушайте на здоровье!"

Старушенция же, воспользовавшись переполохом, расплатилась у кассы, подхватила пакет, шмыгнула из лавки и, стуча зубными протезами и подошвами шлепанцев, растворилась в рыночной толчее.

Вот такая история. Поучительная и волнующая, но чего-то мне в ней не хватало, чего-то я недопоняла, и это меня тревожило, я никак не могла поверить, что все так и было, но поскольку никто ничего не сказал, то я тоже молчала.

16. О *душе*

А вообще, из чего состоит душа?

По словам Очкарика, люди на своих картинах всегда изображают душу в виде птицы.

Получается, что душа — это птица? Такая, как мы?

Не следует забывать, что мы, страусы, самые крупные птицы на свете. Так может быть, и душа у нас самая что ни на есть большая? Почему бы и нет?

Кто живет в птице? Другая птица?

Ну а в этой другой?

17. У*роки словозабвения*

Уроки словозабвения в нашей стае проводит Глыба.

Дело в том, что кое-кто из старейшин заметил, что нам приходится учить слишком много слов, немыслимое количество слов и сложных грамматических правил. Из-за этого мир становится непонятным, а наши представления о нем — туманными. И все из-за языка. Этот неслыханно переусложненный язык люди придумали специально, чтобы держать нас, страусов, в рабстве, говорил Глыба, "но мы нашли выход из положения".

Перед занятиями он собирает какие-то ягоды, травы, грибы — корзины примерно так полторы. Всю эту смесь мы измельчаем в корыте своими клювами. Затем топчем ногами, и на третий день месиво начинает бродить. В начале урока словозабвения Глыба заставляет нас пить эту жижу.

Например, на последнем уроке мы забывали слово "любовь". Но я все же помню его, потому что пить зеленоватую бурду у меня не было никакого желания, и я обманула учителя, сделав вид, что отведала эту дрянь, и пошла на урок, так ничего и не выпив.

Глыба вещал нам о том, что самыми вредными являются слова, означающие вещи, которые невозможно потрогать, увидеть, услышать или понюхать. Такие слова всяк толкует как ему вздумается и использует, как он хочет, — в отличие от нормальных слов, таких, как охранник, кошка, яйцо, вода. А раз каждый их понимает по-своему, они порождают всякую путаницу, идиотизм, раздоры, сумятицу и хаос.

Одно из таких искусственных слов — "любовь". Его забывание происходило так: под руководством Глыбы, совершая ритмичные круговые движения головой, мы несколько минут хором повторяли слово. А потом, вращая головами в обратном направлении, скандировали слово задом наперед: вобюл, вобюл, вобюл. Не прошло и четверти часа, как мозги страусов избавились от этого, не имеющего однозначного толкования, слова, и все они облегченно, с гиком и ржанием, разбежались в разные стороны.

Рядом со мной остался лишь Максико.

— Думаю, что на следующей неделе дело дойдет до "веры", а потом до "надежды", — рассуждала я вслух. — Как же мы теперь будем жить без любви?

— Без чего? — изумился Максико. — Что за странные ты говоришь слова... Как ты сказала? Без людби... Без бюдли?..

Я промолчала. В воздухе резко пахнуло ведьмятиной. Из-за угла выкатились Глыба и тетка Лула, мелкорослая ведьма-страусиха, которые, как мне показалось, с любопытством прислушивались к нашему разговору.

19. Б*арнабаш*

— Ты не знаешь, который час? — послышался на лесной дороге чей-то скрипучий взволнованный голос.

Человек был одет старомодно, на ногах — полуистлевшие пыльные башмаки.

— Половина четвертого. Мог бы и сам посмотреть, у тебя на руке часы.

— Никогда нельзя быть уверенным, что они не опаздывают, — проблеял он, при этом левое веко у него нервно подергивалось.

— Полчетвертого, говорю. А куда ты торопишься?

— Сегодня я наконец-то узнаю, как мне добраться до Храма младенца Иисуса.

— Но ведь это мифический храм, эфенди.

— Какой же мифический, если я его сам построил семьсот двадцать лет назад во искупление своих грехов. А кото-

рый час? — Достав еще и карманные часы, он глянул на циферблат и посетовал: — Все часы показывают разное время!

— Как тебя звать?

— Барнабаш. Как меня еще могут звать!

— И во сколько ты должен там быть, эфенди? И где?

— Ровно в полночь на границе Медвежьей Земли я должен встретиться со спасателем-спелеологом. Однажды мне почти удалось с ним встретиться, но как раз в это время происходила смена империй, провинцию отделили и сменили в ней часовой пояс.

— Что за пояс такой?

— Ну передвинули время на час вперед. Так что мой спелеолог подождал полчаса и исчез под землей. Но теперь я там буду на два часа раньше. Как ты сказала, который час?

20. *Скрипки, виолончели.* На *юг!*

Вдохновленные формами женского тела, старинные мастера придумали удивительный инструмент. Если маленький, то его называют скрипкой или виолой, если побольше — виолончелью, а уж если совсем большой, то контрабасом. Нет свадьбы, где не играли бы эти замечательные инструменты, и вместе и врозь, а иногда и в сопровождении звонких цимбал. Больше всего мне нравится голос виолончели, сладостно грустный, бархатный, янтарно-краснодеревный. Один из наших охранников, Лаца Зашибленный, сильно вырос в моих глазах, когда я увидела, что он тоже играет в свадебном банде, к тому же на виолончели.

Я разыскала в лесу Заадора. Он по-прежнему размечает деревья своими знаками.

— Как нам добраться до Африки? — спросила я у философа. — В какую сторону надо двигаться?

— Это проще простого.

И он объяснил мне все про земной шар и страны света.

— Если есть Северный полюс и Южный, то почему нет Западного?

Он объяснил и это.

— А где Восток начинается?

— В Брашшо, сразу за Черной церковью[1]. Там кончается готика.

1. Черная церковь (церковь Св. Марии) — построенный саксонскими колонистами в XIV в. крупнейший в Восточной Европе готической лютеранский собор в трансильванском Брашшо (рум. Брашов, нем. Кронштадт).

— А где начинается Юг?

— В тебе. Взгляни в сторону Южного полюса и сразу почувствуешь.

— А это не субъективный идеализм? — спросила я. — Даже не знаю, как этот вопрос мог прийти мне в голову. Философ от изумления выронил из рук ведро, которое с грохотом покатилось в овраг, подпрыгивая на обросших мхом шаровидных доисторических валунах. — Воспользовавшись его удивлением, я снова спросила:

— А ты мог бы нарисовать для нас знак, указывающий путь на Юг?

— Разумеется. А что он должен изображать?

— Бегущую ногу.

22. *Любопытная информация.* Папаша Галапагос

— Я прочту вам статью из газеты недельной давности, — с такими словами я обратилась сегодня к стае. — Эту четвертушку газеты я нашла на скамейке у караульни. Вот послушайте, что здесь пишут:

Из этих краев двинулись в путь не только перелетные, но и все прочие птицы, и вся четвероногая живность бежит отсюда, куда глаза глядят. Сперва отправились ласточки, затем аисты, дикие гуси, дикие свиньи, дикие кошки, дикие козы и дикие жабы... БУКВАЛЬНО ВСЕ! Зубры и ежи, лошади и собаки, коровы и куры... Все живое спасается бегством.

Ученые недоумевают, не зная, как объяснить это необычное явление.

— Это все, — закончила я.

— А где это происходило? — без особого любопытства спросил Недомерок.

— Где-то здесь, — ответила я.

— Ну а все же?

— В Румынии.

У дедушки Петике, двухметрового роста аптекаря, посаженная на широченные плечи голова сильно вытянута вперед, как у коршуна или черепахи, вот почему за глаза его и называют — папаша Галапагос (Père Galápagos).

Кстати, насчет любви. Когда апостол Павел говорил о языках человеческих и ангельских, он сказал (1 Кор. 13), что без любви они — не более чем звук треснутого горшка.

Ай-да-Мари работала прежде в открытой пекарне, где за стеклом, на глазах покупателей, лепила ватрушки. Этот принцип открытости она сохранила и на новой работе в "Веселой распутице", где любопытствующие, заглядывая в панорамные окна, могут увидеть, что для них приготовлено и что они могут купить в стенах бывшего монастыря.

23. *Споры-раздоры*

— ...Но ты не сказала ни слова о тех жутких препятствиях, которые — в чем я не сомневаюсь — делают невозможным такой побег...

Эту обеспокоенность высказал Капитан, вожак стаи.

— Нет на свете такого клочка земли, — набрав в легкие воздуха, отвечала я, — откуда...

— Это что? Цитата какая-то? — перебил Глыба.

— Да, Глыба, цитата, и очень важная, из графа Бенёвского, который сказал, что не бывает безвыходных ситуаций и нет такого клочка земли, откуда при должной сплоченности не могла бы сбежать группа отважных свободолюбивых мужчин.

— Уши мои, что вы слышите? — встрял тут Пишта Потемко, плебей и законченный карьерист по кличке Сквалыга. — Заяц учит стрелять охотника! Желторотая пигалица... еще молоко на губах не обсохло, а берется учить нас, что значит отважный мужчина... По-моему, эта барышня не знает еще, что такое мужчина вообще...

— Все гораздо печальней, П. П., — с неземным спокойствием отвечала я. — По-моему, это ты не имеешь понятия, что значит мужчина.

Все, отвернувшись, заржали. И даже крот Игэлае заухмылялся в своей норе. Если бы нечто подобное я осмелилась сказать месяца два назад, у меня выдрали бы все перья.

Вот что значит для человека совершеннолетие.

Или для страуса.

На картине, которую сумасшедший художник намалевал на тенте загадочной фуры, командир воинов восседает на одногорбом верблюде, так называемом дромедаре, обитающем в пустынях Аравии и Египта, в чем в ближайшее время нам представится случай убедиться самим.

26. *Зерзура. Решение принято*

— ...путь на юг будет проходить через Потерянный оазис — бесследно исчезнувший в море песка сказочный остров, который

аборигены, в честь одноименной птицы, окрестили Зерзурой. Нога человека еще никогда не ступала на Зерзуру, но берберы уверены, что именно там находятся сокровища древних царей, которые охраняет огромная, превратившаяся в камень, птица. Надо просто уметь читать великую книгу бескрайней пустыни, так говорил граф Ласло Алмаши[1], известный также под именем Английский пациент. Ну так вот! Мы — самые быстроногие бегуны на свете, — объясняла я. — И если без передыху бежать прямо на юг, то достаточно скоро мы достигнем Африки.

— И сколько времени займет этот пробег? — полюбопытствовала Корица.

— Неделя-другая — и мы у подножия пирамид, — сказала я ободряюще. — Лично я отправляюсь завтра.

— И я, и я, — завопили они в пять клювов. Все пятеро, как один человек, точнее сказать, как один страус, изъявили желание бежать вместе со мной — Максико, Тарзан, Голиаф, Володя и Корица.

А тетка Лула, страусиная ведьма, хватая воздух, вскричала:

— Нюхательную соль, скорее, ой-ой!

Она надеялась, что этим старинным средством сможет унять сердечное треволнение.

Совещание я закончила следующими словами:

— Отныне и навсегда те из нас, кто желает обрести свободу, должны зарубить себе на клюве вопрос, который помог графу Бенёвскому успешно преодолеть сотни и тысячи безумных опасностей и преград.

Вопрос этот звучит так:

КАК НАМ ВЕРНУТЬСЯ ИЗ ЭТОЙ ЮДОЛИ ПЫТОК И УНИЖЕНИЙ В БЛАГОСЛОВЕННОЕ ЦАРСТВО СВОБОДЫ?

29. *Первый побег*

Спиртзавод остался уже позади. Начался новый лес, незнакомый. Успокоившись, мы галопом понеслись дальше на юг, ориентируясь, как было условлено, по начертанным Заадором знакам.

Внезапно наше внимание привлекли необычные звуки.

1. Ласло Алмаши (1895—1951) — венгерский исследователь пустынь, автомобилист и авиатор, в начале 1930-х гг. предпринявший ряд экспедиций в пустыню Сахара для поисков легендарного оазиса Зерзура. В 1996 г. по мотивам его биографии режиссер Э. Мингелла снял оскароносный фильм "Английский пациент", имеющий, впрочем, мало отношения к реальной жизни Алмаши.

— Что за треск? — изумилась я.

— Ружье, — испугался Тарзан. — Точней, не ружье, а ружья.

— Охотники? — долетел до меня взволнованный шепот Корицы.

— Скорее всего, браконьеры или, как их еще называют, пострельщики, — ответил Тарзан, как будто было не все равно, чьи пули сейчас продырявят нам шкуры.

Охотничий раж между тем все нарастал. Времени на раздумья не было, и мы, стремглав, поскакали дальше, тем более что поблизости послышался жуткий собачий лай. Это было не милое тявканье наших сторожевых собак-пули, а истошный, безжалостный, ужасающий и кровавый вой прирожденных убийц. По сравнению с ним град стрел, посыпавшийся на нас с небольшого грузовичка, показался нам просто спасением. Если не ошибаюсь, на борту притаившегося за поворотом проселка грузовика была надпись: ООО "Живодеры и кошколовы".

— Эти стрелы отравленные, — прокричала я, падая, и запомнила только стремительно приближавшееся ко мне дно оврага. (Сегодня я уже знаю, что все, в кого попадают такие стрелы, против собственной воли тут же впадают в сон. Ибо нету предела человечьей злокозненности и изобретательному коварству.)

Очнулись мы уже в своих клетках. Проснулась я одурманенная, как с похмелья. И грустная, как впавшая в меланхолию кошка. Из установленных на ферме динамиков гремел шлягер: "Никуда уже не спрятаться, не скрыться..."

Меня разбудил отвратительный, густой, пробирающий до печенок дух самогонки из горечавки.

Тарзан рассказал, что, пока мы спали, всем шестерым, как делают это гусям, подрезали крылья. И Корица, и Голиаф считают, что это просто месть, но, мне кажется, дело не только в этом.

Решила подумать до завтра. И только когда буду уверена в своей догадке, изложить ее на бумаге. Поэтому никому ничего не сказала, хотя на ум мне пришли две строчки из стихотворения Эндре Ади, которое мы заучили в школе на уроке венгерской литературы:

Там, где крылья подрéзали нам,
Там, где вечер — мертвецкий дурман.

С этим я и заснула.

А проснулась от какофонии свадебной процессии. Это была свадьба Шпильки, сочетавшейся с каким-то истопником. Однако это событие не заслуживало бы внимания, если бы не

поразившее меня поведение Лацы Зашибленного. Когда начали играть очередную мелодию, он, вместо того чтобы водить смычком по виолончели, начал, как сумасшедший, дубасить свой инструмент какой-то палкой.

— Что он делает? Он с ума сошел? — спросила я Петике, которого тоже привлек этот шум.

— Да ничего подобного. Это так принято. Ведь это не виолончель, а гардонка, — просветил он меня.

— Такой инструмент?

— Ну да, типа виолончели.

— И не жалко тебе его?

— Если хочешь, я для тебя разузнаю, что пишут о нем в ученых книгах.

— Ну, конечно, хочу. А знаешь, что мне сегодня приснилось?

Перед тем как проснуться из-за свадебной какофонии, мне снилось, что я — скороход при царе, и в беге моем меня вдруг остановила мрачная и глубокая пропасть. В этом сне меня звали Картечью, расселина была неимоверно глубокой, не слишком широкой: казалось, что перепрыгнуть ее можно в один прыжок.

30. О*дно важное наблюдение*

Понаблюдав за летающими животными, и вовсе не только за птицами — нет! — но и за комарами, шмелями и даже нетопырями, я открыла закономерность, согласно которой летать могут только существа, которых природа наделила крыльями. Мне кажется, что между маханием крыльями и полетом существует глубокая причинно-следственная взаимосвязь.

Ведь ни волки, ни змеи, ни люди, ни кошкодавы не способны подняться ввысь, будь они сколь угодно страшными или могучими.

Да, теперь я все поняла.

КРЫЛЬЯ — ВОТ В ЧЕМ РАЗГАДКА!

31. И *один важный вопрос*

Но если способность летать зависит от крыльев, то почему страусы не летают? Почему самовлюбленные и надменные, глупые и заносчивые павлины и павы при всем желании могут отлететь — ну разве это полет? — всего лишь на пару метров?

Павлины, конечно, животные замечательные, спору нет. И хвосты, и головы, и никчемные крылья — заглядение, да и только.

Но почему они не взлетают, ну хоть на забор, когда им угрожают собаки?

Выходит, летать можно разучиться.

Но зачем нам подрезали кончики крыльев — только нам, беглецам? Не только ведь в наказание.

Наверно, боятся, что в один прекрасный день мы улетим в Африку.

Ведь можно снова научиться летать!

Ну конечно, и об этом я догадалась еще вчера!

От волнения я что есть духу припустила по выгону. Я знала то, чего не мог знать лишенный перьев и не умеющий толком бегать ограниченный человек. Что крылья, во всяком случае страусиные, как их ни подрезай, все равно отрастут!

Этого ты не учел, человек!

Мы научимся снова летать!

— Вы обязательно полетите! — заухмылялся в своей норе крот Игэлае.

33. *Падучая звезда.* Буся. *Дрозд.* Великая *Праматерь* Страусов

— Падучая звезда! Как здорово! — воскликнула я.

— Можно и так сказать, — отозвался Петике.

— А как еще? — спросила я.

— Из запредельных космических далей к нашей планете приближается лыжник, и на виражах из-под его звездных лыж сыплются искры. Он стягивает с лица горнолыжную маску и посылает тебе улыбку.

Копна раньше была певицей сопрано в хоре театра музыкальной комедии, но из театра она ушла, повздорив с директорской протеже — драматической инженю. На новое место работы, в контору страусиной фермы, она притащила диван, на котором директор театра распределял между актрисами роли, и теперь на этом диване они пьют кофе.

Шпилька с мужем, изувером-инженером, оказавшимся на самом деле истопником, в качестве свадебного подарка получила от коллег легавую. Собаке этой в обед сто лет, зубов нет, и шерсть почти вся облезла, но они в ней души не чают, зовут ласково Бусей и позволяют ей спать в своей постели.

Из Венгрии, с острова Маргит, к нам прилетел дрозд. Поет он на каком-то чудно́м диалекте, что тут же заметили остальные дрозды в лесу.

Наш вожак Капитан сказал, и это меня просто потрясло, что, оказывается, страусы когда-то умели летать, а Великая праматерь страусов, возможно, и до сих пор летает по Небесным саваннам.

Летает!

Но если так, то нам нужно не учиться летать, а просто вспомнить, как это делается!

Просто вспомнить! Прррростовспоомнить! Пррррррросто!!!

Эй, праматушка в небесах!

Кто бы мог научить нас летать?

— Ты — великая, — уставился на меня Максико, симпатичный молоденький страус, когда я посвятила его в эту тайну. — И до всего дошла сама! Ну и светлая голова! Какая ты вся логичная! И стройная! Голенастая! И пахнешь приятно! — восторгался он.

35. Ц*елебная вода* С*амоша.* С*трунный тамбурин*

Я решила, что больше не буду ходить на уроки забвения. Кто знает, что́ уже стерли из моей памяти. И даже придумала раздобыть из Самоша немного воды для себя и для Максико. Говорят, будто тот, кто отведает этой воды, становится не способен к забвению. Если это действительно так, то Самош среди прочих рек — то же самое, что незабудка среди других цветов.

А может быть, тот, кто отведает этой воды, не только перестанет все забывать, но если ему повезет, то опять будет помнить все, что когда-то знал, но забыл?

“Ах, вешние деньки — они уж не твои”, — напевает прибывший из далеких краев дрозд.

Струнный тамбурин, как описывается в книгах ученых этнографов, — схожий размером и формой с виолончелью самодельный четырехструнный ударный инструмент. Ударный, именно так. Если тамбурин переделывают из виолончели, он называется виолончельным. Для переделки “из виолончели вынимают душку, а подставку для струн стачивают почти до основания”. Все так просто. Что касается самодельного тамбурина, то его выдалбливают из цельного куска явора

или ивы наподобие корыта. Ударной палочкой служит кусок твердой древесины длиной 40 сантиметров и толщиной с черенок метлы. Смычок не используется. Инструмент применяется чаще всего как ударный для сопровождения танцев у чанго и секеев[1].

В укромной долине, на южном склоне вулкана между вершинами Арпада и Магуры, обитают лесные сатиры.

Захворала легавая Буся. Шпилька подолгу рассказывает всем остальным, какие пилюли и какие примочки она использует, чтобы помочь бедняжке, и совершенно уверена, что у собаки снова вырастут зубы и она опять будет лаять.

36. Тарзан. Володя. Пальмы

— С этого дня при охранниках мы будем говорить задом наперед, чтоб никто из непосвященных не понимал, — распорядилась я.

— Как на уроках забвения? — спросил Володя.

— Оннеми кат.

По решительности, энтузиазму и грандиозности планов Тарзан переплюнул даже меня.

Он сказал, что мы не можем покинуть эти места, оставив нетронутым ненавистный переработочный цех. "Мы подпалим эту бойню вместе с проклятой фермой! — с этой мыслью он встает и ложится. — Мы им покажем, как жареную страусятину лопать!" И изучает технические проблемы изготовления зажигательных бомб. Тарзан шуток не любит.

Володя же занимается изучением легендарной эпохи, *когданекогда* страусы господствовали в жарких тропиках и на суше, и в воздухе.

Держа в клюве длинную кисточку, он обновлял свой якобы некогда существовавший фамильный герб. На геральдическом щите он изобразил страусов, обстреливающих с воздуха каменными глыбами наполовину разбитую уже армию леопардов. На заднем плане красуются пальмы. Леопарды в панике разбегаются.

Пальмы — не те, что изобразил на своем гербе Володя, а настоящие — вырастают до облаков. По ночам в их кронах спасаются от хищников страусы. На пальму не могут взо-

1. Чанго, секеи — этнические группы венгров, проживающие на востоке Румынии и отчасти в Молдавии.

браться ни лев, ни оборотень, ни крокодил. Злой оборотень, как он ни точит о ствол все свои тринадцать когтей, не может забраться наверх. И страусы иногда с издевкой кричат ему сверху:

— Не сдавайся, эй, перевертыш! Полезай к нам!

Оборотень в бессильной злобе пинает пальму, но она этого даже не чувствует.

Это оборотни?

К возвращению угнанных на далекий Север страусов пальмы приготовили сладкие, чудного аромата плоды. И, покачивая кронами, словно бы говорят: потерпите, осталось совсем немного.

37. Заадор. *Как хоронили когда-то*

Из леса куда-то пропал Заадор. Говорят, будто он эмигрировал в Венгрию, но рассказывают и другое: его дядя якобы был надзирателем, и во время тюремного бунта заключенные порвали его на куски, поэтому Заадор отправился в устье Дуная, чтобы похоронить его, точней, то немногое, что от него осталось. По ночам в лесу раздается что-то вроде тамтама, а подчас слышится даже саксофон.

Одного из дедушек Максико похоронили там же, где тридцать лет назад были зарыты мученики неудавшейся революции. Зарывали их втайне, потому что те люди, которые пришли к власти, не хотели, чтобы другие возлагали цветы и венки на могилы казненных, вот они и решили, что лучше всего зарыть прах мучеников (или прахи? много мучеников — много прахов? это множественное число меня с ума сведет; сколько тел может быть у одного мученика?), короче, оставшиеся по-

сле повешения безжизненные тела закопали в том месте, где хоронили умерших животных из зоопарка и цирка. Но люди все-таки разузнали про этот участок кладбища, так как в этой стране даже самые страшные тайны всегда выплывают наружу, и поэтому уже много лет весь народ, или, во всяком случае, внуки революционеров, возлагают цветы и венки на могилу, где покоится дедушка Максико.

Петике пишет роман. Действие в нем происходит в неизвестной провинции из тех, что на географических картах обозначают словами "Hic Sunt Leones", то есть "здесь обитают львы", короче, неведомая земля на обочине ойкумены. В наших местах нет ни одного льва, и, честно сказать, никому они тут не нужны.

В романе Петике эта провинция (которая не имеет, да и не может иметь отношения к нашей) называется Львиной Землей, по-научному — Terra Leonum или Terra Leonorum, уж не знаю, какое название правильней. Наверно, последнее, а что касается слухов, то, похоже, они не беспочвенны, не случайно вчера по радио передавали прелюдию к третьему Леоноруму Людвига ван Бетховена под управлением сэра Джорджа (называемого также Дёрдем) Шолти[1].

39. *Летный инструктор. Свобода воли, судьба и рок*

К нам прибыл летный инструктор.

Долгожданный учитель приехал из какого-то зоопарка или морского порта на любимом прогулочном кабриолете символистов.

Вывалившаяся из авто многочисленная и суетливая компания поспешила извлечь воздушного акробата из элегантной машины. Он восседал на заднем сиденье, и первое, что нам бросилось в глаза, это его благородный внушительный профиль. Из аристократического клюва свисала огромная матросская трубка.

Чуть шевельнув крыльями, воздушный ас тут же слетел на землю. Водитель кабриолета дал газ и умчался вместе с символистами, а мы обступили земное полубожество.

— Наши сердца переполнены ожиданиями и надеждами... — попыталась я начать разговор.

1. Джордж Шолти (1912–1997) — дирижер венгерского происхождения, в разные годы — музыкальный директор мюнхенской "Штаатсопер", генеральный музыкальный директор города Франкфурта, художественный директор Лондонского филармонического оркестра.

Летный инструктор

Учитель обвел себя взглядом и опустил голову.

— Временами хандра заедает матросов, и они ради праздной забавы тогда... oui, pour s'amuser[1], — не вынимая из клюва трубки, пробормотал он, то ли оправдываясь, то ли смущаясь. Потом он проковылял пару шагов, и мы обнаружили, что ноги его опутаны, пусть и не слишком тугой, веревкой. Он неуклюже подпрыгивал и хлопал крыльями, пытаясь сохранить равновесие, хотя они, эти крылья, как раз и мешали ему ходить нормальной, а не этой жуткой хромоногой походкой. Мне стало жалко его, и я воскликнула:

— Постойте, маэстро! Я сейчас разрублю своим клювом эту веревку!

Но альбатрос от этого отказался.

Почему — я так и не поняла, хотя позднее, довольно туманно, он говорил что-то о предопределенности, кармических силах, о которых я не имею понятия, о стоической мудрости, жертвенности и о служении племени поэтов и альбатросов. А также о невозможности избавиться от власти символа (или Символа?) и о каких-то взаимосвязях между свободой воли, кисметом и — что бы это могло означать? — ананке[2].

Был он весьма ученый, это факт, но многое из его объяснений мне было непонятно, и я, из маловерия и подозрительности, даже подумала, что, возможно, он тоже разучился ле-

1. "Да, забавы ради" (*франц.*).
2. Кисмет — в исламе: судьба, ниспосланная Аллахом человеку. Ананке — греческая богиня, олицетворяющая неизбежность, мать мойр — вершительниц судьбы.

тать и теперь боится встать на крыло, чтобы не опозориться. Между тем, скорее всего, дело было просто в том, что к старости он стал походить на облупившуюся переводную картинку, сжился мало-помалу с ролью, когда-то, может быть, унизительной, но со временем расцвеченной яркими красками, — с тем, что он, точно так же, как и поэты, именно из-за крыльев считается на земле не совсем нормальным. Собственная индивидуальность присохла к ставшей такой знаменитой роли, как остатки бисквита к горячему противню. Так я о нем думала, но была неправа.

Мы подарили ему банку хека в пикантном соусе. Куски рыбы он проглатывал целиком и с явным блаженством.

Как бы там ни было, но курсы все-таки начались.

40. *Лётная школа*

Мы помогли альбатросу — которого мы называли Маэстро, Профессор или, ласкательно, Альби — забраться на одну из клеток. Свои веревки он привязал к верхней перекладине.

При первом же взмахе гигантских крыльев нас охватило безумное ликование — казалось, вспыхнул бенгальский огонь, казалось, в воздухе что-то мягко шипело, а в глубинных слоях нашей кожи побежали мурашки. Мне чудился даже запах пороха, который испускают бенгальские свечи. Приблизительно полминуты альбатрос витал над клеткой, которая вибрировала и трещала.

— Вот видите, как это надо делать! — восторженно крикнула я.

За практической демонстрацией последовали теоретические занятия. Маэстро долго рассказывал нам о вкусе соленого воздуха, об углах падения, о солнечных бликах на воде, о пассатах и ни с чем не сравнимым чувством, когда, сложив крылья, ты пикируешь вниз. Что касается последнего, то я сразу решила, что этого испытывать на себе я не буду.

Выстроившись полукругом, мы стояли у клетки, с которой излагал нам учебный материал привязанный к перекладине адмирал небес.

Я взяла инициативу на себя:

— И-и-и, раз, — подала я команду.

Вокруг поднялся просто ураган, жилы на шеях у нас набухли, все мышцы работали что было мочи. Встав на цыпочки и хлопая крыльями, мы рвались в небо.

— Вперед, страусы, вперед и выше! — подбадривал нас из своей норы крот Игэлае.

Сердца наши бешено стучали, глаза вываливались из орбит.

Но от земли нам удалось оторваться всего лишь на несколько пядей, да и то, если честно, мы скорее подпрыгивали — и это все, что нам удалось на пути от земли к облакам благодаря совершенно нечеловеческим, точнее нестраусиным, усилиям. Кто-то переживал это как фиаско, я же, когда мы рухнули наземь, чтобы отдышаться, назвала это многообещающим началом.

— Я анереву, орокс ым мителоп, — перешла я на конспиративный язык.

Кстати о криптографии. Секретные коды мы усовершенствовали, договорившись с Максико и Альби о том, что, если появится что-то суперважное и секретное, мы, стараясь не привлекать внимания, будем петь:

Шоня, Шоня, лим кожурд,
идохирп ан кожереб...

то есть Янош, Янош, мил дружок, приходи на бережок!.. Этими словами из прекрасной старинной народной баллады мы будем подавать друг другу сигналы.

Десятиминутная летная тренировка утомила нас больше, чем если бы мы восемьдесят раз обежали выгон.

— И что теперь? — несмело спросила Туска.

— Наши мышцы должны вновь привыкнуть к работе, для которой их создала природа, — объяснила я и добавила: — Они разучились работать.

— Еще немного, и мы взлетели бы под самые облака, — закончил разбор полетов Тарзан.

Ночной монолог

Помню, Кочард, пересадка... Там однажды
проезжал я, было дело —
альбатросом, перегруженным поклажей,
ковылял я неумело.

В багаже лежали сложенные крылья
и штормовка, что от соли поседела.

42. *Зима. Конная статуя. Еще одна жертва. Южная Звезда*

Выпал снег. И ударил такой мороз, что кошки, сворачивая за угол, переламываются пополам. Флегматичный крестьянин,

проезжающий мимо на своей размалеванной цирковой фуре, дрожит от холода. Народ соседнего Кишберека добывает дрова на кладбище, выкапывает кресты на могилах предков, родителей, братьев и безвременно покинувших этот мир младенцев, распиливает их и тащит домой, потому что эти сухие надгробья прекрасно горят в печи. Я хожу греться к бассейну с декоративными рыбками, который, к счастью, питают термальные воды.

Золотой рыбке Белле по-прежнему приходится всякий раз заново представляться. Но я ее полюбила, и меня ничуть не смущают ее потерянность и безволие.

Из-за Полярного круга, с далекого Севера, где нет ничего, кроме лишайников и карликовых сосенок, к нам прибыли перелетные птицы. Они собираются здесь зимовать. Здешние дубы и березы кажутся им диковинными тропическими растениями, как бы бедными родственниками одной большой семьи, куда входят и пальмы, и баобабы, и ливанские кедры, и апельсиновые деревья.

— Какой замечательный жаркий климат, — верещат они. — Как у вас здесь, на Юге, тепло!

И не могут понять, почему мы над ними смеемся.

В лесу, на дальней глухой поляне, я набрела на вырезанную из дерева огромную конную статую. Когда я внезапно увидела ее сквозь падающий снег, то сначала подумала, что передо мной живой всадник, погруженный в тяжелые думы о судьбах страны. Ведь всадник был королем, это было отчетливо видно.

Как бы мы ни старались, пока что никто из нас не смог пролететь даже метра.

На спиртзаводе позавчера опять умерла молодая девушка, на сей раз дизайнер отдела этикеток. Это она разработала этикетки таких напитков, как "Коложварская семимильная", "Удар копытом" и "Ты пей, а я тебя догоню". Говорят, она была родом из Секейкочарда. А еще говорят, что девушка часто посылала родителям посылки в Кочард. Этот Кочард — паршивое место, железнодорожный узел, где приходится мучительно долго ждать пересадки, чтобы отправиться дальше — в Коложвар, Марошвашархей[1] или любую другую точку планеты. Пассажиры маются в полудреме на жестких скамьях под грохот перегоняемых в тем-

1. Коложвар (рум. Клуж-Напока), Марошвашархей (Тыргу-Муреш) — наиболее крупные по количеству венгерского населения и культурно-историческому значению города Румынии.

ноте составов, лязг фантомных вагонов, свистки паровоза, кваканье громкоговорителя и крики железнодорожников, размахивающих кобальтово-синими сигнальными фонарями.

Усатый и Лаца Зашибленный заспорили, с чего это один и тот же холодильник зимой охлаждает лучше, чем летом.

— Да потому что зимой в него электричество поступает уже охлажденным, — высказался Усатый. Но Михай Дубина, он же Но Пасаран, заткнул ему рот:

— Да ты разве не знаешь, что на холоде все сжимается? И что маленькое яблоко охладить куда легче, чем, скажем, большое. И чем оно меньше, тем больше ему достается холода. Вот и все объяснение. От холода все сжимается. Уж это-то можно сообразить. У нас разве не сжимается на морозе? Или в холодной воде?

А вот в Африке зимы не бывает.

Говорят, будто люди из соседнего поселения Кишберек перешли в негритянскую веру (или их подданство приняли?), чтобы власти не ликвидировали их деревню. Но это вышло им боком — за них взялся отдел по борьбе нелегальными иммигрантами. И что теперь будет с деревней — неясно.

Буся, старая и больная легавая, подаренная на свадьбу Шпильке, неделю назад умерла. Но Шпилька и ее муж за прошедшее время так полюбили ее и так привыкли спать с ней в одной постели, что отнесли дохлую животину к таксидермисту из зоопарка, который сделал им чучело, и теперь она снова спит вместе с ними в семейной кровати. Со Шпилькой и ее благоверным истопником.

В последнее время охранники читают роман Жюля Верна "Южная звезда". Мне эта история тоже кажется занимательной, но, к сожалению, не всегда удается присутствовать на вечерних читках, так что полностью воссоздать ход событий мне едва ли удастся.

Одно было понятно, что Якоб Вандергард вернулся с величайшим в мире бриллиантом. Непревзойденной красоты черный диамант окрестили "Южной звездой", и, по мнению мистера Уоткинса, легендарный кохинор не годился ему и в подметки.

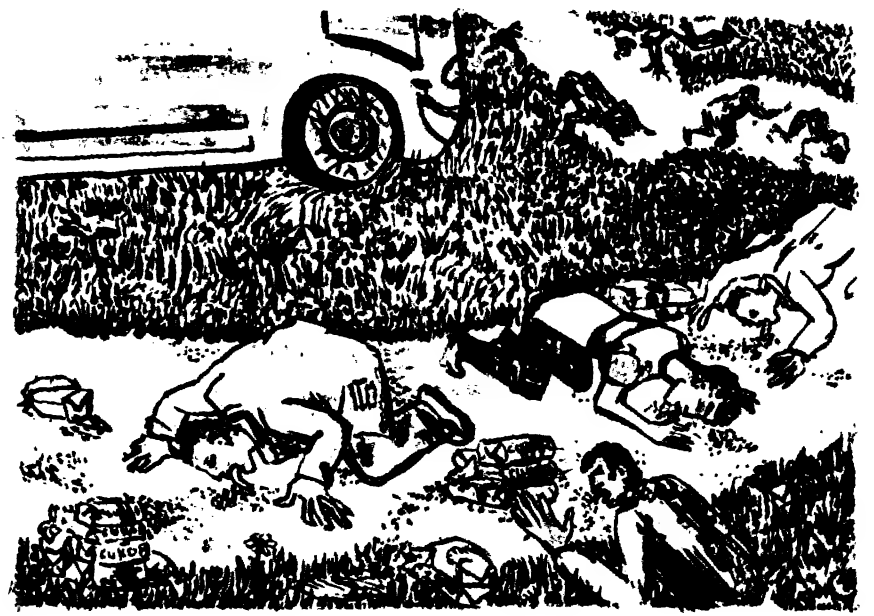
Интересно, кто все-таки вырезал эту конную статую?

Взлететь по-прежнему не удается. Ни в какую, никак, хоть ты тресни.

— Замри, застынь на полдороге, — напевает нам прилетевший с далекого острова черный дрозд.

Пузан рассказывает, что в соседних странах невероятно подорожал сахар. И, прослышав про это, соотечественники, набив добрым дешевым нашенским сахаром рюкзаки, чемоданы, переметные сумы, вещмешки, авоськи и запасные автопокрышки, двинулись в путь, чтобы, продав его по соседству, получить навар. А на вырученные деньги собирались закупить дефицит и ввезти его контрабандой на родину: красный перец, мыло, кофе и пасту для гуляша. Однако после подорожания сахара тамошние не будь дураки и сами слетелись к нам, будто пчелы на мед.

Но наши доблестные пограничники и таможенники не стали смотреть сквозь пальцы на то, что творится у них под носом. Да и власти быстро взялись за ум и издали закон, что отныне можно вывезти из страны только полкилограмма сахару. Если кто-то пытался вывезти больше, на границе его останавливали. Выбрасывать сахар было запрещено, да и жалко все же, вот и принялись горе-туристы лизать и сосать лишний сахар кто как мог: кто с ладони, кто из пакета, а кто из запаски. Часть, конечно, высыпалась на землю — но кого это волновало? Полстраны на границе лизало сахар.



Полстраны на границе лизало сахар

Вот о чем рассказывал Пузан Злыдню, Михаю Но Пасаран Дубине и Лали Буклукашу, после чего они, дружно поднявшись, отправились навестить бывший монастырь, где ныне функционирует совмещенное с магазином часов заведение "К веселой распутице".

46. Тренировки. Существуют ли львы? Ночной диалог

Тренировки обычно мы начинаем с зарядки. Ноги на ширине плеч, наклоны вперед, назад, в стороны, и даже приседания делать пытались, пока не выяснилось, что наши ноги к этому упражнению совершенно не приспособлены. Похоже, Творец не хотел, чтобы страусы перед кем бы то ни было преклоняли колени.

Среди прочего, Альби нам объяснил, что для взлета существенную помощь крыльям дает разбег.

Разбег удавался нам просто великолепно.

Пыль из-под наших ног вздымалась, как из-под всадников графа Бенёвского, идущих на штурм врага. Что значит по сравнению с этим разбег синицы или мотылька? Кто посмеет сравнить их жалкие потуги с разбегом страуса!

И все-таки нам пришлось смириться с тем, что и мухи, и воробьи, не говоря уже о бакланах, журавлях, синицах и прочих пролетариях пернатого мира, включая хворостовок, щурок, сорокопутов и шершней — все они рано ли, поздно ли встают на крыло, в то время как мы — словно парализованные неким проклятьем — то и дело с безумным грохотом врезаемся в изгородь или в ствол дерева, через которые собирались перелететь.

— Секрет успеха заключается в выдержке, — пыталась я объяснить команде. Но сама все же пребывала в неуверенности.

И тем не менее я начала тайком заниматься африканистикой. Первым делом меня интересовал животный мир саванн — в особенности с какими врагами мы можем там встретиться. Старейшины нашей стаи рассказывают, что там живут львы и драконы, леопарды и бегемоты, оборотни и волосатики, копылени, верблюды, гермелины и габалланы, но о внешности этих существ, их повадках, местах обитания и о том, существуют ли они вообще, мнения были самые разные. Некоторые утверждают, что львов нигде не осталось, кроме как в зоопарках, где они лишены всякой индивидуальности и только прикидываются львами в силу крайней материальной нужды. По мнению Капитана, оборотни тоже находятся на грани исчезновения, потому что аборигены на них активно охотятся. Что касается леопар-

дов и их родичей ягуаров, то тут мнение было единым: скорее всего, они — плод народной фантазии, увеличившей до гигантских размеров обыкновенных кошек. Всеобщую неуверенность отражает и то, что и львов мои сородичи описывают как больших кошек, но при этом подчеркивают, что по деревьям они не лазят. Но какая же тогда это кошка?

* * *

— Что ты делаешь?

— Разглядываю темноту.

Пауза.

— А ты?

— Коплю силы, чтобы взлететь.

Пауза.

— А теперь что ты делаешь?

— Все еще темноту разглядываю. Не хочешь помочь?

— Это как?

— Будешь вместе со мной разглядывать.

— Хорошо. Так нормально?

— Нормально.

— Только имей в виду, что я ничего не вижу.

— Не беда. Тебе и не нужно ничего видеть.

— Достаточно просто смотреть?

— Ты помогаешь мне уже тем, что смотришь.

* * *

Оказывается, у нас есть родственные народы, о чем мне поведал Петике. Правда, казуары, эму и нанду — что-то вроде бедных родственников, они не так знамениты, как мы, и ютятся где-то на отдаленных континентах и островах, где поселились еще до того, как на землю пришел человек, который все перепутал в царстве животных.

И как же эта родня оказалась так далеко, например, на земле кенгуру — этих самых невероятных животных, — на земле такой дальней, что лежит она аж за несколькими океанами?!

Ведь птицы не плавают.

Значит, по воздуху!

47. *Визит поэта. Кукушка. Бладинайф*

В город Ф. на встречу с читателями прибыл старый-престарый седой поэт. Он так стар, что видел Вийона и Аттилу Йожефа. Седые белые волосы развевались у него, будто львиная грива, во всяком случае именно так я себе представляю льва — Царя Экватора.

У нас появился новоиспеченный дружок — кукушонок. Присутствие этого дальнего незадачливого родственника — я зову его Кукши — меня забавляет и утешает. Единственное, что с самого начала меня огорчило, это то, что с ним невозможно общаться: стоит заговорить с ним, как понимаешь, что на самом деле ты разговариваешь сам с собой. Дело в том, что он не понимает ни нашего языка, ни суперлимбу и даже на общепонятном языке леса не смог сказать ни гу-гу.

— Ну скажи хотя бы: гу-гу, — приставала я к кукушонку.

— Ку-ку, — восторженно отвечал этот лингвистический антиталант и безнадежный случай.

— Ты представляешь, — говорил Бладинайф Восьмиклинке, — меня подменили в роддоме прямо в день моего рождения. А все дело в том, что папаша мой был там главврачом и крутил роман с фельдшерицей, но женился в конце концов не на ней. Так вот, когда мать меня родила... точней, не меня, конечно... эта самая фельдшерица как раз дежурила и в отместку поменяла ребенка врача на какого-то цыганенка, родившегося в тот же день.

Какая захватывающая история! От волнения у меня даже сперло дыхание, когда Бладинайф рассказывал о тайнах своего происхождения и своей идентичности. Вообще, Бладинайф — это что-то наподобие nom de guerre[1], а на самом деле охранника нашего зовут Мати Карас. Привалившись к кладбищенскому забору, они с Восьмиклинкой потягивали палинку марки "Ты пей, а я тебя догоню" — а интересно все-таки, что значит "цыган"? — и Бладинайф, называемый также Кровавым Ножом, продолжал свой рассказ:

— ...так что пока этот бедолага Мати, сын главврача, мокнет-мерзнет в каком-то цыганском шатре, эта цыганская бестия, сын конокрадов (он постучал себя в грудь), то есть я, живу себе припеваючи, гужуюсь здесь и (при этом он отхлебнул из бутылки) жру палинку, как скотина.

48. Эрнэ С., *друг поэта, и певчие дрозды*

Зато мой человеческий друг, Пети Аптекарь, с самого начала в лепешку готов был разбиться, чтобы выучить наш страусиный язык. Он дотошно расспрашивал меня о незнакомых ему словах и настойчиво повторял знакомые.

1. Nom de guerre — имя, которое брал солдат при вербовке в армию; псевдоним (*франц.*).

— Скажи, как по-вашему будет “как будет”? И как по-вашему будет “по-вашему”? — спрашивал он у меня.

— По-нашему будет “как будет”, — учила я его.

С тех пор прошло не так уж и много времени, а он уже говорит по-нашему даже грамотней, чем, скажем, Бойси, Шуба или Пики.

Отвечая на один из вопросов, поэт на встрече с читателями рассказал, как после последней большой войны, вернувшись из эмиграции, он отправился на остров Маргит, чтобы в одной из тамошних гостиниц разыскать своего друга Эрнэ С. Гостиница та была до войны любимым прибежищем Эрнэ С. Однако портье на вопрос львиногривого поэта-мафусаила (который тогда был примерно на пятьдесят лет моложе) ответил, что своего друга он сможет найти в кустах.

— Какого черта он делает на закате в кустах? — изумился поэт.

— Насвистывает влюбленным парочкам, — сказал портье.

— Он что, спятил? — еще больше изумился поэт и отправился на поиски друга, который и правда сидел в кустах и вовсю выводил рулады. Дело в том, что последняя адская бойня, объяснял своим слушателям поэт, была столь ужасной и беспощадной, что на острове Маргит от безумной пальбы и бомбежек погибли все певчие дрозды. Эрнэ С. знал прекрасно, недаром он здесь столько лет прожил, с каким наслаждением слушают трели дроздов влюбленные. И решил подражать дроздам, сидя в зеленом укрытии, чтобы влюбленные любили друг друга еще сильнее.

— Так и проходят мои веселые деньки в кустах, — прищурившись, сказал Эрнэ С. своему другу поэту.

Вот такая история.

Надо, правда, заметить — но об этом я знаю уже из других источников, — что, хотя Эрнэ С. подражал дроздам просто мастерски, все же были в его исполнении и огрехи, мелкие недочеты в произношении, грамматике, ударении. Но влюбленные, разумеется, этого не замечали. Кстати, классическую песнь дроздов он разбавлял толикой меланхолии с метафизикой:

Судьба узка, пусть разминутся боги.
Замри, застынь на полдороге...
Ах, вешние деньки — они уж не твои!

На острове Маргит постепенно стали появляться и настоящие дрозды, но пел вместо них по-прежнему Эрнэ С. И

не из-за праздности или лени птиц, а потому что дрозд-великан их просто очаровал. Настолько, что в конце концов из любви к нему они принялись подражать его чуть фальшивому пению, что определило затем и своеобразие их языка, чем, собственно, и объясняется, почему так странно поют на острове Маргит последние сорок пять поколений дроздов.

49. Аукцион. Тайна золотых рыбок

Сегодня днем в актовом зале состоялся аукцион. Из центра приехал какой-то мрачный начальник и выставил на торги честь Михая Дубины. После вялых неторопливых торгов честь лысеющего вертухая приобрел и сунул под мышку какой-то тип в резиновых сапогах; Михай все это время отирал платком мокрый лоб, но голову все же держал прямо и даже старался глядеть людям в глаза, не краснея.

Пузан, он же Али-Баба и сорок разбойников, который был, по обыкновению, в стельку пьян, вцепился в коллегу, бывшего цветовода.

— Эй ты, Михай, — заплетающимся языком кричал он, — Ни совести у тебя, ни чести! У тебя от стыда буркалы не лопаются? Не боишься? Ты видишь вот этот башмак? Сейчас я приделаю его к твоей заднице!

Так он грозился, но почти все мы знали, что данное экспрессивное выражение, означающее поджопник, не что иное, как калька с одного из неолатинских языков Восточной Европы.

Дело кончилось тем, что они помирились и в полном согласии отправились к "Веселой распутице" сыграть пару партий в покер на раздевание.

Тем временем разгадалась и тайна золотой рыбки Беллы. От Нуар, так зовут черную сову, я узнала, что эти рыбки удерживают в памяти увиденное всего восемнадцать секунд и именно потому так хорошо чувствуют себя в аквариумах. Ведь когда они заканчивают круг, то уже не помнят, что было вначале, и потому, на что ни посмотрят, все производит на них волнующее впечатление новизны.

50. Пропажа бриллианта

По мнению юной Алисы Уоткинс бриллиант, получивший название "Южная звезда", был действительно очень красив и блестел, как раскаленный уголь. Но слу-

чилось так, что черный камень исчез средь белого дня с мраморной тумбы, и Сиприен Мере в сопровождении нескольких белых негодяев и одного честного китайца отправился на его поиски.

Мы продолжаем тренироваться.

О девушке — дизайнере этикеток — рассказывают, что в ее теле, как и в телах других жертв, не осталось ни капли крови, что просто не укладывается у меня в голове. А еще говорят, что после работы она осталась из-за свидания. И хладнокровный убийца покончил с ней прямо на рабочем месте, хладнокровно расплющив ее лицо о ксерокс, и опять-таки хладнокровно изготовил себе на память одну ксерокопию.

Среди женщин в нашей конторе растет беспокойство.

52. *Сквалыга*

Большинство из нас, страусов, ликовали от мысли, что спустя столько тысячелетий мы снова научимся летать, нас опьяняла эта идея — тем более в сочетании с перспективой в скором времени вырваться на свободу из этого лепрозория. Странно, но почему-то раньше это никому не приходило в голову. А ведь все мы не раз выбегали за ограду фермы, однако — во всяком случае до первого побега, а после него уже и подавно — никого из нас даже не посещала мысль, что нам вовсе не обязательно сюда возвращаться и мир столь велик, что найдется в нем и для нас где-нибудь местечко. Однако идея, что мы можем не просто сбежать, а улететь отсюда, улететь и не возвращаться, — эта идея целиком захватила страусов. Правда, некоторые с самого начала приняли ее в штыки, но, когда она стала слишком популярной, чтобы выступать против нее в открытую, главной целью нападок стала я.

Интриганов беспрерывно настраивал против меня Потемко (прозываемый также Сквалыгой) — седеющий и стареющий весьма отвратительный страус-старпер из бывших номенклатурщиков, который, как я говорила, еще перед первым побегом повел себя по отношению ко мне очень недружелюбно: то угрожал, то глумился. Вообще, этот Потемко даже в нашем страусином племени всегда казался нам чересчур длинноногим; возбужденный и от этого вечно размахивающий своими конечностями, он походил на оживший колодезный журавель. Насупив седые мохнатые брови, он говорил вроде бы разумно и убедительно, и только тот,

кто слышал его не впервые, знал, что является зрителем хорошо отрепетированной комедии.

– Ну а если мы даже доберемся до Лимпопо, – подначивал нас этот интриган, – что мы будем там делать? – И, выдержав театральную паузу, продолжал: – Кто из нас знает хоть слово по-негритянски? И кто там поймет хоть одно наше слово? И что с нами будет? Вот когда вы поймете, как доверяться желторотым пигалицам... – И в виде последнего аргумента повторил единственную известную ему поговорку: – Заяц учит стрелять охотника!

Но на этот раз он обжегся, потому что я тоже за словом в карман не полезла.

– Добрый уксус рано созревает! – крикнула я Сквалыге, который от такой дерзости потерял дар речи, разинул клюв, но так и не выдавил из себя ни слова.

У этого Потемко было два вида оружия, которое он использовал в противостоянии с хозяевами фермы. Один из них – голодовка, точнее, угроза ее применения. И этот его шантаж в прежние времена, как рассказывают, неоднократно срабатывал. А еще говорят о его мафиозных связях, но что это значит, мне неизвестно.

Как бы то ни было, этот Потемко, который не голодал отродясь и четверти часа, был окружен ореолом страусиного правозащитника.

Более интересной была другая, прославившая его на всю округу стратегия выживания. Потемко развил в себе совершенно особое для нас, страусов, уникальное дарование. Он так виртуозно сливался с ландшафтом, так гениально мимикрировал подо все окружающее, что подивиться на него приползали даже хамелеоны из зоопарка. Сам он считал, что для нас это единственная возможность выжить. Мимикрия.

Одним словом, Потемко (он же Пишта Сквалыга – в том, какое из его двух имен настоящее, полной ясности нет, но никого из тех, кто знает его, это не удивляет) так ловко менял свой цвет, фигуру, размеры, голос, запах, жесты и даже взгляды, что при желании мог абсолютно сливаться с фоном. Стоило ему остановиться у забора, как все его существо становилось заборообразным – и не внешне только, но также и внутренне, иначе как объяснить ту достоверность и поистине легендарную убедительность, с которыми держался – или, скажем точнее, играл свою роль – Пишта Потемко Сквалыга.

И, конечно, когда он проходил мимо орехового дерева или клеток, то тоже менялся, подлаживаясь под них.

Но к Пиште Сквалыге, этому зловещему типу, нам придется вернуться чуть позже.

53. Злыдень. Барнабаш

Кстати, о неграх.

Злыдень, бывший боксер с расплющенными ушами, уроженец Трансильвании, несколько лет назад был отправлен сторожем на свиноферму за избиение негра. Партком и суд обвинили его в расизме, апартеиде и разжигании межнациональной розни.

Злыдень, известный в спортивном мире под именем Мозеш Ковач Цунами, пытался, и достаточно ловко, строить свою защиту на том, что он-де простой боксер, задача которого, как любого спортсмена, состояла в том, чтобы любой ценой выиграть поединок. Ведь он же не виноват, что соперником оказался негр.

Разумеется, вина его была не в победе, а в том, что несчастного он уделал, как бог черепаху, да к тому же — спортсмена из дружественной страны, каковая сражается не на жизнь, а на смерть с проклятым империализмом. И пусть Злыдень радуется, что суд не инкриминирует ему связи с империалистами, а предлагает всего лишь чистосердечно признаться в расизме.

Какое-то время Злыдень пытался доказывать, что он, право слово, хотел просто драться и чернокожего бил вовсе не из-за его внешности. То есть бил его не как негра, а как спортсмена.

— То есть как это не как негра, — рявкнули на него, — а что у него на майке было написано?

На майке соперника, действительно, красовалось название его страны, а именно Нигер, так что Злыдню не оставалось ничего другого, как сказать, что на ринг его посылали махать кулаками, а не читать и он понятия не имел о том, что его соперник негр.

Ему, естественно, не поверили и даже высмеяли: как это он мог не заметить, что дерется с негром?

А он, кстати, и не хотел сказать, будто не заметил, что соперник его чернокожий. Просто ему не пришло и в голову видеть в чернокожем негра, то есть человека, которого следует линчевать, ненавидеть, как это обычно делают с неграми (секретарь парткома тут же начал что-то строчить

в блокноте), всячески преследовать, а детей его не пускать в одну школу с нашими. Вот у наш, в Траншильвании, все проишходит наоборот, объяснял парткому Злыдень с расплющенными ушами, который, когда его достают, всегда шепелявит.

— Что значит наоборот? — вскинулся на него профсоюзный босс.

— А так, что здешь наших детей не пушкают, наоборот, в швои школы, а заштавляют учиться там, где их учат на неродном языке.

Злыдень навеки был отлучен от спорта.

И даже в корчме ему было запрещено драться. А поскольку все знали, что кулаки у него "опечатаны" (так они говорили), то любой мог ударить его или пнуть, не боясь ответа. Ему и тренироваться было запрещено под страхом быть арестованным даже за удар по мешку с картошкой в собственном погребе. Работать его определили в свинарник, и только позднее судьба над ним смилостивилась, и он стал охранником на нашей ферме.

Торопкой походкой мимо меня проскользнул Барнабаш.

— Ну что, встретился ты наконец с этим чудаком из пещеры? — крикнула я ему.

Он уставился на меня мутным взглядом.

— Это ты? Да нет... А который час?

— Половина четвертого. А почему не встретился?

— К сожалению, я ждал его не на той пограничной станции... точнее, он меня... мы друг друга не поняли. Вот незадача... Ты знаешь, когда-то мы с Каспаром, да, да, с Мельхиором да Бальтазаром...

Его взгляд устремился в какие-то дали.

— Извини, я спешу к умирающему, который хочет принять последнее причастие...

— А кто этот умирающий?

— Один углежог. Ты не знаешь его.

— И что с ним произошло?

— Пилой разрезало на две части.

— И он еще жив?

— С утра жив был. И просил, чтобы я поскорее его исповедал. У тебя закурить не найдется?

55. *Самоопределение*

— Уважаемые пернатые, — обратилась я к соплеменникам, — давайте определяться. Кто мы есть и чего мы хотим от жизни?

Слова мои были встречены ошеломленным молчанием и почесыванием.

— Ну так вот, — продолжала я, — если говорить о способах выживания... а также о некоторых важных ролях... например, кто должен быть нашим вожаком... кто может привести наш отряд к успеху... Если все это рассмотреть, то решения могут быть разные. Я имею в виду вопрос, кем мы желаем быть. Возможности есть такие:

сбродом,
стадом,
табуном,
гуртом,
ордой,
стаей,
электоратом,
быдлом,
массой,
республикой,
фаланстером.

(Всей этой премудрости я набралась от Очкарика, который, как очумелый, зубрит материал для экзаменов и временами просит Злыдня проверить его. Причем готовится он сразу по двум предметам: по психологии пчел и социологии. Боюсь, что последний будет ему не по зубам и его завалят. Он путает Шлегеля с Гегелем и Георга Лукача с Джорджем Лукасом. А кроме того, не может, к примеру, сказать, в чем сущностные отличия между античным и современным рабством.)

Короче, я предложила, давайте обдумаем возможные варианты, решим, как лучше организовать жизнь нашего маленького коллектива, рассмотрим, какие плюсы и минусы имеет та или иная форма. А потом попросила их, взвесив все "за" и "против", принять решение — сама я в голосовании не участвовала, будучи счетной комиссией, — чем нам себя объявить.

Вот результаты голосования:

"Королевская рыцарская академия страусов" — один голос. (Я думаю, это был голос Тарзана.)

"Каждый страус должен быть сам по себе" — один голос. (Скорее всего, предложение анархиста Володи.)

"Диктатура пролетариата" — два голоса.

"Неважно, чем себя объявить, главное, чтобы вожаком была Лимпопо!" — Догадываюсь, кто мог это предложить.

"Быдло" — тринадцать.

— Быдлом были и быдлом хотим остаться! — торжествующим тоном заявил под конец Пишта Потемко Сквалыга, хотя сам он, как классово-зрелая личность, по-моему, отдал голос за диктатуру пролетариата.

Я же всю ночь с благодарностью в сердце вспоминала славного милого Максико, а еще размышляла о том, какой долгий исторический путь потребуется, для того чтобы из быдла превратиться хотя бы в стадо.

56. Б*ойси и остальные*

Мне вспомнилось, как однажды ответила Бойси на один очень важный вопрос.

Как-то раз, еще в детском садике, у Бойси спросили, кем она хочет стать, когда вырастет.

Мы, естественно, знали не только о Жозефине Бейкер, которая в одном из своих ревю каталась в роскошной повозке, запряженной страусами. Мы знали, точнее, наслышаны были о том, что есть еще феи и золушки, белошвейки и белоснежки, дюймовочки, танцовщицы, кинозвезды, спящие красавицы и много других персонажей с их сказочными и волнующими судьбами. Но даже и в наших убогих и примитивных условиях возможность выбора жизненного пути все-таки остается: можно стать вьючным страусом, поступить в зоопарк или цирк, работать с детьми, наконец (воспитывать цыплят в детсадике и в начальной школе), или даже быть страусиным целителем. А еще — обычной домохозяйкой, или попросту — матерью. Можно стать также вожаком стаи, которая, кстати, нуждается в своих охранниках и бойцах. Словом, перед молодым страусенком открыто немало путей, не говоря уже о профессии машиниста локомотива — пределе мечтаний всех неоперившихся петушков.

Бойси, конечно, была не петушком, а курочкой и почти достигла совершеннолетия, когда ей был задан этот волнующий, неожиданный, распаляющий наше воображение вопрос:

— Скажи, Бойсика, кем ты хотела бы стать, когда будешь большой?

— Остальными, — не задумываясь, ответила Бойси. — Когда буду большой, я буду остальными.

— Ну понятно. Хотела бы походить на всех остальных.

— Не *походить*, а быть. Мне тоже хочется быть остальными.

57. *Каффа*

Когда ему связывали ноги на скользкой палубе под хлопающими парусами фок-мачты, он бормотал матросам строчки Омара Хайяма:

> В хрустальной чаше искрится вино огневое,
> То — ливень слез, что из крови гроздий возник, —

хотя на пиратском судне вино пили вовсе не из хрустальных чаш.

Альбатрос Альби родился в портовом городе Каффа, что на Черном море, в царстве пресвитера Иоанна, где на вершине одной горы произрастает кофе.

В последнее время наш альбатрос работает над своими воспоминаниями.

Он облетел и объехал множество всяких земель и морей как на собственных крыльях, так и на парусниках, перевозивших невольников, слоновую кость, контрабандное золото и оружие, и о жизни на этих судах альбатрос мог составить полное впечатление, наблюдая за нею с грот-мачты или с реи прямого паруса. Он питал слабость к персидской наливке, роковую дозу которой он и принял, когда капитан оставил однажды на палубе недопитый кубок размером со шлем — в ту печальную пятницу, в Персидском заливе, его заманили в силки и связали.

59. *Что значит "ы"*

Вчера по телеку показывали баскетбол. Наши играли с Нигерией ("Вперед!", "Молодцы!", "Врежьте им!" и т. д.) и вырвали-таки два очка.

— Мы победили! — орали охранники, и только Злыдень вел себя сдержанно.

А сегодня играли с Турцией, и дело кончилось ничьей. После этого зашел спор об истории, и Очкарик сказал любопытную фразу: "Когда турки нас разгромили под Мохачем[1]..." —

1. Роковое событие венгерской истории — поражение, понесенное от Османской империи в битве при Мохаче в 1526 г., после которого страна была разделена на три части. Северные и западные земли попали под власть династии Габсбургов, в южной и центральной частях, включая столицу Венгерского королевства Буду, господствовали турки, а на востоке образовалось самостоятельное в своих внутренних делах Трансильванское княжество.

но, как выяснилось, было это почти пятьсот лет назад. О чем они говорили дальше, не помню, я не прислушивалась, погрузившись в размышления о той странности, что употребляемые людьми местоимения и окончания множественного числа полностью изменяют мир, в котором они живут.

Ведь это "мы", которое звучит во время спортивного состязания, или местоимения вроде "наши", и даже куцее окончание "ы", как, скажем, в слове "венгры", — все эти звуки волшебным образом объединяют не только живущие сейчас поколения, но и те, которые жили когда-то. Загадочное все-таки существо — человек.

Наверное, есть некий странный цемент в их грамматике, который на протяжении веков связывает воедино миллионы и миллионы субъектов. Причем это множественное число означать может все что угодно, и удивительно, что все бесчисленные способы его применения, все его разные смыслы кажутся одинаково правомерными. Они могут сказать: "мы, люди", а могут сказать: "мы, венгры", или "мы, женщины", или "мы, белокожие", или "мы, охранники", или "мы, старики".

Интересно, отчего ночной сторож в своей сторожке чувствует, что это он забил победный гол в ворота бразильцев или именно он проиграл туркам битву под Мохачем, — что же это за тайна, которую знают все люди, за исключением разве что Злыдня, который, не имея понятия о множественном числе, отметелил до полусмерти несчастного чернокожего, не зная при этом, что избивает негра.

Да, разгадка именно в этом. Во вместимости. Вот и нам бы сподобиться — с помощью каких-то ничтожных звуков сшить расползающееся на куски одеяло мира, собрать всех вместе, всех-всех от павшего в битве под Мохачем конника до одуревшего фаната баскетбольной сборной, всех, кого можно уместить, как в клетке, в нескольких простых слогах, а то и в одном единственном звуке — "ы"!

60. *Вечерние сказки. Слова и мысли*

Я слышала, будто крот учится у кузнечика играть на скрипке. Каким-то образом он уговорил кузнечика по имени Сабо давать ему частные уроки и с тех пор упражняется целыми днями. Так рассказывают в лесу.

По вечерам я развлекаю других сказками и правдивыми историями, отчасти основываясь на детских воспоминаниях, отчасти же — на легендах, которые доводилось слышать

от взрослых. А также на рассказах совы, которая знает о страусах поразительно много. (И вообще, обо всем.) Ну а кроме того, иногда я рассказываю такие вещи, которые приходят мне в голову непонятно как, непонятно откуда берутся. Кто-то может сказать, что я их выдумываю. Но ничем подобным я в жизни не занималась, никогда не придумывала сказок, и никогда у меня не возникало желания сочинить какую-нибудь историю. Но позвольте тогда спросить: если ни от совы, ни от старейшин племени, ни от себя самой я их не слышала, то откуда они берутся?

Ну откуда, к примеру, мне известно о том, как крокодил забрался однажды на пороховую мельницу и от пуза нажрался там пороху, после чего носился как угорелый по городу, высунув из пасти длинный красный бикфордов шнур?!

Слова и мысли

В верхнем течении Лимпопо есть огромный термитник. По извилистым его коридорам можно добраться до Сокровищницы слов и мыслей.

Одна часть коллекции содержит в себе все мысли, которые когда-либо — на протяжении всех веков — приходили в голову людям. А другая часть включает все то, что люди когда-либо говорили.

Слова и мысли сравнивает старая горилла и всякий раз, обнаружив несоответствие, трясет головой и яростно стучит себя в грудь.

Когда горилла закончит свою работу, люди получат новый язык, способный выразить только то, что они действительно думают.

Язык человечий липуч, как язык муравьеда.

Поскольку местом действия многих моих сказок являются окрестности загадочной африканской реки Лимпопо, ко мне это имя приклеилось, но я против этого ничего не имею. Поначалу меня называли так только за глаза, но теперь так ко мне уже обращаются все.

— Привет, — как обычно, поздоровалась я сегодня с золотой рыбкой.

— Привет, — сказала она. — Я снова забыла имя.

— Меня зовут Лимпопо.

— Да не твое — свое!

— А тебя зовут Белла, разве не так?

— И правда!

Но потом добавила:
— А ты в этом уверена?

63. *Если бы научиться петь.* Нуар

Ну а пока мы разбираемся с категорией множественного числа, хорошо бы нам подыскать учителя пения.

Да и летная практика не сказать чтобы продвигалась семимильными махами, хуже того, сдается, многие саботируют тренировки. Но пока поднебесье не станет для нас родным домом (в чем я все же не сомневаюсь), нам надо бы улучшать манеры, которые кажутся мне недостаточно утонченными. Я имею в виду не только манеру держаться, внешний лоск. Отнюдь нет. Когда мы научимся сочинять и вдохновенно исполнять возвышенные мелодии, то и нашим телам будет гораздо легче парить в воздухе и взлетать к облакам. Пожалуй, в этом и кроется главный секрет. Сочинять и петь: две эти способности вместе могут стать для нас быстроходным двигателем. Вы понимаете, в чем секрет успеха?!.. Ни собаки, ни кошки, ни лошади не умеют петь! Вы обратили на это внимание? Зато крохотные певчие птички! А разве их легкие могут сравниться с нашими?! Я нисколько не удивлюсь, если выяснится, что страусы когда-то прекрасно пели.

Так наставляла я свой народ. А в конце добавила:

— Вы помните того типа в двубортном пальто из драпа? "Пойте, пойте же, дети мои!" Люди ведь неслучайно любят прежде всего певчих птиц. Их завораживает их пение. Того, кто не умеет петь, а только орать способен, люди считают невоспитанным, неотесанным, да попросту — деревенщиной сиволапой. Вы только представьте себе — в одно прекрасное утро вертухаев встречает хор страусов!

— Но тогда почему не поют орлы, соколы, коршуны, пеликаны, совы? — поинтересовалась Туска.

— Этого я не знаю, спрошу у Нуар, — ответила я.

Сова Нуар, была, как я уже говорила, ночной птицей, черной как сажа, и обитала на липе. Я подружилась с ней несколько недель назад, когда в предрассветный час занималась на лесной поляне летными упражнениями. Неожиданно я почувствовала, что за мной следит пара глаз. Это была Нуар. Говорила она со мной очень доброжелательно, подбадривала, призывала не унывать. "У меня тоже не сразу вышло", — утешала она меня.

— Послушай, Нуар, — в ту же ночь стала расспрашивать я подругу, — почему вы, совы, не умеете петь?

— Дело в том, что когда-то и люди, и большинство пернатых, включая сов, начинали петь раньше, чем говорить, но случилось так, что, состарившись, многие птицы забыли, как надо петь.

— Вот уж не думаю, что ты способна что-то забыть.

— Не я, а мой род.

— То есть как это?

— Для того чтобы петь, нужно воспринимать мир по-детски, а еще быть способным выражать свои чувства. А мы — старики, знающие слишком много.

— Как это — слишком много?

— Так много, что это не выразишь и умом не охватишь.

— Слишком много — о чем? О мире?

— О мире. И о самих себе.

— А мы, страусы?

— Вы, страусы, способны лишь вечно щипать друг друга. Вот когда вы расстанетесь с этой детской привычкой, может, и петь научитесь.

Я задумалась над ее словами.

"А льва роль у тебя переписана?" — вдруг прозвучал в сумерках чей-то хриплый голос. "Там ничего, кроме львиного рыка", — ответил ему другой, на что третий, еще более грубый, надтреснутый и прокуренный голос: "Я и льва возьму. Я так рычать буду, что у зрителей сердце зарадуется. А сам герцог скажет: "Еще пусть рыкнет, еще пусть ревнет". А предыдущий на это: "Если станешь реветь чересчур, то испугаешь герцогиню и прочих дам, они развизжатся, и за это одно всех нас повесят".

Я глянула на Нуар, ожидая, что она скажет. Но она, как мне показалось, наслаждалась загадочным разговором, который обладатель трескучего голоса заключил словами: "Но я так усугублю голос, так буду нежно поревывать, прямо как сосунок-голубок; соловушкой буду порыкивать".

66. *Возвращение мага. Славка дает урок пения*

Великая новость: после пятисотлетнего отсутствия на родину вернулся маг, который во времена короля Матяша[1], в отряде под началом Балажа Мадяра[2], участвовал в освобожде-

1. Матяш I Корвин (1443–1490) — один из самых известных королей Венгрии, в период своего правления (с 1458 г.) укрепил централизованное государство, создал постоянное войско, с помощью которого успешно боролся против Османской империи, содействовал процветанию наук и культуры.
2. Балаж Мадяр (?–1490) — венгерский полководец, предводитель "черного легиона" — наемного войска короля Матяша.

нии Отранто — единственной итальянской крепости, которую удалось захватить османам. Но Балаж со товарищи быстро навел там порядок, и огромную роль сыграл в этом трансильванский маг Янош, который своим волшебством осушил все колодцы турок, и многие турки погибли от жажды или впали в безумство, что тоже случается, когда человека лишают воды.

Кто был этот Матяш? Где это Отранто? Что следует знать о Балаже Мадяре? Я решила не раскрывать сове своего невежества.

— Тихо! — воскликнула славка, так называемая птичка-портниха, наша первая учительница пения. — Прекратите кудахтать.

Прямо так и сказала, и взрыв негодования едва не смел бедолагу с ветки.

Дело вовсе не в том, что наша речь не нуждается в совершенствовании. Я и сама не слишком-то лестного мнения о нас, страусах. Но чтобы — кудахтать?! Спонтанная полифония, образовавшаяся из топота ног, возмущенного свиста, вырывающихся из страусиных глоток яростных и грубых ругательств, заставила замолчать зарвавшуюся нахалку.

— Ах ты шкварка несчастная! — бушевал гнев народный. — Может, мать твоя и кудахчет! Мотай отсюда! Вы слышали эту малявку?!

И с тех пор эту выскочку мы в нашей округе не видели.

Янош поведал Нуар о том, что после итальянского похода он до последнего времени жил в Апулии, будучи там одним из семи магов провинции.

67. *Урок жаворонка*

Жаворонок был веселый и прыткий малый и тоже знаменитый певец, которого после неудачного опыта со славкой мы уговорили дать нам несколько уроков.

— Вот увидите, — обещала я другим страусам, — жаворонок взбирается по своей песне на небеса, как паук по своей паутине. Шандор Петефи это своими глазами видел и тоже взобрался за ним, как Человек-паук, другим словом, Спайдермен.

Жаворонок долго не колебался, а сразу взлетел и, зависнув в воздухе, самозабвенно запел:

Прошли худые времена,
Ушла зима злосчастная,
Открылось небо ясное,
Земля покрылася травою,
Я в ней гнездо свое построю,
Вокруг свежо и зелено,
Как скатертью застелено.

Веселье, свет!
Веселье, свет!

Мне унывать не велено!

— Ну как? — спросил он, опустившись к нам. Впрочем, ответы наши его не очень интересовали. Он сиял от самодовольства, если не сказать — самовлюбленности. — Если хотите, то завтра продолжим, — прощебетал он и, игриво помахивая крыльями, улетел.

Мы тупо смотрели перед собой.

— Что скажете? — спросила я.

— По-моему, у страусов совершенно иное мироощущение, чем у этого идиота, — грустно сказал Голиаф.

— Какая-то показушная радость, пустое и лживое упоение, я тоже от него не в восторге, — высказался Володя. — Все это даже из его клюва звучало не слишком искренне, а что будет, если мы, сидя за колючей проволокой, вдруг запоем: "Мне унывать не велено?!"

О том, каково было общее настроение, можно судить по тому, что к нашему обсуждению присоединился и наш новый приятель Кукши, как звали мы кукушонка. Правда, мнение его особого веса не имело: его критику мы объясняли банальной ревностью, завистью дилетанта к профессиональному исполнителю. Все это — месть профана, решили мы, которому в лучшем случае — и это предел мечтаний — суждено нести службу в дряхлых настенных ходиках в какой-нибудь богом забытой деревне. С ним, короче, все было ясно, и на этого мелкого карьериста, на его многозначительные покачивания головой, на все его мимические потуги и критическое подергивание клювом — ведь он даже говорить так и не научился — мы внимания не обращали.

Жаворонка давать нам уроки пения мы никогда больше не просили. Но, по-моему, он этого не заметил: пребывая все в том же радостном состоянии духа, он и думать о нас забыл.

68. *Погоня. Страусиная упряжка. Крылатая змея*

Подозрение падает на темнокожего кафра по имени Матакит — уже только потому, что он сам, на что невозможно было не обратить внимание, счел за лучшее пуститься в бегство.

(Как бежали из Румынии — интересно, что это за страна? — дикие кошки и кабаны.)

Беглец, для того чтобы его не догнали, раздобыл где-то кабриолет, запряженный страусом.

Птица эта бежит быстрее всех животных и необыкновенно выносliва. Надо прибавить к этому, что упряжные страусы очень редки, так как их трудно приучать к езде.

Или вообще невозможно.

Цикады, как и бабочки-однодневки, живут всего один день. Их надсадные голоса заполняют весь лес. И живут они лишь при условии, что температура воздуха выше тридцати градусов, если ниже — они замерзают.

Вопль в лесу: "Спасите! Наважденье! Нас околдовали! Молись, ребята!"

Альби пишет в своих мемуарах, что крылатая змея вовсе не вымышленное животное, он видел ее своими глазами на полуострове Юкатан. Встреча была не из приятных, ибо сия змея — одна из самых ядовитых в мире (или самая опасная из ядовитых — я точно не помню). Она едва не загипнотизировала Альби. На вид она больше напоминает лебедя со змеиной шеей и головой — широкой и плоской, в форме латинской "V". Окраска обычно белая, с серыми пятнами. Пролететь она может только несколько метров. А ног у нее нет вообще. (Теперь уж и змеи летают? все кому не лень? сколько угодно? и только у нас ничего не выходит? что за бред? что за бред?) Индейцы майя почитали в пернатой змее Творца, но, с тех пор как согласие между майя и их богами нарушилось, змеи эти практически вымерли.

Этой частью воспоминаний Альби Володя был очарован и снова и снова просил зачитать их.

69. *Урок соловья. Опять конные статуи*

– Для нас, страусов, этот жаворонок слишком весел. Будь добра, посоветуй кого-нибудь, кто не будет из кожи вон лезть,

демонстрируя нам свою жизнерадостность, — упрашивали мы сову. — Не для нас этот показной оптимизм.

— Так может, вам к соловью обратиться? — вслух размышляла сова. — Да, да, соловей — это решение, он не будет прикидываться вечно веселым. Утонченное существо. Если хотите, я с ним переговорю.

Так случилось, что к нам прилетел соловей, чтобы преподать урок пения. И запел:

Приходят музыканты,
Легки и веселы:
Чижи, дрозды, синицы
И пестрые щеглы.
И только главный певчий,
Соловушка лесной,
От траурного пенья
Как будто сам не свой!

Тут певун прочистил горлышко и продолжил в том духе, что соловушке, бедному, стало так горестно,

Что руки от мученья
Наложишь на себя!

— Вот это уже то, что надо, — закивали мы. — "Что руки от мученья наложишь на себя". Вот кто знает, что такое жизнь.

Соловей же не унимался:

Где дни мои
гонимые,
Мечты мои
любимые?
Вдали они, в ином краю!
Вдали они, не здесь они,
Изменницей унесены,
С собой она взяла любовь мою.
Как жажду я,
Как стражду я...

Мы повесили головы. Печаль, навалившаяся на нас, была тяжелой и липкой, будто нас окатили смолой. "Птичьи голоса", слова Михая Вёрешмарти, — сказал соловей и закончил печальную песнь:

И я пою,
И слезы лью,

И грудь мою
Тоской палю.
Умри душа и песней изойди,
Ведь песня — боль, звучащая в груди.

Вот так да!

Соловей раскланялся.

— Изумительно, — оживленно заговорили мы. — Упоительно. Настоящий профессионал. Пронимает до слез, зовет в небо. Браво! Мы многому научились. Да, да, очень многому научились. Вы слышите, тугоухие? Вы только представьте себе на минуточку, как мы в Африке возьмем и затянем: "Где дни мои гонимые..."

Между тем все мы впали в глубокую депрессию, а Зузу, укладываясь вечером спать, заявила, что если она еще раз послушает соловья, то, ей-богу, удавится.

От дальнейших уроков пения мы отказались. Перед этим мне удалось провалить предложение попробовать брать уроки у воронов или ворон. Говорят, кстати, что они пользуются не тональной системой, а якобы додекафонией, но что это означает, мне неизвестно. На пении мы поставили точку, решив, что сперва нужно научиться летать и тогда уж способность к пению появится сама собой. В песнях наших будут звучать победные клики свободных страусов, вера гигантских пернатых в свои возможности, зов ожидающей нас прародины и ностальгия по родине покидаемой — ведь все же мы здесь родились, а также волнение от переживаемых приключений и невыразимый восторг от бесстрашного путешествия под ослепительными быстрокрылыми облаками.

— Ерунда это все, — проворчал альбатрос, не вынимая из клюва трубки, но ему мы простили и это. Печальные песни, как видно, подействовали и на Кукши, нашего маленького приятеля-кукушонка. Уже не одну неделю о нем ни слуху ни духу. В лесу же я обнаружила новые деревянные статуи конников. Кто-то совсем недавно вырезал и поставил их, причем чем дальше заходишь в лес, тем они грандиозней.

СЕГОДНЯ Б. УБИЙСТ. ТРЕН. СИЛ НИ КАП. ТУСКА ПОТ. СОЗН. РЕЗ. НУЛЕВОЙ. НЕ ЗН. ЧТ. С НАМИ БУДЕТ?!

70. *Погоня*

Решено было взять направление к истоку Лимпопо: все указывало на то, что Матакит поехал именно этой доро-

гой. Он отправился к северу в экипаже, за которым не могли угнаться и десять лошадей. Оставалось следовать за ним как можно быстрее, с расчетом на то, что страус устанет, Матакит вынужден будет остановиться и, может быть, благодаря этому потерять время.

А к этому добавилась еще странная информация Злыдня, которую он сообщил Пузану, — что якобы автомобилю, который преследует по городу другую машину, приходится ехать в среднем на двадцать *километровчас* быстрее, чем преследуемому им авто. Это в газете пишут, утверждал Злыдень.

Не знаю, что это такое — 20 километровчас, Пузан считал это бредом, ссылаясь на законы физики, а Злыдень напирал на то, что машина может ведь проскочить на желтый свет светофора, а следующая за ним — не успеет, и потерянное время ей нужно как-то наверстывать.

Я думаю, что дело совсем не в этом. Еще в детском саду я обратила внимание на т. факт: на физкультуре, когда нужно было идти строем, страус, шествовавший впереди, шел вразвалочку, не спеша, в то время как следующим почему-то приходилось ускорять шаг, а последнему — просто бежать.

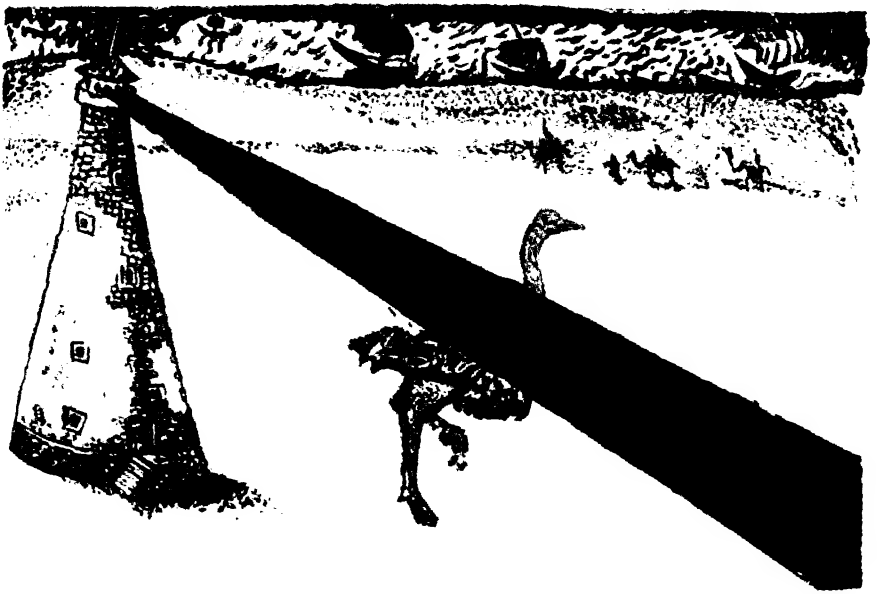
Тарзан видел фильм, где птицы учиняют восстание, нападают на людей и в конце концов устанавливают на планете свое господство.

71. *Вечерние сказки.* *Маяк, излучающий мрак*

Маяк, или фарус, поэт назвал морским светочем. В пустыне, не то Нубийской, не то Аравийской, тоже есть маяк. Но он так только называется, потому что, как говорят, он никогда не светил. Во всяком случае в наше время он не то что не светит, а испускает мрак, который потоками льется из специальных шварцевых ламп, что установлены в черных проемах башни.

В слепящие знойные утренние и дневные часы, когда изможденным путникам на проходящем вдали караванном пути (а еще дальше — морякам, уже потерявшим надежду в бушующем море) начинает казаться, что они окончательно сбились с пути, так вот: именно в это время на башне вспыхивают лучи мрака; медленно описывая круги, лучи погружают в полную темноту все, на что они падают, и уже издали указывают дорогу путникам, чем и служат им добрую службу.

Но страусы обходят этот маяк стороной.



Маяк изливает из своей башни мрак

И снова эти знакомые голоса:

– А льва дамы не забоятся?

– Как пить дать забоятся...

– ...ибо нет дичины страховитей льва.

– Дать еще пролог – растолковать, что наш актер не лев.

– И назвать обязательно имя, и половина чтоб лица виднелась сквозь львиную гриву, и чтоб Цикля сам сказал в таком, примерно, духе: "Сударыни... Умоляю вас, не бойтесь, не тряситесь. Я жизнь мою отдам за вас. Если я, по-вашему, сюда явился львом, то рубите мне голову с плеч".

У Лацы Зашибленного пропали часы. Злыдень считает, что их украли беглые негры, он слышал недавно ночью, как они пели на кукурузном поле, узнал их по хриплым голосам.

Пики весь день ходила от страуса к страусу и каждому задавала вопрос:

– Сколько у меня чего на чем?

– Ты что, одурела? Чего на чем?!

На что Пики, победно хихикая, фальшивым тоном:

– У меня на юбочке семь да семь оборочек.

72. *Два храма*

В городе Ф. было некогда два знаменитых храма. Оба увековечены в описаниях путешественников итальянцев и в ис-

кусных рисунках тушью, сделанных семь веков назад, после татарского нашествия и окончания гражданской войны.

Один храм был готический, стометровый, причем то была высота не башни, а только стен, над которыми возвышались еще и крыша с башней. Храм во славу Десяти Заповедей был заложен Бартоломеем, сыном Хеннинга, который перед смертью поручил завершить строительство некоему Никошу Заячьей Губе (Nykus dictus Hazinschort — так он поименован в средневековой летописи). Кафедра в храме Десяти Заповедей, будто ласточкино гнездо под стрехой, лепилась под капителью колонны на высоте 98 метров. Оттуда и низвергал на прихожан свои проповеди священник, при этом так перевешиваясь через кафедру, что, казалось, того и гляди вспорхнет на крылах своей черной мантии или свалится вниз. В храме этом звучали глаголы ветхозаветные, в сводчатой же крестильне под громогласные звуки органа крестили маленьких Мозешей, Якабов, Михаев, Аронов, Габриэлей и Абелей, девочкам же давали имена Эстер и Шара.

Второй храм был посвящен Младенцу Иисусу и построен был — к величайшему ужасу археологов и искусствоведов — в стиле барокко приблизительно за пятьсот лет до того, как этот стиль вообще появился. Достоверность старинных гравюр подтвердили раскопки. И объяснить это не могли ничем, только чистой случайностью. То есть ч. архитектор, чисто случайно, построил его именно так, не зная — да и откуда он мог бы узнать, — ч. такое барокко. Точнее, каким оно, это барокко, будет.

Размерами храм тот больше напоминал часовню, священники двигались по нему бесшумно и в полумраке проповедовали свои новозаветные истины еле слышно, чуть ли не шепотом. В храме этом перед резною скульптурой Чудотворной Мадонны, под доносившиеся откуда-то издали слабые звуки сопрано, что возносили славу младенцу Иисусу, крестили маленьких Марий, Яношей, Магдольн, Петеров, Андрашей и Аннушек.

А потом, во время очередной гражданской войны, Ароны, Михаи и Габриэли схватились с Палами, Миклошами и Дёрдями и разрушили храмы друг друга.

73. *Трансильванские князья*

Сегодня на ферму явились два следователя. Опросив охранников и конторских, они с мрачным видом отбыли на черной “победе”.

Как выяснилось, следователи вынюхивают трансильванского князя-невидимку, так как кто-то им стукнул, что князь

прячется в нашем лесу. Поскольку служебный транспорт по нынешним временам в связи с экономией получить было невозможно, разбитую вдрызг и пережившую два капремонта "победу" агенты арендовали у фирмы ритуальных услуг "Закат". Иначе на поиски нелегального князя пришлось бы им отправляться на "скотовозке", как прозвали в народе автобус дальнего сообщения.

А все дело в том, что после смерти в 1735 году Ференца Ракоци[1] князья Трансильвании ушли в подполье и так вот, инкогнито, чуть ли не из-под земли, опираясь на верных людей, правят своим народом. Эти самые верные люди по смерти предшествующего князя избирают нового, и они же хранят как зеницу ока княжескую корону, меч и иные регалии. Ни татарам, ни туркам, ни жандармам, ни охранке, ЧК, ГПУ или НКВД (то есть Народному комиссариату внутренних дел), а также гестапо, абверу и венгерскому УГБ вкупе с румынской сигуранцей (понятия не имею, что это были за органы и чем они занимались), как они ни старались, какие бы награды ни назначали за голову трансильванских князей, так никого из них и не удалось поймать. Всего один раз им удалось, да и то уже после смерти, идентифицировать одного князя, который в обычной жизни для маскировки, или, можно сказать, ради хохмы, выдавал себя за еврея-лоточника.

74. *Львы. Без цукру. Капитан*

Окраинная часть Буш-Вельда, которую в народе нарекли Страной львов, казалось, не соответствовала зловещему своему названию, ибо после трех-четырех дней пути им так и не повстречался ни один страшный хищник.

По-видимому, все это лишь предания, и львы скрываются где-то в глубине пустыни, подумал Сиприен.

Но когда он сказал об этом Джеймсу Гильтону, тот рассмеялся.

— Неужто вы полагаете, что львы — это вымысел? — сказал он.

Утром из помещения для охранников раздался душераздирающий рев. Я сразу подумала о львах, но ошиблась.

1. Ференц II Ракоци (1676–1735) — великий князь Трансильвании, возглавлявший освободительную войну венгров против габсбургского владычества (1703–1711). После поражения эмигрировал и умер в изгнании, а сословное собрание Трансильвании присягнуло на верность Габсбургам.

— Без цукру? — орал Пузан. — Чай без цукру?

По утрам охранники пьют служебный чай, однако сегодня, в связи с дефицитом и удорожанием, они, насколько я поняла, сахар к чаю не получили, точней, получили, но в непереработанном виде. (По сахарной свекле на чашку.) Отсюда и бурный протест Пузана, оставшийся, разумеется, без ответа.

В лесу появились новые статуи.

Продолжаются тренировки, но нас все меньше.

Капитан, наш главарь, предложил мне побеседовать с глазу на глаз. Мы встретились за гаражами, где он имеет обыкновение ошиваться.

— В конце концов нам и здесь не так плохо, — начал он. — Жить-то можно в конце концов. Почему бы не жить, даже если мысль о смерти ужасает любого страуса? Так ли важно — о какой смерти, на бойне или какой другой?.. К сожалению, рано или поздно каждый из нас умрет, так стоит ли тратить и без того слишком короткую жизнь на то, чтобы о чем-то бредить, проявлять недовольство, кипеть, бунтовать. Да, конечно, у нас из хвостов регулярно дергают перья, что не очень приятно, — но, если задуматься, разве это не почетно, что перья эти, выдернутые из наших задниц, со шляпок самых изысканных дам трубят всему миру о непревзойденной красоте страусов? Ведь это в порядке вещей, когда перья самых красивых птиц оказываются на шляпках самых красивых женщин.

Кстати, припоминаю, что самые лучшие головные украшения египетских богов... они ведь были из страусиных перьев. Ты знала об этом?

А теперь о полетах.

Я не против того, чтобы мы летали, и не считаю, что это в принципе невозможно. Напротив, я бы очень гордился, если бы это удалось хотя бы вам, самым молодым... но все-таки я не думаю, что кто-то из нас сможет когда-нибудь пролететь хоть метр, хоть кто-то, за исключением, может быть, самых маленьких, которые сейчас делают свои первые шаги по двору... в лучшем случае только им удастся.

Да, Африка. Разумеется, разумеется. Я все понимаю, мыс Доброй Надежды, водный простор Лимпопо и сочные травы бескрайней саванны... Ты понимаешь, что я не из числа остряков, которые говорят, что в Сахаре вас ожидают роскошные сахариновые деревья...

Сахариновые деревья в Сахаре! Эту гнусную шуточку я слышала в первый раз, хотя сразу же догадалась, кто был ее автором.

— Но я чувствую, что я уже стар... не для дороги, а для новой жизни, — вслух оправдывался наш старейшина Капитан. — Ну и представь себе, что мы, стар и млад, все вместе поднимемся в воздух — в чем я сомневаюсь — и безо всяких проблем — в чем опять же я сомневаюсь — прибудем на место, за море. Но предположим, что мы — во что я не верю — пересечем экватор и доберемся до этой твоей прародины... И что дальше? Я уже не способен привыкнуть ко вкусу новых растений, к значению новых запахов... В таком возрасте это уже невозможно, а главное, я уже не смогу отвечать за будущее своих соплеменников...

(Весьма трезвая самооценка, подумала я, но это не значит, что мы не можем избрать себе нового вожака!)

— Короче, я предлагаю тебе... только не обижайся... я прошу тебя больше не будоражить племя... все мы прекрасные бегуны, в том числе и ты... забудь о крылатых мечтах... все это нездорово... ты меня понимаешь?

— Я понимаю тебя, Капитан, но пойми и ты... я не намерена ни коротким, ни длинным, ни тихим, ни бойким шагом шествовать — как делаете это вы — на бойню! Вам, я вижу, помочь уже невозможно. Это так. С вами ничего не поделаешь. Ума у вас меньше, чем у золотой рыбки. Вам ничто не поможет.

75. О *душе, китайском императоре и Великой стене*

— Может ли быть, чтобы до сих пор где-то существовали трансильванские князья? — спросила я у Нуар. — И чтобы никто из нас даже не догадывался об этом?

— Когда-то о китайском императоре люди думали, что власть его простирается далеко за пределы империи, в том числе на те варварские народы, которые об этом и не догадывались. О том, что все они — подданные китайского императора.

— А зачем это нужно было китайскому императору?

— Потому что он был обязан охранять единство Вселенной.

— Обязан?

— Да, обязан, но потом один из слабых императоров эту силу утратил, и с тех пор мир растекается в разные стороны, и люди назвали это расширяющейся вселенной.

— Я знаю, об этом я видела передачу по телевизору, в рубрике "Мир науки". Все рассыплется и остынет, так что от ми-

ра не останется даже горсти семечек. А Солнце будет таким же черным, как мешок с углем.

— Так и есть. Точнее, так будет. Пожалуй, только свет праведных душ никогда не погаснет, потому что бессмертие душ не зависит от этого мира.

— А что такое душа, Нуар?

— По мнению некоторых, душа — это прячущийся ангел.

— Она прячется, как трансильванский князь?

— Да, только прячется она в том дремучем лесу, который называется "человек" и в котором живут ночные чудовища и свирепые звери пострашнее, чем в джунглях Африки. Говорят, кстати, что у ангела, то есть у души, есть утренний лик, освещенный встающим Солнцем, и есть вечерний. Но это уже...

— А знаменитую Китайскую стену построил тот самый слабый император?

— Сперва стену хотели построить внутри китайцев, чтобы отделить в них добро от зла, любовь от ненависти, утренний лик ангела от вечернего и так далее.

— И что же?

— Но в самих себе китайцам построить стену не удалось, и они стали строить ее снаружи, чтобы по одну сторону стены остались все добрые, а по другую — злые.

— И у них это получилось?

— Нет.

76. *Лауру. Львы*

Нуар спросила у Яноша, правда ли, что есть в мире животные, обладающие магической силой. Это все слухи, просветил ее Янош, глупые суеверия, нету таких животных, за исключением разве что лауру, добавил он иронично, но его еще никто никогда не видел, и известно о нем только то, что, где бы он ночью ни появлялся, везде завязывает узелки на лошадиных гривах и волосах женщин, да такие тугие, что распутать их невозможно и приходится гривы и волосы состригать. А всякие вещие кони, коты в сапогах и говорящие петухи — это все выдумки. Да и лауру действуют только в Апулии — не случайно там столько лошадей без грив и молодых женщин в платках. Но если женщины могут сами себе завязать узелки, то в случае с лошадьми это анатомически невозможно.

Сегодня на ферму снова приезжали сыщики. Были они крайне взбудоражены, так как опять получили проверенную информацию, что трансильванские князья-невидимки скрываются где-то поблизости.

— Шоня, Шоня, лим кожурд... — пропела я так, чтобы меня услышал Максико. Что означало: с наступлением темноты, на нашем обычном месте, то есть на поляне. Надо бы обсудить это дело насчет князей.

Они увидели громадного льва, львицу и трех детенышей, которые, развалившись кружком, грелись на солнышке.

Заслышав удары подков Тамплиера, лев разожмурил глаза, приподнял огромадную голову и зевнул, обнаружив страшенные зубы и гигантскую глотку, которая без труда могла заглотнуть десятилетнего ребенка. Потом устремил взгляд на всадника.

Нынче вечером на своем выдуманном диалекте нам прочел это Михай Но Пасаран Дубина. Я содрогнулась. Проглотить десятилетнего ребенка! Это какая же должна быть глотка?!

79. Движение сопротивления. Манифест

Первое дельное предложение прозвучало, когда Совет зверей лесных и домашних уже заканчивал свое заседание.

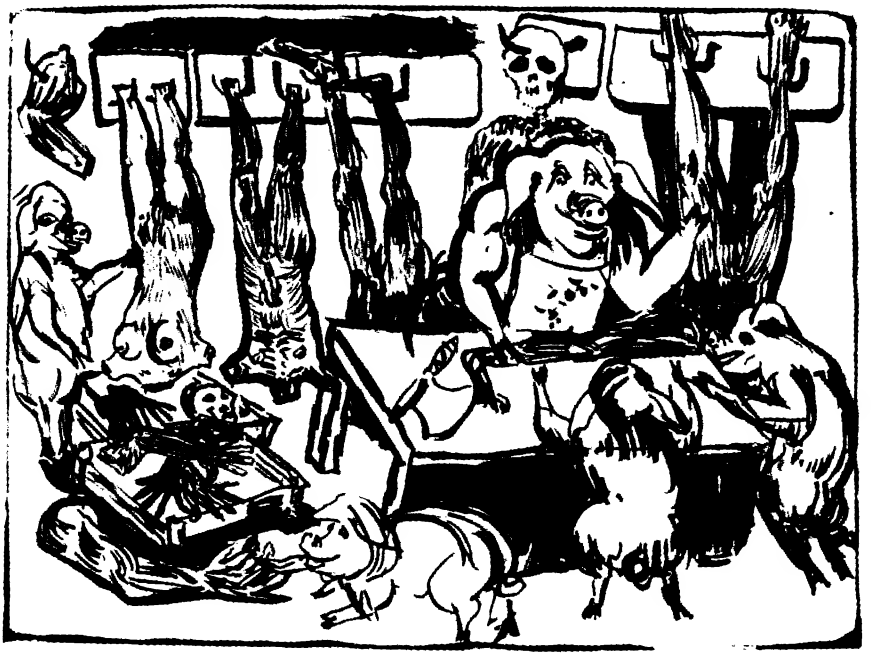
— Сидеть на месте и выжидать, что будет, — это тактика паука! Прилетит муха — замечательно, а не прилетит — ну и ладно, — горячилась лиса.

— Я тоже так думаю, что с этой тактикой надо кончать, — присоединилась я к предыдущему оратору. — Надо действовать на опережение. Надо сплотиться! Решить наконец, чего мы хотим! Если все: и собаки, и мелкий домашний скот, и птицы, и пчелы, и рыбы, и лошади — смогут объединиться, то люди и носа из дома не высунут! Да здравствует солидарность! Вспомните бессмертного Низами:

> И человек уйти спешил скорей,
> Едва заслыша грозный рык зверей.
> Казалось людям издали порой,
> Что у могил кишит пчелиный рой.

А в качестве эмблемы движения Тарзан предложил одно из полотен Владимира Сабо.

Чтобы сформулировать общую волю животных, была избрана редакционная комиссия. Меня, к моему разочарованию, в комиссию не включили, зато зачем-то ввели в нее Пики. Манифест, который они состряпали, получился, по-моему, так себе. Вот его текст:



По мотивам картины Владимира Сабо

Слушайте, звери!

Страусы и все прочие животные домашние и лесные!

Долой тиранию людей! Сплатимся против человеческой подлости! Хватит дрожжать, голодать, хватит на нас ахотицца! Долой бойню, куда они гонят нас в самом рассвете сил!

Подпиши, размножь, передай другому!

Долой ужас, который гнетет наши души!

Победа не за горами!

Прочь тиранов! Хватит строить для них пирамиды!

Рефком.

— Вот когда мы достигнем прародины, — так обычно подбадривала я остальных, — тогда все будет хорошо, все наладится. Когда мы опустимся из поднебесья на землю Африки, где нас будет приветствовать воплями Тарзан...

— Что-что? — встрепенулся Тарзан.

— Да не ты — настоящий Тарзан... он там целыми днями летает с воплями с ветки на ветку, боясь пропустить наш прилет...

Когда я разговаривала с Капитаном, пытаясь напомнить ему пример Бенёвского из альбома, который мне удалось стащить у охранников, то в пылу полемики призвала его убедиться, что обнаружил граф на Мадагаскаре, и протянула во-

жаку книгу. Капитан недоверчиво заглянул в нее и похмыкал, из чего стало ясно, что он, если и не совсем безграмотный, все же с чтением у него большие проблемы. Читал он только справа налево, да и то кое-как, например, вместо слова "червяк" он читал "чевряк", а вместо "коготь" — "гокоть".

Под вечер в лесу опять раздалось: "...а кто льва играет, не обстригай себе ногтей, пускай торчат львиными когтями".

80. *Летучие мыши*

Тренировки пока не дают желаемого результата, но я все же не унываю. Спросила у Нуар, в каком направлении нам держать путь, чтобы пролететь мимо Тисы, в зеркале которой мне хотелось бы искупаться, точнее, окунуть в него свое отражение. Нуар объяснила мне, где протекает Тиса, после чего мы всю ночь обсуждали с нею теоретические и практические аспекты полетов.

— Полеты очень полезны для развития умственных способностей, — объясняла она. — Четвероногие, точно так же, как и человек, видят все в одной плоскости. А мы, птицы, обозреваем мир не только перед собой или сбоку, но и сзади, и сверху. И не просто обозреваем, но и перемещаемся в нем — влево, вправо, вверх, вниз. Мы обладаем объемным зрением — совершенно особым качеством. И эта способность беспрерывно оттачивает наш ум.

— Понятно, — сказала я. — И что с того?

— А то, что те виды живых существ, которые разовьют в себе эти качества наилучшим образом, станут гораздо умней человека. Например, смогут запросто обыграть его в шахматы, не говоря уж об остальном.

— И даже Петике?

— Кого угодно. И не только в шахматы. Они будут сильнее во всем.

— И тогда этот вид будет господствовать на планете?

— Да.

— И что это будут за птицы?

— Это будут не птицы. А племя летучих мышей.

— Это которые здесь по ночам пищат?

— Они самые.

— Почему это?

— Потому что летучая мышь — единственное летающее млекопитающее. А мир принадлежит, как известно, млекопитающим. Но, кроме умения летать, они обладают еще двумя редкими особенностями.

— Первая — это то, что у них есть руки?

— Вот именно. А руками можно брать, хватать, а при известной сноровке даже инструменты делать... Это огромное, неоспоримое преимущество.

— Но руки есть и у белки, и даже у обезьяны...

— Только ума у них недостаточно.

— А у летучих мышей достаточно?

— Пока нет. Но эти ушаны, или нетопыри, как их еще называют, умеют еще кое-что, чего не умеет никто из нас, — только они да еще одно морское млекопитающее. Они издают звуки такой высоты, что уловить их не может никто. И с помощью этих звуков они ориентируются даже в кромешной тьме. Разумеется, — продолжала сова Нуар, — для меня это тоже проблемы не составляет... Но все-таки я вижу глазами, тогда как они — ушами.

— И что в этом такого особенного?

— Это требует от их мозга совершения сложнейших операций, отчего они делаются все более развитыми и разумными...

— Так вот почему они станут властелинами мира...

— Благодаря этим качествам.

— И как скоро это произойдет?

— Довольно скоро.

— Ну а все-таки?

— Очень скоро. Через три-четыре миллиона лет.

— Ах так. А я уж подумала — через неделю.

Мы помолчали.

Мне послышалось, будто на противоположном краю поляны хрустнула ветка. Я вперила взгляд в темноту, но тьма была столь непроглядная, что пришлось прибегнуть к помощи воображения, и тогда я увидела, как по краю поляны, словно тени, скользят какие-то всадники. Копыта их лошадей обмотаны тряпками — чтобы не звенели подковы.

— Я все же хотела бы попросить тебя познакомить меня с кем-нибудь из летучих мышей, не ждать же мне целую вечность, пока мир упадет к их ногам!

— Так и быть, Лимпопо. На днях я представлю тебя графу Иштвану Бэтмену, премьер-министру правительства ушанов и нетопырей.

81. *Граф Иштван Бэтмен. Храм Младенца Иисуса*

— Рада познакомиться, — ответила я через несколько дней на писклявое приветствие будущего властелина мира — совсем крошечного господина.

Уж не знаю, чего я ждала от этой встречи, но все же была несколько разочарована. Единственное, что выяснилось из разговора, — в ближайшее время г-н Бэтмен вместе со своим трансильванским дядюшкой отправятся в Сиракузы, на юг Сицилии.

— А ваш дядюшка, он... гм... тоже нетопырь? — поинтересовалась я, поскольку ничего умнее мне в голову не пришло.

— Нет, он, как бы вам это сказать... гематолог, — ответил он с некоторым смущением. — Занимается переливанием крови. Когда-то был знаменитым жокеем, но скачки потом запретили.

— А почему именно в Сиракузы? — сменила я тему.

— Там живут наши дальние родственники, вот и хотелось бы установить с ними связи. Вообще-то, они живут под водой, люди называют их дельфинами, но это название, если разобраться, происходит от слова "ушан".

— То есть как это?

— Очень просто. Ушан, душан, дульшан, дульфан, дельфан, дельфин, — объяснил мне премьер-министр Бэтмен этимологию слова "дельфин".

— Ну тогда счастливого вам пути и всего хорошего, — решила я попрощаться, и Бэтмен, расправив крылья, неуверенно полетел. Я следила за несуразным полетом будущего властелина Земли, иронически улыбаясь, он летел, будто пьяный, но, поскольку сама я не умела летать даже так, то ограничилась только вопросом:

— И как скоро он долетит до Сицилии?

— Его дядюшка в чемодане возит, — просветила меня сова.

— А за какие заслуги он выдвинулся у летучих мышей в начальство?

— Напористый малый, этого не отнимешь... Бэтмен — это, конечно, не настоящее имя. В жизни сего господина звали сначала Иштваном Мезеи, потом он стал Иштван Мезеи Нетопырь, потом Мезеи Бэтмен и наконец — граф Бэтмен, иначе — Стэлс... Конечно, многого он добился благодаря трансильванскому дядюшке, который считается настоящей живой легендой... Но правда и то, что наш Бэтмен обладает совершенно невероятным по силе голосом, я имею в виду тот самый, неслышный для прочих смертных, голос летучих мышей... можно сказать, у него просто ультразвуковой бас, хотя ты не знаешь, что это такое — ультразвук и бас. Извини, если я не всегда выражаюсь понятно, — сказала она, в очередной раз смутив меня своей восхитительной вежливостью, — старею.

— Скажи, Нуар, а что следует знать о храме Младенца Иисуса?

— Храм, посвященный Младенцу Иисусу, основал один восточный мудрец, который в наказание за грехи свои должен до самого Судного дня всегда и везде опаздывать. Дело в том, что именно он был четвертым волхвом, который, следуя за Вифлеемской звездой, вместе с Каспаром, Мельхиором и Бальтазаром должен был принести дары к колыбели Господа. Дарами его были жемчужины, которые должны были защитить Спасителя от предательства. Но четвертый волхв заблудился и опоздал. С тех пор Барнабаш, ибо так его звать, не находит себе приюта, как гонимый, бродит по дорогам, беспрерывно поглядывая на часы, звенит ключами и моргает красными от недосыпа глазами. И всегда и везде опаздывает.

Вечерние сумерки огласил ужасающий вопль, сменившийся декламацией:

Вам страшен лев, ревущий и рычащий.
Так знайте — вовсе я не лев, не львица.
Столяр я, Цикля. Кто ж меня боится?
Да если б я пришел для страшных дел,
Тогда домой вернулся б разве цел?

82. Наводнение. Мартон и Дёрдь

Неожиданно все окрестности, покуда хватает глаз, затопило водой. Местных, которые еще не успели очухаться, выгнали в поле, где, стоя по пояс в воде, они строили дамбу. Меня это поразило.

Напевая что-то меланхолическое, они усердно трудились на этой диковинной стройплощадке. Дамба стала расти.

— Не пойму, зачем они это делают, — недоумевал Злыдень. — Ведь вода уже все затопила...

Его просветил Усатый:

— Четыре года назад тут было уже наводнение. Тогда сюда прибыл кровавый упырь Кондукатор и велел им построить дамбу.

— Ну и что?

— А они ее не построили, сами видите. И боятся теперь, что он снова приедет. И увидит, что дамбы нет.

— Кто боится?

— Ну, тот кто отвечает за дамбу, которой нет. Так надо хоть задним числом построить.

— А он не спросит у них, как попала сюда вода, если здесь была дамба?

— Этого я не знаю.

— Я бы точно спросил.

— А они бы ему ответили, что не знают. Была, мол, дамба, а вода все-таки просочилась.

В разговор вмешался Очкарик:

— Да, непросто понять его логику. Он как-то распорядился, чтобы все предприятия показывали производительность выше среднего уровня по стране.

— И что?

— Все ответили, есть, покажем.

Говорят, что скульптуры в лесу вырезают два брата-сарацина — Мартон и Дёрдь, бежавшие в наши края из какой-то южной страны. Когда на главной площади города Ф. из фургона, переправлявшего нелегалов, выгрузили все племя, оба брата буквально остолбенели, увидав в центре площади огромную черную конную статую[1]. А потом они углубились в лес и принялись там своими топориками-мачете вырезать деревянные статуи. Настолько силен был шок от увиденного на той площади.

83. *Два храма*

— После того как были разрушены храмы, жители Ф. построили копии двух церквей под землей. Горожане не столько строили, сколько рыли, тесали, долбили, углубляясь в скалу подобно тому, как выдалбливают из цельного куска дерева тамбурин. Они выбрали и вынесли на поверхность внутренности скалы, вытесали внушительные фасады. Разумеется, надо представлять это не в зеркальной симметрии, то есть вниз головой, а так, как если бы в гигантский грузовой лифт поместили собор и опустили вниз. Снаружи едва виднелся один только шар от креста на башне, который смахивал на макушку замшелого доисторического валуна или на чей-то череп. Бывало, что люди, идущие мимо, о него спотыкались или просто пинали, как пинают обычные камни. Конспирация вокруг местонахождения двух церквей была столь глубокой, что строителям по окончании всех работ вырезали языки, чтобы не разгласили тайну и никто не разрушил опять соборы. Два епископа, что строили эти храмы, еще долго, играя в покер или в очко, пытались хитростью выведать один у другого, куда он зарыл свой собор. В конце концов они унесли свои тайны в могилу. И с тех пор никому, и в пер-

1. Если предположить что под городом Ф. подразумевается Коложвар (см. "Заметки венгерского издателя"), то речь идет о памятнике королю Матяшу — самому знаменитому уроженцу этого города.

вую очередь верующим, неизвестно, где искать священные здания. Даже звуки колоколов, доносящиеся до поверхности, не могут помочь пастве сориентироваться, поскольку хитроумные епископы в свое время распорядились, чтобы колокола повесили не на колокольнях, а зарыли в окрестностях, один там, другой тут. Все это запутало даже кладоискателей, которые до сих пор так и не смогли разграбить соборы, потому что входа никто не знает, — щурясь от света, закончил свою историю подземный крот Игэлае.

84. А*исты возвращаются*

— В чем дело? Ведь мы договаривались встретиться с вами в Африке! — с этими словами вчера вечером вернулись аисты.

— Вам бы все шутки шутить! Расскажите лучше, как путешествовали.

И те, щелкая наперебой клювами, стали терзать наши нервы рассказами о жутких приключениях и бесчисленных и невообразимых африканских чудесах.

— А у нас с тех пор появились золотые рыбки, — поделилась я с ними новостью. — Правда, они постоянно нас забывают. Да и собственных имен не помнят. Но все же они замечательные, особенно та, которую, если она хорошо помнит, зовут Белла Эрдейи.

Пики раздобыла где-то учебник английского для начинающих и начала изучать язык. Пока одолела только несколько первых страниц. И всем, кто бы ни проходил мимо, с обаятельнейшей улыбкой задает один и тот же вопрос:

— How many sisters do you have, sir?

Сегодня на тренировке мне, кажется, удалось взлететь. Не так уж и высоко; но все же, пожалуй, впервые в жизни, я ощутила, что мое тело способно на большее, чем просто подпрыгнуть. И, кажется, наконец-то в этом участвовали крылья, подгребая воздух мне под живот. Неужели прорыв? Или я ошибаюсь?

Потом наступили сумерки, и я стала ожидать, когда в мой сон прокрадется большой белый ягуар, о котором мне рассказывал Петике.

85. Н*а северном берегу Лимпопо*

Через три дня похода члены экспедиции, после долгих поисков, наконец нашли подходящее место для переправы через Лимпопо.

На сей раз книгу продолжил читать Очкарик.

...Ли громко вскрикнул и указал на двигавшуюся на горизонте черную точку.

— Это путешественник! — воскликнул неаполитанец.

— Это Матакит! — сказал Сиприен, посмотрев в подзорную трубу. — Я отлично вижу его тележку и страуса!.. Это он!.. Несомненно, он!

Вчера я забыла записать, что, когда прилетели аисты, опять появился человек в двубортном пальто из драпа, тот самый, который их провожал. И взмахивая руками, стал декламировать, обращаясь к аистам:

...назад, назад! Лети на теплый юг!
Счастливей нас ты, мой хороший друг:
Тебе судьбой две родины даны,
У нас одна — и той мы лишены.

Лети, лети! И, встретив там, вдали,
Изгнанников своей родной земли,
Скажи, что в пропасть нация идет,
Как в поле сноп, рассыпался народ!..

А потом, широко шагая, то и дело останавливаясь и разговаривая сам с собой, словно сражаясь с призраками, человек в двубортном пальто, ни разу не оглянувшись, исчез из виду.

86. *Забытое окно. Креативное письмо*

В верховьях Лимпопо в одном месте, покрытом травой саванны, есть забытое окно. Человек, заглянувший в него, увидит женщину, жену Петера Мармуры, которая, сидя на скамеечке, вышивает наволочки и настенные коврики.

Сюжетов вышивки всего два.

Один изображает встречу Стэнли и доктора Ливингстона в африканских джунглях.

На другой вышивке мы видим извержение вулкана Килиманджаро в 2420 году. По склонам, спасаясь от огня, бегут страусы и трансильванские венгры.

Один писатель преподает телезрителям креативное письмо, то есть учит их сочинять стихи, романы, пьесы и всяческие новеллы. С носом, смахивающим на грушу пульверизатора, этот

писатель нам объяснил, что целесообразно сразу же поразить читателя непринужденным употреблением каких-нибудь редких или совсем незнакомых слов, например: "На Герече уже лежал первый снег". Или: "Под брюхом швертбота, застрявшего в камышах, тихо бултыхалась вода". Потому что читателю это импонирует, у него пробуждается чувство неполноценности и даже стыда, оттого что он этих слов не знает или не употребляет. Так говорил человек с носом, смахивающим на грушу пульверизатора. Хороший писатель должен использовать эту неловкость, эту стыдливость читателя и, сходу атаковав, направить его языковые пристрастия в нужное русло.

В последнее время наш альбатрос собирает свои стихи и песни — лирические документы душевных страстей, пережитых за долгую жизнь. Он готовится выпустить диск под названием "Чайка моя".

87. *Сатирикон*

Сегодня — самый длинный день года. Это единственный случай в году, когда вечером страусам можно все.

Целый год страусы с нетерпением ждут этого великого дня, потому что его отмечают незабываемым праздником.

Ждут его и давно уж готовятся и лесные сатиры. Уже в утренние часы из зарослей выглядывают их волосатые рожи, повизгивают свирели, подкрадываются к месту сбора и козлоногие фавны. Чувствуется, как на опушке леса нарастает возбуждение.

А после обеда начинается само действо, то есть гульба, к вечеру принимающая самые буйные формы.

Сатиры притаскивают с собой огромные котлы и чаны с золотистым и густо-рубиновым зельем. И при этом орут как оглашенные:

> Эх, как дернем бражки —
> не уснут милашки!

Горбатый сатир Мохнорыл в двадцатый раз повторяет свою загадку:

Волосня-волосня, посредине колбасня...

Хотя все уже знают, что это початок. Они разводят костер и, нагрев вино, засыпают в него из пакетиков и коробочек с разноцветными этикетками одуряюще ароматные специи. И когда мимо них проходит какая-нибудь симпатичная цыпочка — стройная молоденькая страусиха, пусть даже и

И сыплют в вино одуряюще ароматные специи

малолетка, им это все равно, — они подмигивают своими глазищами и, помешивая в котле пряности, спрашивают:

— Ты это пробовала? Знаешь, что это такое?

— Вы о чем? — втягивается в разговор несмышленая. — Об этой приправе? А что это?

— Трахун-трава, — регочут сатиры.

Затем они пьют, орут, оглашая лес дикими воплями, горланят до хрипоты свои песни и пускаются в пляс, подхватывая цыпочек-страусих и даже смазливых молоденьких петушков. Они лихо, с припрыжками и притопами, отплясывают гопак и матросскую джигу, краковяк и венгерку, исполняют эротический танец живота и, наконец, сиртаки. При этом повизгивают и поют:

Речка Тиса берег лижет —
Я не вшивый, сядь поближе!

А еще и такое:

Славный округ Марош-Торда[1],
Что ни девка — в торте морда!

Есть во всем этом что-то, ну как бы сказать, какое-то разухабистое беспутство. Несколько раз они задорно выкрикивают:

1. Марош-Торда — комитат в исторической Трансильвании, отошедший в 1920 г. к Румынии и позднее расформированный.

Пока Мани мной мани-пули-ровала,
Кати уж давно капи-тули-ровала!

Даже тетка Лула, страусиная ведьма, и та пускается в пляс, вихляет бедрами и напропалую кокетничает и флиртует.

Сотрясая небо воплями, они что-то нашептывают партнершам, и, хотя те яростно протестуют, глаза их сияют так, что того и гляди заискрят. Но вот опускается ночь, и воздух густеет настолько, что шипит и становится осязаемым. Сатиры обмениваются многозначительными взглядами, кивают, встречая в глазах или жесте другого вопрос, и вскоре, как по команде, начинают сворачивать свой бивак, подбирают свирели, арфы, лютни, или как они там называются, и, кто коротко, кто многословно простившись с нами, с поникшими головами исчезают в лесу.

Они уже далеко, но мы еще слышим их голоса:

Я не кролик, я не крыса,
жду тебя в Вальпараисо!

После вчерашней оргии случайно подслушала разговор наивной мамаши-косули с совой Нуар.

— И как это страусы не боятся оставлять своих дочерей с сатирами?

— А чего им бояться-то? — округлила глаза сова.

— Ну мало ли... вдруг они злоупотребят положением... тем, что девочки тоже подвыпили...

— Да ну? — удивилась сова. — Злоупотребят положением? А как вы себе это представляете?

— Ну что эти сатиры... пожалуй, могли бы...

— Что бы они могли?

-...сделать с девушками что-нибудь неприличное, — выдавила из себя, наконец, косуля и покраснела.

— Уху! — крикнула сова по-совиному. — Эти старые пни? Эти сделали бы... в свое время. Да только теперь самому молодому из них не меньше двух с половиной тысяч лет!

88. *Мертвые гонведы*

Нынче утром у соляной шахты появились три мертвых гонведа[1]. В своих ментиках со шнурками, двое — сжимая ремни винтовок, третий — держась за рукоять клинка, они стояли,

1. Гонведы (защитники отечества) — бойцы венгерской революционной армии в период национально-освободительной борьбы 1848—1849 гг.

привалившись ко входу, под лучами солнца, похожие на игрушечных часовых у башни, которых я видела в одной иллюстрированной книжке Очкарика.

Мигая синими и красными огнями и завывая сиреной, вскоре подкатил милицейский автомобиль. Остановившись в ста метрах от мертвых гусаров, менты по громкоговорителю приказали им сдаться и бросить оружие. Но гусары желтушечно улыбались, щурясь на солнцепеке.

— Вам каюк! За ношение оружия и неподчинение власти! Руки вверх! Сопротивление бесполезно! — все утро орал мегафон. А я, постояв немного, поспешила к своим, потому что на ферме случилось невероятное: вылупились птенцы.

89. *Птенцы*

Ну вот и вылупились у нас птенцы. Пушистые очаровательные крошки, забавно разевающие клювики, почти все — здоровенькие крепыши. Уже в первый день они вовсю носились по ферме.

Есть, правда, среди них один маленький хилый цыпленочек, прямо-таки пигмей по сравнению с остальными. И ножки совсем коротенькие — так что неудивительно, что он даже ходить не может, не то что бегать.

91. *Космогония. Глыба*

— Что значит — вселенная? — спросила я у Нуар. — Из чего она зародилась и для чего?

— Изначально вселенная — это речь, так называемый нарратив, то есть повествование, которое постоянно ведет один бог. Стало быть, если угодно, вселенная родилась из логоса, божьего слова, причем такого густого, насыщенного, что в нем ложка стояла. Мы это называем материей.

— А он и про нас рассказывает? Прямо вот в эту минуту?

— Да, и про нас с тобой.

— Тогда все довольно просто. Но почему ты сказала, что "изначально"?

— Потому что таким был только первичный универсум. А потом всякие падшие ангелы и прочие подозрительные создания стали пытаться изменить отдельные части исходного текста, пересказывать его на свой лад и даже переводить, и прятаться в этих мирах от Создателя. Все эти рассказы также отвердевали и становилось материей. Так возникли другие миры, так называемые традуктивные мироздания, или миры-аналоги. Ну это как если бы ты взяла уравнение и при-

вела бы его к другому виду. Но перевод не может быть совершенным, и часто случается, что то, что в оригинале было, скажем, крокодилом, в переводе становится швейной машинкой. Сама понимаешь, как могут сказаться на этом вторичном генезисе трудности перевода, всякие ляпы, недопонимание, ложные друзья переводчиков...

— Значит мир — это просто занятный рассказ?

— Можно и так сказать...

— А мы с тобой существуем в оригинале?

— То есть в праязыке, в изначальном творении? Как раз этого никто и не знает, потому что, состряпав копию, все дилетанты божатся, что это оригинал. К тому же на свет появляются и вторичные переводы, выполненные не с оригинала.

— То есть мы даже не знаем, кто и когда...

— А кроме того, есть еще тиражированные миры...

— ...и, главное, для чего...

— ...и поэтические вселенные...

— А на каком языке говорил этот первобог?

— Этого я не знаю.

— А что, если он случайно или сознательно заговорит задом наперед?

— Это как вы иногда? Шоня, Шоня, лим кожурд...

— К примеру. Или как Капитан читает.

— Ну, это так же невероятно, как летать задом наперед... Я полагаю, что ежели Демиург повел бы рассказ о творении в обратном порядке, то время повернулось бы вспять.

— И тогда последнее слово, которым он перечеркнет творение, то есть поставит на всем этом точку, будет звучать: тевс тедуб ад?

— Тевс тедуб ад... да, бывает, что так говорят вместо "да будет тьма"...

Если кому-то уроки пения и пошли на пользу, так это Пики. Она заучила несколько шлягеров и теперь не только интересуется на своем курином английском, у кого сколько есть сестер, но, заметив Максико, бросает на него голодные женские взгляды и слащавым своим голоском поет: Oh, my baby, oh my only love...

А Глыба, который решил довести нас всех до семантического беспамятства, сегодня хотел стереть из нашей памяти слово "Африка". Но я запротестовала.

— Извини, Глыба, но убрал бы ты лучше отсюда свои помои! — сказала я.

— Что, вот это?.. Как ты сказала? — выпучил он на меня свои ошарашенные буркалы. — Энто самое?

— Вот именно, "энто" самое, напоминающее мне взбитые сопли со сливками. Мы это есть не будем.

Меня поддержала небольшая группа моих сторонников. И разъяренный Глыба вынужден был бежать, забыв даже свой глоссарий и клетчатую тетрадку с конспектами уроков. Открыв ее, я увидела начертанные большими корявыми буквами следующие слова:

СВОБОДА
РАВЕНСТВО
БРАТСТВО
ВЕНГР

92. Р*ассветная песнь.* Г*оворящий страус.* Р*ай*

Недавно, недели две назад, я снова услышала на рассвете, где-то на ветках лиственницы, захлебывающийся, пресекающийся, исполненный то боли, то отчаяния, то преданности и самоотверженности, рвущийся из глубин души голос.

На ветках явно никого не было — во всяком случае никого одушевленного. "Плёпл, плёпл, плёпл" — этими словами начиналась песня, переходившая затем в бурную, беспорядочную, жалобную, заходящуюся тоской арию.

— Интересно, какому существу может принадлежать этот голос? — поинтересовалась я у Петике Аптекаря, гениального знатока языков, постаравшись как можно ближе к реальности передать ему то, что слышала из-под лиственницы.

— Разберусь, — обещал он с такой серьезностью, что я сразу поверила, что и правда он разберется в этой загадке.

Сиприен остался один, да к тому же, промокнув до нитки, свалился в горячке.

К утру дождь перестал, и солнце уже высоко стояло на небе, когда Сиприен открыл глаза. Он увидел перед собой большого страуса.

— Может быть, это страус Матакита? — смутно пронеслось в уме Сиприена.

Но страус ответил ему на этот вопрос, заговорив с ним на чистом французском языке.

— Я не ошибаюсь?.. Это Сиприен Мере?.. Что с тобой, мой бедный друг? Что ты делаешь здесь?

Страус, говорящий по-французски, страус, знающий, как его зовут! Здесь было, конечно, чему удивляться человеку обыкновенному, находящемуся в здравом рассудке. Но Сиприен нисколько не был удивлен этим феноме-

ном и даже нашел его вполне натуральным. Во время своего ночного бреда он видел гораздо более необыкновенные вещи: ему показалось это продолжением бреда.

— Вы очень невежливы, барышня страусиха! — ответил он. — По какому праву вы говорите мне "ты"?

Голос Сиприена был глух и прерывист, как у всех горячечных, и уже по одному этому можно было безошибочно судить о том, что Сиприен болен.

Это обстоятельство до крайности взволновало страуса.

— Сиприен... друг мой! Ты болен и один здесь, в этом диком лесу! — воскликнула птица и бросилась перед ним на колени.

Это было также совершенно ненормальным физиологическим явлением: страусу, как известно, запрещено природой преклонять колени. Но Сиприен ничему не удивлялся. Он нашел даже вполне естественным то, что птица вынула из-под своего левого крыла кожаную бутылку с водой, смешанной с коньяком, и приложила горлышко к его губам.

— Какие птицы летают выше всех? — спросила я у Нуар.

— Дикие гуси. А что?

— Значит, они ближе всех подлетают к раю?

— Рай — это не место.

— А разве он не на небе?

— Так принято говорить. Но это лишь означает, что по сравнению с нами он очень высоко. Многими этажами выше.

— А как мне туда попасть?

— Туда нет лестницы. Во всяком случае, такой лестницы, которую могут построить другие.

— Я должна построить ее сама?

— Нет.

— А как же тогда?

— Ты сама должна стать этой лестницей.

— Так ты говоришь, что рай не на небе? А где же он?

— Считается, что он в душе, так же как и ад.

— В одном месте?

— Да.

— Вперемешку или отдельно?

— Это как зал ожидания на станции Секейкочард. На одной двери написано: зал ожидания первого класса, на другой — второго.

— А что там на самом деле?

— Коридор.

93. *Несколько дней спустя. Необычный птенец*

Голос в ночи.

Нигде ничего не сказано. Бог наблюдает за нами через бинокль, тела наши медленно сносит ветром, а его мутит, и катятся слезы. Где это сказано?

Мимо промчался Петике, побежал опустить заполненные бабушкой квитки лото. Значит, сегодня суббота.

— А может такое быть, что нас просто уронили в материю? — подбросила я вопрос Нуар. — Как в булькающее повидло?

Она что-то пробурчала, но я ничего не поняла.

Все птенцы подают большие надежды. Именно такие потомки нам и нужны: умные, шустрые, схватывающие все на лету.

И только один их братишка — коротконогий поскребыш — ведет себя как-то странно. Ни в какую не хочет делать того же, что и они, не бегает вместе с братьями, не играет в их игры и ведет себя с ними весьма агрессивно: выхватывает у них из-под клюва самые лакомые куски, случается, щиплет их — и даже, ей-богу, пытается вышвырнуть их из гнезда. В чем нет никакого смысла, потому что все остальные давно уже весело впрыгивают и выпрыгивают из него, в то время как он только разевает клюв, верещит и размахивает хилыми крылышками.

Никто из нас таких странных страусов еще никогда не видывал.

94. *Хэппи-энд. Жизнь. Авоська. Очередной аукцион*

Как выяснилось впоследствии, бриллиант проглотил страус по имени Дада. Умело прооперировав страуса, Сиприен извлекает из его зоба камень, женится на Алисе, и Якоб Вандергард дарит им бриллиант.

Как говорит Лаца Зашибленный, у писателя Уэллса в одной из историй страусы тоже глотают волшебный алмаз, но там дело происходит во время морского путешествия.

Барнабаш, восточный маг, опоздавший к рождению Мессии, уверяет, что китайцы опять строят стену, но не там, где она была, а совсем в другом месте.

— Если Глыба или другой негодяй захочет стереть или сотрет в нашей памяти, скажем, слово "страус", мы после этого перестанем быть страусами?

— В физическом смысле, конечно, нет, но вы больше не будете узнавать в себе существо, сотворенное по замыслу Божьему, то есть самих себя.

Так ответила мне Нуар.

— Однако, если взять, например, меня, Создатель, похоже, даже не ведал, что я вовсе и не хотела быть страусом, который даже летать не может, точно так же, как до рождения никто не хотел стать венгром, турком, лисой или кузнецом.

— Это испытание...

— Что — это? — перебила я сову.

— Сама жизнь. Кто как сдаст экзамен. Если ты провалился как человек, значит, ты не годишься и в тигры.

— Что значит "тигр"? И кто решает, кому какие сдавать экзамены, и определяет, что нужно, для того чтобы сдать на "отлично" или "хорошо"? На "тройку" или на "двойку"?

— Ответ на этот вопрос ты и сама найдешь. Я даже не предлагаю вернуться к нему позднее.

Я спросила у Петике, как он считает теперь, когда уже хорошо изучил наш язык, имело ли смысл так стараться. Он сказал, что в языке страусов слова отбрасывают более длинные тени, чем в других языках, и что язык наш хранит в себе множество отпечатков архаических знаний. А я как-то не замечала!

Но Пасаран, некогда рыжий, а теперь совершенно лысый, но все еще густо заросший всклокоченной бородой вертухай, про которого Пузан сказал как-то, что рожа у него такая, будто сам черт вытер о нее свою задницу, — так вот, этот Но Пасаран вчера устроил аукцион, выставив на продажу жену, собственное здоровье и белое мраморное надгробие матери. Все три лота ушли. Надгробие погрузил в фургон бывший официант, а ныне пенсионер и мастер золотые руки, делающий столы и буфеты с мраморными столешницами.

95. *Вечерние сказки. Лотос-кокос и незабудка*

В верховьях Нила, приблизительно втехжекраях, где начинается и Евфрат, до сих пор произрастает орех, называемый лотос-кокос.

Однажды страусы, которые когда-то хорошо знали, зачем они появились на свет, наелись плодов этого самого лотоса — а может, корней или листьев — и напрочь забыли все, что знали о себе и о чем бы то ни было вообще.

Похоже, что нечто подобное произошло и с людьми. Они забыли, зачем они на земле, и, как говорят, именно

тогда они стали преследовать страусов, с которыми прежде жили в мире и дружбе.

Но все это было так давно, что я еще не жила на свете.

(Что я делала вместо этого — представить себе не могу.)

Единственным, чего не могли забыть люди — а также и страусы — из того, что знали до этого, был маленький голубой цветочек, который не уставал повторять им: не забудь, не забудь, не забудь! Его пронзительный голосок доносился из-за стены забвения, а ослепительная голубизна просвечивала сквозь мрак сознания и души.

Чтобы вновь отыскать смысл жизни, страусы принялись возводить маяк высотою до неба. Возможно, была в нем и лестница. Неизвестно, на что они при этом надеялись — быть может, на то, что на небесах получат какие-то разъяснения. А может, думали, что пока им не удалось отыскать на земле смысл жизни, пусть будет хоть башня с лестницей, она хотя бы поможет им скрыть растерянность, которая овладела ими, когда они вкусили этот райский запретный плод лотос-кокос. Но пока они возводили башню, языки у них начали заплетаться, слова сделались вязкими, стали склеиваться, всяк пытался произносить их по-своему, так что башню они не достроили и из окон ее до сих пор изливается только мрак.

Из-за этих дурных воспоминаний страусы по сей день и обходят стороной эту башню.

96. *Экваториально-трансильванские венгры*

В 2399 году начнется один любопытный эксперимент. Венгров из Коложвара с криками-матюгами будут переселять в совершенно новый город, который построят на вершине Килиманджаро, а в освободившиеся коложварские дома и квартиры переедет народ суахили.

Этот захватывающий эксперимент придумают знатоки социальной психологии и культурной антропологии с той целью, чтобы через два поколения можно было произвести сопоставительный анализ духовного мира населения двух городов — с особым вниманием к сходствам и различиям.

97. *Победа!*

Ура! Этот мелкий уродец, которого мы назвали Поскребышем, преподнес нам сегодня сюрприз: то, чего до сих пор не удалось ни одному из нас, этот фокусник проделывает уже сейчас! Он способен подняться в воздух! Это чудо, наверно,

Коложвар на вершине Килиманджаро

не меньшее, чем то, которое испытал в джунглях Сиприен Мере, когда его разбудил страус, говоривший по-французски, и угостил коньяком.

Выходит, не зря мы, все племя, потратили столько времени, пытаясь научиться летать! Мы победили! Смотрите, что получилось, — каким-то таинственным образом труд и пот родителей, упорные тренировки, надежды, строжайшее расписание занятий дали свои плоды в одном из потомков. Несмотря на все его странности, которые, как известно, обычно характеризуют мутантов, Поскребыш будет летать! Да здравствует новое поколение! Страусиное племя все же будет господствовать в воздухе!

— Браво, браво! — поздравил нас даже крот Игэлае.

— Вы видите, — подбадривали мы остальных птенцов, — как ловко Поскребчик работает крылышками? Вы должны у него учиться.

Но учиться никто не хотел.

98. На *следующий день.* Бегство Поскребчика

Поскребчик покинул нас.

И это несмотря на то, что, когда он впервые пролетел по ферме, мы устроили для него небывалый праздник! С каждым днем он держался все более уверенно. А однажды вспорхнул — да как элегантно! легко! — на забор и, даже не оглянувшись, во всю глотку крича "ку-ку!", рванул в лес.

99. На *следующий день*. О *кукушках*

Мы никак не могли понять, как и главное для чего страус может кричать по-кукушечьи. Мало ему страусиного языка? В мою душу закралось черное подозрение, которое я даже для себя сформулировать не могла — не то что высказать.

А потом меня просветила сова. Она рассказала, что следует знать о кукушках, об этих по природе своей гнусных тварях, которые уже в птенцовом возрасте ведут себя, как неблагодарные убийцы. Ибо мало того, что кукушки подкладывают свои яйца в гнезда других, ничего не подозревающих, птиц, мало того, что эти мамаши высиживают их птенцов, а потом жертвенно вскармливают кукушат, так эти маленькие поганцы без стыда и совести, эти желторотые убийцы еще и выталкивают из гнезда родных птенцов своей кормилицы, чтобы самим досталось больше жратвы. Я думаю, из-за этих тварей кукушек вымер уже не один вид птиц, заявила сова.

Интересно, что Пишта Потемко не выказал ни малейшего возмущения. Он, с одной стороны, злорадствовал, что "партия летунов" потерпела фиаско. А с другой — искренне изумлялся ловкости кукушат.

Я была просто убита произошедшим. По радио хор исполнял "Песню о Буревестнике".

Ну хорошо, хорошо, кукушки, подлые дряни вы и разбойницы, пусть хоть одна из вас попадется мне на глаза, уж я покажу вам, где раки зимуют.

100. Мы *тоже не ангелы*

Мы решили мстить. И подложили одно из своих яиц в гнездо аистов, но это вышло нам боком. Однако об этой позорной истории следует рассказать по порядку. План, постыдный и недостойный страусов, родился в голове Пишты Потемко.

Параллельно с жуткими беспрерывными дискуссиями об эмиграции — уезжать или оставаться, или уехать, чтобы потом вернуться, — мы месяцами без особого успеха пытались найти хотя бы одно кукушечье гнездо, чтобы вернуть должок. И поскольку поиски были безрезультатными, Сквалыга, именно тот, кого, как известно, вероломство кукушонка потрясло меньше всех, словом, именно Пишта Потемко выступил с безнравственным предложением — раз уж мы не способны отомстить кукушкам, подложить несколько наших яиц другим птицам.

Против этого я протестовала руками и ногами, но Сквалыга и его банда заткнули мне рот. Самое малое, что мы можем сделать для спасения репутации, говорили они, это смыть позор и продемонстрировать всем, что страусы — это не половые тряпки и лучше с ними не связываться.

Их выбор пал на наших добрых друзей аистов. Ведь они такие же длинноногие и длинношеие, как и мы. И, можно надеяться, что парочка страусенков, оказавшихся в их гнезде, не вызовет у них подозрений, объясняли они.

— Но какой в этом смысл? — не унималась я. — Если не считать мести, что само по себе глупо и примитивно. Мы и сами можем прекрасно вскормить собственных птенцов.

— То же самое могли бы делать и кукушки, но почему-то не делают, — ответил мне Недомерок.

— И вообще, — гнусно разыгрывал из себя святую невинность Пишта Потемко, на самом же деле готовя мне западню, в которую я и попалась, — должен признаться, что ты меня изумляешь. Именно ты, которая так одержимо настаивала на том, что страусы должны научиться летать, теперь возражаешь, — сказал он с глумливой усмешкой. И мне стало дурно от мысли, что я дышу воздухом, который этот тип только что пропустил сквозь свои, без сомнения омерзительные, легкие.

— Не научиться, — поправила я его, — а вспомнить, как это делается. Можно подумать, что я пытаюсь учить страусов дайвингу, верхолазанию или шелкоткачеству. Летать — это совсем другое. Когда-то мы это умели, и это ничуть не противоречит нашей природе, в отличие, скажем, от разведения шелкопрядов. Поэтому мне непонятно, при чем здесь аисты. Ты говоришь, я тебя изумляю — интересно, чем? Почему я должна поддерживать это свинство?

— Я тоже не понимаю тебя, ведь ежели план наш удастся, то вместе с птенцами аистов этот страусенок сможет научиться летать. Уж если кто-то из нас и взлетит, то именно этот малец!

Я просто оторопела. Ситуация с этой единственной точки зрения (для меня как раз самой важной) действительно выглядела заманчивой. Однако. Однако можно ли (а если можно, то позволительно ли) добиваться прекрасных целей с помощью гнусных дел? Мне было не по себе.

— Тогда уж лучше давайте договоримся с аистами. Попросим их воспитать одного-двух из наших птенцов. А мы будем помогать им в добыче корма, — предложила я.

Но меня больше никто не слушал. На пятачке перед нашими клетками Потемко, словно в угаре, пустился в победный пляс, а его группа, "биг-бенд Потемко", при этом орала:

Страусы — вперед!
Оле-оле-оле!

Под эту идиотскую речевку они скакали, оглядываясь на меня с издевательским ржанием.

Эта компания, Латька, Лопух, Отважный и Недомерок, почти не упоминалась выше, и это не случайно, потому что они — четверо невидимок. Бывают такие личности, совершенно невзрачные и незаметные. Однажды ученые, ради эксперимента, посадили перед началом спектакля одного такого на сцену, и на протяжении всего действия ни актеры, ни зрители не обратили на него внимания. Из таких вот типов и получаются супершпионы. (Хотя, думаю, контрразведчики это знают и сразу же замечают таких незаметных.)

Как бы то ни было, эти четверо были лучшими учениками П. П. по умению растворяться, уподобляться, сливаться с пейзажем. Но теперь они были крикливы и агрессивны — наверное, чтобы не выделяться среди окружающих.

Полюбоваться танцами страусов многие приезжают даже из дальних краев. Все приходят в восторг от наших прелестных или, как говорят, грациозных па. Привставая на цыпочки, мы словно исполняем какой-то изящный балетный номер. Так обычно о нас говорят, и это уже стало трюизмом.

Кстати, на самом деле, когда мы танцуем, нами движет словно бы ностальгия по былому счастливому знанию, неведомая энергия, которая пробивается из давно погребенных времен через наши движения, как поднимается на поверхность вода по таинственным трещинам остывающего вулкана. Люди называют ее минеральной.

Но любоваться прославленной на весь мир хореографией в эту минуту у меня не было никакого желания.

К тому же коронным номером этой программы был танец свинопаса в исполнении Пишты Потемко. Ему бурно аплодировали, и никто, кажется, не заметил, что два или три раза, выбрасывая в сторону ноги, он нарочно бил меня по лодыжке. Но я даже не вскрикивала, молча глотая слезы.

А в довершение всего откуда-то появился крот Игэлае, который, дабы продемонстрировать свою учтивость, спросил у меня:

— Как дела, Лимпопо? Как растет Поскребчик? Все так же ловко летает?

Выходит, что под землей слухи распространяются медленней.

Взгляд, который я бросила на крота, был, наверное, страшным, потому что он тут же убрался.

101. *Туземцы*

Туземцы — наши друзья. Вооруженные луками, стрелами, копьями, они бесшумно скользят по саванне, на лицах — татуировки, в зубах — ярко-красные розы. Когда страусы уже спят, они бесшумно подкрадываются к ним — слышно только биение пульса — и вкладывают в клюв самой красивой барышни-страусихи розу.

Вся эта ферма в венгерской степи была не более чем дурным сном, думает, просыпаясь, юная страусиха.

102. *Ужин с аистами. Ответное приглашение*

Жутк. кошм. выж. как лим. трен. Иност. лег. и пуст. рай земн. по ср. с этим. Кр. пот, плак. вч. цел. д. и веч.

В соответствии с планом Потемко пригласили на ужин аистов. Мы были уверены, что рано или поздно от них последует ответное приглашение. Мы выставили отборную молодежь. Весь вечер мы как могли привечали гостей, холили-нежили — я не холила, но мы — да, — и случилось все в точности, как задумал Потемко. Прощаясь, старейшина аистов с торжественной миной пригласил нас в гости на следующую субботу. Судьбе же было угодно распорядиться так, что именно в ту субботу ожидалось, что Бойси снесет яйцо.

Я чувствовала, к. нарастает во мне беспокойство.

— Вы не видали в последнее время этого типа в двубортном пальто из драпа? — поинтересовались, прощаясь, аисты. — Когда мы вернулись, то от радости забыли ему сообщить, что передали его слова.

— Какие такие слова?

— Он просил нас перед отлетом, что, если на юге мы повстречаем странников, сказать им, что нация в беде и что рассыпался, как в поле сноп, наш народ.

— И что?

— Мы с ними встретились и все в точности передали.

103. *Загадка мертвых гусаров*

Разрешилась загадка мертвых гусаров. Во всяком случае, появилось естественно-научное объяснение сего феномена.

Весенний разлив через заброшенные штольни затопил бывшую соляную шахту, на дне которой спали вечным сном несколько офицеров-гонведов давно подавленного освободительного движения — спали целыми и невредимыми уже более сотни лет благодаря кропотливой и неутомимой работе соли. Возможно, они спрятались там смертельно раненные или кто-то захоронил их там, а может быть, эти тела туда просто сбросили из дружеских или враждебных чувств. И вот вода подняла их из соляной могилы, понесла, поднимаясь, по штольням и, вырвавшись на поверхность, поставила трех поручиков у самого входа. Пусть глянут еще разок на вольное небо Господне.

Менты же подумали, что под землей начался мятеж.

А может, оно так и есть.

104. Ш*ахматный турнир*

Команду охранников представлял Очкарик, а его соперником был Пети Аптекарь. Турнир из восьми партий проходил на скамье перед караульней.

Охранники, толпясь за спиной Очкарика, орали ему, как ходить.

— Что здесь происходит? — спросила я Максико, который отирался поблизости.

— Играют в шахматы.

— Что, все сразу?

— Они так условились, что Петике будет играть один, а они — командой.

— Это как? Они ходят по очереди?

— Да нет. Договорились играть по демократическим правилам.

— Все против одного?

— Демократия — это когда правы те, кого больше. Чем больше людей говорит, что правильным будет такой-то ход, тем больше вероятность, что он окажется правильным.

— Что-то я не пойму.

— Говорю же, чем больше народу кричит, как ходить, тем правильней ход.

— Шах! — объявил тут Петике.

— d4-d5, — заорали Очкарику сразу несколько голосов, и он потянулся уже за фигурой.

— Слон-b3! — настаивали другие.

Очкарик стал считать голоса, но тут завопил Усатый:

— Ладья бьет на f7!

– D5, b3, f7, – кричали наперебой охранники, а еще в этой какофонии прозвучало: – Ферзем на b2!

Очкарик стал снова считать.

– Значит, так, d5-4 голоса, слон b3-4 голоса...

Усатый понял, что он в меньшинстве.

– Тогда не ладьей бьем на f7. А лучше конем! Точнее, не так. Ферзь b1! Посмотрим, чем этот умник ответит.

– Точно! Лучше ферзь b1, чем d5! – поддержал его Лаца Зашибленный.

Очкарик вынужден был констатировать, что d5, потеряв один голос, больше не наилучший ход. Таким образом, лучшим вариантом становится слон b3.

– Не, низзя! – захрипел опять Лаца. – Если не ферзь b1, то лучше d5.

Пять голосов.

– d5? Порядок, – сказал Очкарик. – d5!

– Мат, – сказал Петике.

– Что, что, что-о-о?! – завопили охранники. – Это как так вышло?

– Восьмилетнему сопляку продуть!.. Ну позор!

– Говорил же вам, что надо ферзем ходить!

– Идиот!

– Это Очкарик во всем виноват! – побагровел Дубина, и рожа его приобрела нецензурное выражение.

– Он играть не умеет. Придурок.

– Теперь сяду я. Вы все болваны. Если не пустите, я с вами водиться не буду!

– Ладьей надо было.

– Так я говорил...

– Говорил, но тебя не хватало.

– Очень даже хватало.

– Не знаете вы, что такое есть демократия.

– Я знаю.

– Я тоже знаю.

– Но я знаю лучше.

– Демократия – это когда другой может оказаться правым.

– Ну и что – оказался?

– Очкарик во всем виноват.

– Он опять продует.

– Очкарика надо менять. Он не сечет.

– Ни уха ни рыла не понимает. Давайте другого выберем.

Поскольку больше всех глотку драл Дубина, создатель розы с запахом потных ног, выбор пал на него.

Я пробежала несколько кругов. Много раз разбегалась, но, увы, как и прежде, взлететь так и не получилось.

Когда я вернулась к караульному помещению, то застала умопомрачительную картину: одни охранники рвут рыжую бороду Дубины, другие пинают его по заднице, а Пики, бегая вокруг них, визгливо поет: I fuck you! I fuck you!

— Что за цирк? — спрашиваю я у Максико. — Ведь они же играли все вместе.

— Играли-то они вместе, но считают, что проиграл Дубина.

— Мне это непонятно.

И я ушла. А через полтора часа, которые я потратила на тренировку, наконец объявился Максико.

— Что, турнир кончился? — спросила я.

— Только что.

— Кто выиграл?

— Петике.

— И с каким счетом?

— Восемь — ноль.

105. У *аистов*. *Трюк с лестницей. Очередная жертва*

В следующую субботу аисты устроили нам грандиозное угощение. Аисты ничего не подозревали, хотя их должно было удивить, зачем это мы притащили на ужин лестницу. Но их не удивило даже то, что двое из почетных гостей неожиданно отлучились. Пишта Потемко приставил лестницу к трубе, Бойси скользнула по ней наверх. Найти в темноте гнездо аистов большого труда не составило, и вскоре она была уже на земле.

— Все в порядке, — шепнула Бойси, и оба тихонько присоединились к честной компании. Правда, Бойси старалась не поднимать лица, которое было красное, как вареная свекла.

Зато Пики так и крутилась весь вечер вокруг моего Максико. Подсовывала ему кусочки полакомей, зачарованно слушала его речи, беспрерывно жеманничала и, вообще, всячески старалась привлечь к себе его внимание. К примеру, три раза повторила ему свое коронное: "How many sisters do you have, sir?"

Уже на той чумовой вечеринке с сатирами я заметила, как вызывающе, если не сказать с откровенным нахальством, ведет себя эта Пики в присутствии Максико. Да и с тех пор при малейшей возможности она вертится вокруг него с бесстыдством уличной девки.

Похоже, она не способна взглянуть в глаза той печальной правде, что у Максико уже есть избранница, и сердце его все-

цело, бесповоротно и со всею возможной серьезностью принадлежит другой.

Опять новая жертва. На этот раз добычей чудовища стала белокурая восемнадцатилетняя девушка. Направляясь домой в город Ф., она ехала через лес на мопеде (или на моторино, как говорят в итальянских фильмах), когда неподалеку от дома, где лежит мнимоумерший поп, на нее напали и высосали у нее, предположительно с помощью шприца или вакуумного флакона, всю кровь, до последней капельки.

106. *Через два дня.* Позор

Скандал, каких еще свет не видывал. Одному богу известно, как аисты догадались, что одно из яиц — чужое. Причем это одно оказалось нашим — не знаю, как догадались, ведь страусиные яйца такие же замечательные, красивые и овальные, как и все другие — например, яйца тех же аистов.

К их чести надо сказать, что подброшенное яйцо они не разбили. Уж, казалось бы, чего проще: вытолкнуть его из гнезда — а гнездо это расположено на вершине высоченной трубы, — да и все. Нет, они как-то умудрились осторожно спустить его вниз, потом откатили его к нашей ферме и оставили у забора, приложив к нему следующее письмо, над которым затем потешался весь лес:

АИСТЫ НЕ ПРИНОСЯТ ДЕТЕЙ СТРАУСАМ,
но возвращают принесенные им страусиные яйца.

Говорят, что даже кукушки несколько дней, хихикая, летали к забору.

108. *Сенсационная новость* [*фрагмент главы*]

...по ферме, словно лесной пожар, заставив забыть обо всем на свете. Кто принес ее, неизвестно, но уже через четверть часа новость взбудоражила всю ферму, включая даже депрессивное старшее поколение.

И хотя, повторяю, никто не знал, кто принес этот слух, среди нас не было никого, кто бы им не заинтересовался, не обсуждал его и не спорил о нем.

А слух был такой: якобы в скором времени страусиная ферма будет закрыта, а нас распустят на все четыре стороны — иди куда хочешь и делай что тебе вздумается.

По радио в это время передавали Шумана — концерт для виолончели. Ми ля соль ми! Ми до ре ми!

Играл какой-то Мстислав.

109. *Крокодилы [позднейшая вставка]*

Пики, видя, что кукушечьи трюки уже позволительны и для нас, тоже решила этим воспользоваться, полагая, что дурное дело — не хитрое. Конечно, в отличие от Сквалыги, ее подвигла на это не месть, а банальная лень — ну кому охота возиться с подрастающими детенышами! На это дело она подбила и Зузу, и вот как-то вечером они отправились в зоопарк в поисках птиц, готовящихся к откладке яиц.

И действительно, в одном месте они обнаружили в песке кладку яиц, подсунули туда свои и растворились в ночной темноте. Только позднее они узнали, что на этом песчаном участке выводили свое потомство крокодилы.

Другие же говорят, что духовным (а может, не только духовным) отцом этого предприятия и на этот раз был Сквалыга, и Пики с подругой оказались в зоопарке совсем не случайно. По этой версии, сия еще более безответственная авантюра, сия леденящая кровь баллада о подмененных младенцах родилась в голове Сквалыги, который тем самым хотел поправить авторитет, подмоченный ужином с аистами. А расчет был двойной.

Ведь крокодилы, как общеизвестно, тоже вылупляются из яиц. И как ни трудно представить себе крокодила-наседку, мастер мимикрии уговорил Пики и Зузу подложить свои яйца в крокодилову кладку.

Таким образом, по теории Пишты, у них появится страшная и влиятельная родня. Ведь их птенцы, вылупившись вместе с земноводными малышами, будут расти бок о бок с ними, станут их братьями. И всю жизнь потом будут под покровительством своих гигантских сородичей, так говорил Сквалыга.

Вот почему — если верить рассказам, — прокравшись ночью в зоопарк, мои подруги дождались, пока крокодилы уснут, и совершенно осознанно подложили к их яйцам свои. Но, услышав кряхтенье приближающейся крокодилихи, сломя голову бросились наутек с места преступления.

Как бы там ни было, сами они никогда этим случаем не бахвалятся, а что касается их детенышей, то никто их не видел, никто о них не слыхал — неизвестно даже, вылупились ли они вообще. Представляю себе изумление крокодилов, когда те увидели, что за потомки выползают из их яиц.

110. *Похороны*

Убитая девушка лежала в открытом гробу в белом платье. Последнего было почти не видно, так как гроб утопал в красных ягодах, покрывавших покойницу — невесту одного очень бедного садовника. От безмерного горя, все-все, чем отблагодарил его за труды его маленький садик, весь урожай клубники-малины он высыпал в гроб, решив вместе с невестой похоронить и свои предпринимательские мечты. И даже мопед девушки был опущен в могилу вместе с ее гробом.

Малолюдная траурная процессия во главе с садовником, который пошатываясь, толкал вперед моторино, прошла по проселку мимо нашей фермы, и минуту спустя только жужжащее облако диких пчел и ос указывало, где она находится.

Невозможно было отделаться от мысли, что клубника-малина-брусника-смородина-земляника уже пропитали своим красным соком белое платье девушки. Но даже если и так, а иначе и быть не могло, никто этого не замечал.

111. *Надгробие*

Могила убитой девушки покрыта венками, сплетенными из ветвей, усеянных красными ягодами дикой черешни и вишни. На кресте выбито всего два слова: "Мы встретимся".

Я простояла у могилы до темноты. В изгибе месяца светила яркая звездочка, словно блистающий, как алмаз, единственный глаз выросшего до Луны темнокожего раба-стражника, как сказал бы персидский поэт.

Где-то вдали послышался чей-то голос. Я узнала в нем резкий, клекочущий, временами вибрирующий тенор альбатроса:

Я СМОТРЕЛ, КАК ГОРЕЛ ТАДЖ-МАХАЛ.
КТО НА НЕМ НАПИСАЛ "TOUCH MY HEART"?
А В САДУ МОЕМ ГРУСТНЫЙ ТАДЖИК
НАД МОГИЛОЙ МОТЫГОЙ МАХАЛ.

Тренировки мы бросили — все равно ведь скоро освободимся. После этого первым делом я постараюсь стереть все воспоминания об этом кошмаре, говорит Володя. Я же думаю, что было бы жаль забыть эти невыносимые годы. Возможно, без этого опыта мы будем уже не мы, рассуждала я про себя. (Однако хотим ли мы этого? Чтобы мы были мы?)

Кстати, вчера стали известны уже и такие подробности, что нас не только освободят, но каждого доставят на родину

или куда он сам пожелает. Я хотела бы жить на Мадагаскаре. А Тарзан заявил, что так просто они от нас не отделаются, потому что за все страдания нам положены какие-то компенсации-репарации. А сегодня до нас дошел слух уж совсем удивительный — в день нашего освобождения посреди фермы нам якобы поставят памятник, который будет изображать многострадального страуса в момент обретения им свободы.

112. Бывлые грехи

Память — это кафельный пруд,
в нем ручные рыбки живут,
а еще в глубине что-то светится на дне... —

так напевала я про себя на поляне, поджидая черную сову Нуар.

— Ты слышала? Нас скоро освободят! — поделилась я новостью, едва она появилась на клене.

Нуар почему-то заржала.

— Ты думаешь, будет не так? — пыталась я как-то интерпретировать ее веселье, кот. вызвала у нее эта благоприятная новость.

Она промолчала, отирая слезы.

Но потом все же заговорила:

— Запомни, пожалуйста, Лимпопо, что нельзя уповать на то, что кто-то подарит тебе свободу. Свободу можно добыть только самому.

— Говорят, кстати, что каждого отвезут, кто куда пожелает...

Тут сова просто покатилась со смеху. И я решила сменить тему.

— Ты случайно не слышала, за какие грехи мы мытаримся на этой ферме?

Этот вопрос я задавала ей не впервые, но она отмалчивалась. Вот и вчера только головой покачала.

Но на этот раз я проявила настойчивость:

— Ну а все-таки?.. Может, о чем догадываешься?

Она отвечала нехотя.

— Слышала я один апокриф, то есть историю недостоверную... о том, что одному особому и с тех пор даже не упоминаемому роду ангелов было поручено дуть в шофары, как только заметят, что вокруг рая ошиваются посторонние.

— Дуть в шоферы?

— Шофар — это духовой инструмент такой. Господь сам изготавливал их из рогов самых крупных баранов. Шофар издавал мистический страшный звук. Говорят, что от этого звука обрушились стены Иерихона. Был в древности такой город, великий и неприступный. А еще о звуке шофара следует знать, что он отгоняет дьявола от трона Всевышнего. И даже ангела смерти отпугивает. Во всяком случае, если шофар настоящий, собственноручно Создателем изготовленный.

— И что же произошло?

— Не знаю. Известно только, что на небесах случилась какая-то заварушка, и с тех пор смерть и здесь, на земле, косит живых почем зря. А из старых шофаров не осталось ни одного, только копии, сделанные людьми, но на них оригинальную мелодию не исполнишь.

— И сегодня еще существуют такие... шорафы?

— В шофар трубят только в синагогах — обычно на Новый год еврейский. А еще он каким-то образом связан с отлучением от общины. Это все, что я знаю.

— Скажи, Нуар, а тебе приходилось когда-нибудь слышать шофар — хотя бы ненастоящий, которым сегодня пользуются?

— Он издает три звука. Один называют *текиа*. Его описывают, как призывный, пробуждающий, как сигнал тревоги.

— Понятно. Это текиа.

— Есть еще *шеварим*, что-то вроде возгласа изумления.

— А третий?

— *Теруа*. Напоминает рыдания.

— А ты не думаешь, что, возможно, мы...

— Я ничего не думаю. И ни о чем таком, о чем ты сейчас подумала, не знаю ни я, ни другие.

— Кто мы такие, Нуар? О чем нам должны напоминать наши крылья? Ведь если они остались, значит, когда-то они нам понадобятся? Иначе какой в них смысл? Сколько нам еще здесь мытариться? Как ты думаешь?

— Не знаю, Лимпопо. Отправляйся с миром домой, хватит себя изводить.

Я ушла и, как обычно на рассвете, долго-долго смотрела на золотой диск солнца.

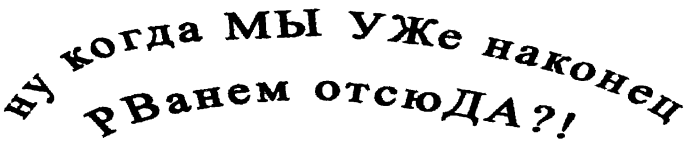
Короткая запись

Ск. освоб. Пдгтвк. Сб. вещ. прощ. плны. спры. кто куда. Альбтр. в Перс. Лимп. на Мадагаск. Я тоже.

113. Южная Звезда, Дада. Каких размеров Бог

Однажды в пятницу, что пришлась в тот год на двадцать девятое февраля, в полнолуние, Дада с величайшим в мире алмазом в зобу, который весь так и искрился у него внутри, набрел в верхнем течении Лимпопо на Источник тайн.

С тех пор как он проглотил бриллиант, некоторые называли его Бриллиантоедом, другие же, по названию проглоченного, — Южной Звездой. Он стал надеждой всех страусов на земле. А самые верные из его сторонников назвали себя дадаистами.



Размышляя о смысле множественного числа, я гуляла по лесу около парашютной вышки за стрельбищем, когда вдруг услыхала голос крота Игэлае.

— Понят ю, — сказал он, — сперва взять пониже. Понятно.

— Тогда начнем, — просвиристел тоненький, но уверенный голосок. — Вот послушай.

И кузнечик Сабо, этот лысеющий, неказистого вида виртуоз, исполнил какую-то то ли арию, то ли каденцию. Он словно снимал паутинку с ночной звезды. (Петике это мое сравнение наверняка понравилось бы.) Несомненно, то была музыка сфер, неземная, я бы сказала, музыка, хотя это суждение и не отличается оригинальностью: очевидно, любому, кто слушает песни кузнечиков, приходит на ум разговор звезд. Он пел о рассвете и ложном рассвете, который обольщает смертных и у персов зовется "субх казиб", потому что он опережает рассвет настоящий — "субх садик".

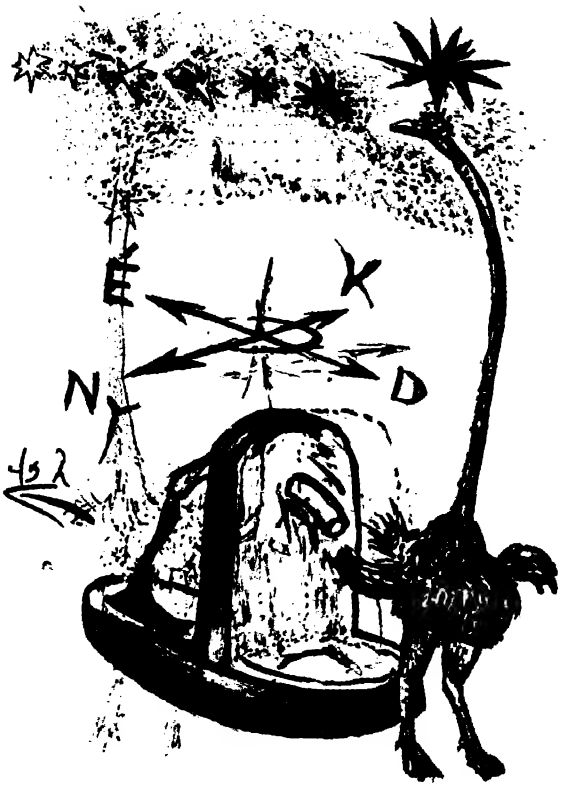
Очередь была за кротом.

Из норы донеслись ужасающий скрип, скрежет, хрипы. Потом Игэлае высунул мордочку и нахально спросил:

— Ну как, здорово?

— А зачем Богу верующие, — спросила я вчера у совы, — если он настолько громадней нас?

— Он не громадный, а бесконечный. У бесконечности нет размеров.



"Из колодца время течет на север, но один его кран направлен на юг"

— То есть Бог — это что-то бесформенное. Понятно.

— Скажем так: он искал для себя очертания. И думал, что найдет их в душе человека.

— То есть Бог — это силуэт?

— Поговорим об этом в другой раз, Лимпопо.

— А правда, что его имя состоит из тридцати шести звуков, только никто не знает, в каком порядке их надо произносить?

— Не знают даже самих этих звуков.

— А человек? Он какую при этом играет роль? Если не считать, что Бог иногда отдыхает в нем, как пассажиры в зале ожидания на станции Кочард, перед пересадкой. В чем цель человека? Какие им движут амбиции?

— Человек, если разобраться, это взломщик чужого софта.

— То есть?..

— То есть хакер, который только о том и думает, как бы взломать код Господа и проникнуть в Программу.

— И у него получится?

— Проникнуть? Да никогда.

И, подумав, добавила:

— Но испортить ее — это, скорее всего, получится.

114. Куда *течет время. Эпитафия*

Иногда, когда наступает полнолуние, и пятница, и двадцать девятое февраля, Южная Звезда вновь отправляется к Источнику тайн и пьет из него, отчего начинает расти вширь и ввысь. А когда голова его уже упирается в

звезды, он взмахивает крылами и взлетает. Он летит по просторам Вселенной вдоль течения времени — к его истоку, пока не достигнет начала времен.

А достигнув начала, он осматривает артезианский колодец, из которого вытекает время.

Из колодца время течет на север, но один его кран направлен на юг. Только он перекрыт. И тогда Южная Звезда закрывает северный кран и пускает время через другой. С этого момента время течет на юг, из-под земли восстают умершие, как те трое поручиков, и в мире начинают происходить те же события, только в обратном порядке.

Так и мы, страусы, вернемся в Африку, откуда мы родом.

На могильный крест девушки со словами "Мы встретимся" кто-то прикрепил листок со следующими стихами:

ВЫ, КОНЕЧНО, ВСТРЕТИТЕСЬ – В УРОЧНЫЙ ЧАС,
НО ПРЕЖДЕ ОН СТАНЦУЕТ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ,
КОГДА В ЕГО ЛАЧУГЕ ПОГАСНЕТ СВЕТ
И ЗАПОЕТ СОБАКА, КОТОРОЙ НЕТ.

— А что такое сонет? — огорошил меня вопросом Максико.

Сонет? Это любовное стихотворение с неожиданной развязкой в конце, примерно так я ему ответила, потому что почти ничего не помнила про сонет.

115. *Сыскари. Новое покушение. Смерть мага*

С мордами, как у питбулей, они уже рыщут по лесу, перебегая от ствола к стволу и размахивая револьверами. Это сыскари, или попросту — следователи. Рожи у них страшны, кожа шелушится, они жуют жвачку и говорят такие слова, что человека от них тошнит. Человека?! Это я так, просто оговорилась.

Главное обвинение против князя связано с тем, что в надписи "Наш лидер" под огромным портретом Великого Кондукатора, что на центральной площади, букву "л" кто-то переправил на "п", да еще заменил какую-то одну букву. Кроме того, князя обвиняют в том, что, в сговоре с углежогами и сатирами, он готовит мятеж и что это именно он пригласил сюда мертвых гонведов, а также индейцев. Короче, вменяют ему целый букет — подстрекательство, злостное тунеядство, валютные махинации и нарушение тишины и покоя граждан.

Кстати, о следователях. Под ногами убийцы-маньяка, похоже, горит земля, поэтому он на днях, обмазав себя с голо-

вы до ног люминесцентной краской, забрался на огромный платан, что у входа на городскую аллею со стороны улицы Конца Света. (Улица Конца Света означает примерно то же, что Finis Mundi — хотя, я цитирую Петике, не совсем ясно, идет ли речь в данном случае о "соф хаоламе" или о "кце хаоламе", иными словами — надо ли понимать этот конец в пространстве или во времени, или, может быть, в виде катаклизма.) Оттуда он бросился прямо на куртизанку Марфу из "Веселой распутицы", которая охотилась на клиентов под тем самым платаном, где сидел в засаде люминесцентный садист. Но Марфа умудрилась вспрыгнуть на подножку проезжающего грузовика, с которой ее, уже огласившую воплями полгорода, удалось стащить только на восьмом перекрестке. Она была в шоке, однако наутро дала вполне достоверный словесный портрет злоумышленника.

Да, все в мире так перемешано, святое и грешное, прекрасное и кошмарное, восхитительное и мерзкое — и наверно, как знать, так оно и останется, пока не будет построена великая стена.

А пока остается что есть. Остается то, что мы знаем из стихотворения Сун Юя "По южную сторону Великой стены":

> Всадники бьются — там, за Великой стеной.
> Падает снег на падающих коней.

— А, может быть, рай — это все же какое-то место? — огорошила я сегодня своим вопросом сову. Сон слетел с ее глаз.

— С чего ты взяла?

— А по радио пели:

> ...а в раю свежи, румяны
> продают с утра тюльпаны...

И из них сплетают букеты королю Стефану. Выходит, в раю есть рынок? И чем же на нем торгуют?

— Что за пошлое любопытство!

— А вдруг рай захватили или держат его в осаде, как крепость, которая ждет и надеется, что кто-то придет на выручку...

— Гм.

— Из чего бы ни состояла душа, но она ведь окружена материей? Она ведь, как пленница, и, наверное, хочет освободиться из плена?

Сова тут задумалась, а потом ответила коротко:

— Наверное.

Закатную тишину нарушила песнь альбатроса Альби:

Синее море, белый пароход,
в плен мое сердце захватил морфлот.

Перед тем как заснуть я представила себе небесные проспекты, которые сбегаются к главной площади рая, а по сторонам этой площади стоят два собора — храм во славу Десяти Заповедей и церковь Младенца Иисуса.

Несколько дней назад, так никому и не передав свои знания, умер маг Янош, вернувшийся из Апулии. Не нашел себе подходящего (и даже неподходящего не нашел) преемника.

Любопытно, что на следующий день гривы всех лошадей в деревне были так перепутаны, что народ чесал тыквы и ругался по матушке.

116. Н*изачтонескажу и* Н*икогданекончится*

Перелетные птицы рассказывают.

В Финляндии, на горе Вечности, что за Полярным кругом, живут две птицы. Одна знает все, включая смысл жизни, и зовут ее Низачтонескажу. А другая, в красном жилете, занимается тем, что сторожит время, и звать ее — Никогданекончится.

— А ты знаешь, что такое любовь? — спрашивает Никогданекончится.

— Знаю, — отвечает ей Низачтонескажу.

— Любовь — это когда одно существо постоянно желает совместиться с другим во времени и пространстве.

— Ты так думаешь?

— Сколько мне еще сторожить здесь? — решает сменить тему Никогданекончится. — Ты случайно не знаешь?

— Я-то знаю, — говорит всезнайка.

— Так скажи.

— Это тайна.

— Тогда давай поменяемся. Ты будешь сторожить время, а я буду охранять тайну.

— Ну и дура ты, птица, — ответила ей Низачтонескажу.

117. Г*игантский рассветный глухарь*

О Трансильвании я знаю немного, хотя давно хочу разобраться, что это за такая провинция под небом Господним. Петике сдержал свое обещание и все, что узнал, описал для

меня в излюбленном своем стиле сецессион. Так что теперь, несмотря на кажущуюся архаичность чувств автора, нам, возможно, и правда откроется некая — как бы это сказать? — энигма, тайна, загадка нашего леса, имеющая отношение в конечном счете и к Трансильвании.

Вот письмо Петике, которое я привожу целиком:

Любезная Лимпопо!

Лунными апрельскими ночами, перед самой зарею, в ветвях лиственницы можно услышать голос, наполняющий души смертных сладостью, роковыми предчувствиями и надрывающими сердце тайнами.

Этой пьянящей песней любви, по некоторым данным, приветствует восход солнца последний из представителей вида трансильванских рассветных глухарей (глухарь трансильванус, проверить по Брему).

Дело в том, что в далекой Трансильвании, в бассейне реки Хомород, жил когда-то необычный вид птиц – гигантский рассветный глухарь с черным блестящим оперением и багряно-красным хохолком. Птицы эти облюбовали широкие, поросшие кустарниками поляны и мало-помалу разучились летать – настолько, что в лучшем случае и лишь изредка использовали крылья, для того чтобы спланировать. И большую часть свой фантастической жизни проводили в зарослях.

Гигантский трансильванский глухарь относился к отряду (семейству? уточнить в Бреме) тетеревиных и знаменит был тем, что в брачный период ухаживающие (токующие) самцы теряли чувство реальности и ничего не видели вокруг себя. Этим пользовались некоторые охотники, считающие правильным отстреливать глухарей в период их токования и презирающие тех горе-охотников, которые полагают возможным охотиться на этих загадочных птиц и в другие месяцы, то есть в периоды, когда глухари совершенно нормально воспринимают происходящее вокруг них. (С таким же успехом они могли бы отстреливать и спящих зимой медведей, презирая тех более щепетильных своих товарищей, которые не гнушаются сразиться один на один с бодрствующим зверем.)

За все, что изложено мною ниже, я не могу ручаться, поскольку сведения эти почерпнул всего лишь из одного – и не самого надежного – источника. А именно, что, возможно, в судьбе населявших когда-то Внутреннюю Трансильванию глухарей роковую роль сыграли вовсе не пули жестокосердых охотников. Случилось нечто гораздо более поразительное.

Говорят, что, пока глухари, пребывая в любовном экстазе, ничего не видя и не слыша, приветствовали восходящее солнце и пели

любовные гимны, петушки из другого семейства на цыпочках уводили всех курочек подальше от токовища, приманивая их веселым свистом. И когда глухари-гиганты, оттоковав, приходили в себя, вокруг них были только незрелые, хотя и поглядывающие призывно, цыпочки да вихляющие высохшими бедрами дряхлые старухи. Когда же борьба между глухарями наконец завершилась и веселые соседи увели у гигантов последнюю курочку, то самый главный их миннезингер, победитель турниров, автор самых прекрасных и самых мистических гимнов солнцу, обладатель самого мужественного в окрестностях Хомората голоса, замертво упал с лиственницы, а призрак его поселился в нашем лесу неподалеку от страусиной фермы.

Как считает знаменитый охотник граф Жигмонд Сечени, с которым я совершенно согласен, если записать пение глухаря, его тоскующую и призывную песнь, этот гимн жизни и вместе с тем плач достойно смотрящего в лицо смерти самца, эту переходящую в реквием колыбельную Солнцу, то мы увидим, что каждая строфа токования состоит из 4 (четырех) частей, а именно: а) клекот, б) трель, в) щелчки и г) вжиканье.

Подробнее:

а) плёп-плёп-плёп или дёгл-дгл-дгл... – звук, напоминающий падающие в бочку крупные дождевые капли;

б) дробный звук, описанный выше, но все ускоряющийся и переходящий в мистического звучания трель;

в) далее следует серия возмущенных щелчков, отдающих стеклянным и в то же время глухим звоном, напоминающим одновременное открывание множества бутылок: чпок, чпок, чпок!

г) нечто, напоминающее звук, когда где-то вдали точат серп: вжик-вжик-вжик.

Выше я попытался тебе описать неописуемый (без Фрейда тут не обойтись) смысл глухариного пения. И если я правильно понимаю, песнь эта обращена к великим невидимым сияющим бестелесным ангелам, которых певцы умоляют принять их к себе, уберечь от забвения и разрешить поселиться там, куда их влечет душа, и места эти больше не покидать. Мне кажется, что гортанные, захлебывающиеся арии глухаря точнее всего можно передать с помощью слов Ламартина, которые он написал на острове, где в лучах восходящего солнца шуршит в ветвях сосен ветер:

Я, облит радостью, любовью пламенею
И, чтоб природу знать, живой сливаюсь с нею;
Я душу новую, я чувств хочу других
Для новой прелести восторгов неземных!

Но это всего лишь короткий отрывок, образчик – я думаю, ты понимаешь все сложности перевода сначала с языка глухарей на язык Фрейда, затем на страусиный[1].

С остальным я пока не справился.

С любовью приветствующий тебя

Пети.

P. S. Граф Жигмонд Сечени, слушая на рассвете весеннее токование глухарей, вспоминает слова другого поэта:

Wenn am weiten Firmamente noch die Sterne nicht zerronnen,
Aber schon am Horizonte silberhell der Tag begonnen,
Singt der Troubadour des Waldes; singt geheimnisvoll und leise —
Und er singt doch nur die alte, wundersame Frühlingsweise
Von der Siegerin, der Liebe...

С приветом, П.

— Скажи, Петике, а что означает этот немецкий текст? — спросила я, прочитав письмо. Он перевел мне его с листа, и поскольку перевод этот мы не записали — он из скромности, а я из лености, — помню я его только приблизительно:

И лишь тонкою полоской тьма по краю серебрится,
Песнь лесного трубадура слушай молча в сонной чаще —
О весне победоносной, о весне животворящей.
О любви поет он вечной...

118. Новый текст манифеста. Книги

Революционный комитет переработал свой манифест. Вот новый текст:

Страусы и страусихи, точнее, страусихи и страусы, обитательницы и обитатели леса, зверюхи и звери!
Долой рабство! Да здравствует солидарность!
Долой зиму, холод и голод! Долой пневмонию, бури и бураганы!
Подпиши, размножь, передай другому!
Долой упырей! Долой бойню! Долой людей и людих!
Победа не за горами!
Долой фараонов с их пирамидами!
Построим в пустыне гигантские усыпальницы для себя!
От имени всех рабов и рабынь

Совет зверей, лесов и ферм.

1. А также далее на язык венгерский. (*Совместное прим. автора и издателя.*)

Пики, проходя мимо Максико, вечно цепляется к нему, говоря что-нибудь вроде: "О бойфренд! I am your girlfriend!"

Восьмиклинка по случаю распродажи какого-то выморочного имущества прикупил у старьевщика двадцать шесть килограммов книг. И свалил их в сарае рядом с караульней. В основном все какие-то комиксы да подшивки "Курантов Тольны" (что за Тольна[1] такая?), а кроме того, там еще "Молитвы ангелам на каждый день недели", "Капитал" Карла Маркса, 7-й том Собрания сочинений В. И. Ленина, несколько пособий по пчеловодству, брошюра "Все на борьбу с ДЦП", а также "Детство Ильича", "Заветы Ильича", "Светоч Ильича" и, наконец, "Смерть Ивана Ильича" графа Льва Толстого.

119. *Возвращение Бэтмена*

– Кто такой Бог? – опять спросила я вчера у Нуар под липой, на которой она обитает. По радио передавали концерт латиноамериканского женского ансамбля "Лас Лубурдинас".

– Бог – это тридцать птиц и зовут его, если не ошибаюсь, Симург. Есть такая легенда, где тридцать птиц преодолевают препятствия в поисках своего легендарного правителя Симурга. А в конце пути они узнают, что правитель и есть они сами... Не веришь – спроси у других. Да хоть у летучих мышей.

С Бэтменом, с тех пор как он вместе с дядюшкой-извращенцем вернулся с Сицилии, я не встречалась, но от Нуар мне известно, что там у них было множество неприятностей. Я видела его только мельком, недалеко от ликероводочного завода, когда с он кем-то разгоряченно спорил.

Нуар навела по совиной линии справки и узнала, что когда Бэтмен сел в Сиракузах на прибрежной скале и направил свой ультразвук на воду, то море поблизости закипело. Одному Богу известно, верно ли (или превратно) истолковали дельфины послание Бэтмена, но морды у них были такие злые и шипели они ему что-то такое, что он счел за лучшее смотать удочки, даже не попытавшись расшифровать точный смысл их шипения.

Сам Бэтмен об этом эпизоде помалкивает, но с семьей кое-чем поделился: испускаемые им ультразвуковые сигналы якобы были столь мощными, что радары НАТО посходили с ума, один бомбардировщик потерял управление и упал, а од-

1. Область в Центральной Венгрии на западном берегу Дуная.

Бэтмен сел в Сиракузах на прибрежную скалу

на подводная лодка чуть не затонула. Вот почему им пришлось, поскорее и не привлекая к себе внимания, возвращаться домой. Уж не знаю, что из этого правда, что нет.

А случайная встреча с ним произошла при таких обстоятельствах: в тот день на закате я медитировала на краю поляны. Неожиданно послышались чьи-то голоса, и на противоположной стороне я заметила Бэтмена. Он спорил о чем-то с высоким, в черном плаще, сухопарым мужчиной, который время от времени измученно отирал лоб призрачно-белым платком. И тогда только выяснилось, что голос у Бэтмена не только в ультразвуковом, но при желании и в слышимом диапазоне впечатляюще громкий. Он визжал собеседнику в черном:

— Ну за каким дьяволом тебе надо было еще и ксерокопировать их?! Да пропади ты пропадом ко всем чертям болотным!

Тут, заметив меня, они замолчали, поэтому, что ответил дядюшка, я не знаю.

Но думаю, это был именно дядюшка.

120. *Откуда мир взялся*

Мир вылупился из страусового яйца. Только яиц было не одно, а два.

Из другого вылупился второй мир. И ходы между двумя мирами были известны лишь страусам.

Иногда мы наведываемся к нашим сородичам, иногда они навещают нас.

Те, кто оттуда возвращаются, об увиденном говорить не хотят. И когда их расспрашивают, отвечают: "Этого не расскажешь. Описать это невозможно".

VOX POPULI

КОННАЯ ЛИМПОПО ЯВНО ПЕРЕСТОРАЛАСЬ
ТЕПЕРЬ ТО МЫ ЗНАЕМ ЧТО ОНА [слово неразборчиво]
ПУСТЬ САМА УЛЕТАЕТ ЕСЛИ СУМЕЕТ А МЫ ОСТАЕМСЯ
СДЕСЬ НАШЛА РО ДА ЗДРАСТВУЮТ СТРАУСЫ ДОЛОЙ
СКАЗКИ И ОБОЛВАННВАНИЕ ПРОВАЛИВ АЙ ЛИМПОПО

Нуар оказалась права.

Минуло уже две недели, в течение которых нас должны бьыли отпустить на волю, но ничего не произошло, и самое интересное, что никто из страусов на это не обратил внимания, никого это уже не волнует, и никто об этом не вспоминает.

Завтра снова начнем тренировки. Придется выкладываться, наверстывая упущенное.

— Пифта, да поди ф ты! — с безопасного расстояния дразнил шепелявого Злыдня Дубина.

— А что такое "вокс попули"? — спросила я у Нуар.

— Фокс попули? — уже туговатая на ухо, переспросила сова. — Народная лиса, я так понимаю.

121. Южная Звезда *и ядовитая змея*

Страус по имени Южная Звезда подружился однажды с ядовитой змеей. Змею затоптало стадо каффрских буйволов, спасавшихся от землетрясения. Он нашел ее, вылечил, накормил-напоил и отнес в безопасное место, подальше от угорелых буйволов.

Большинству ядовитых змей чувство благодарности неизвестно, и укусить руку дающего им ничего не стоит. Как, кстати, и людям. Мне рассказывали о человеке, которого чуть ли не затоптали его друзья и ученики, прямо как стадо буйволов, да вдобавок еще покусали, в точности, как змея.

Однако змея, которую подобрал Южная Звезда, как ни странно, в отличие, скажем, от вышеописанных людей, знала, что такое благодарность. Змея эта подружилась со страусом, и вместе они совершили не один замечательный подвиг. Обычно она путешествовала, обернувшись кольцом

“и задрал к небу все четыре одеревеневшие лапы”

вокруг шеи страуса, и была то ли очковой гремучей змеей, то ли гадюкой шумящей.

Однажды им повстречался лев или пустынный упырь. Дело происходило там, где саванна граничит с пустыней. Южная Звезда с обмотанной вокруг шеи змеей как раз подошел к границе, где резвились маленькие страусята.

Льву (или упырю — точно уже не помню) очень хотелось отведать свежей страусятинки, что издали было видно по его вороватой физиономии. Он подкрался к страусятам, и, когда Южная Звезда прикрыл их собой, зверь бросился на него, собираясь перекусить ему горло. Он явно не понимал, почему эта странная птица не бежит от него, а когда понял, то был уже мертв. Он умер в полете, и можно сказать, что прыжок его пережил его самого. Свалившись мешком на поросший травой песок, он перевернулся на спину и задрал к небу все четыре одеревеневшие лапы. Одеревенели они от змеиного яда. Или окостенели. Кровь застыла мгновенно — но это внутри, потому что снаружи ярко светило солнце.

122. Южная Звезда. Каменщики. Китайский сон

Так бывало неоднократно. Стоило любому, самому лютому зверю только потянуться к шее страуса, как его настигала мгновенная смерть.

Многие вообще не могли ничего понять, в лучшем случае обращали внимание на странное угрожающее шипение, слышимое, если они вдруг решались только приблизиться к

Южной Звезде. Так о страусе пошли слухи, что он шепелявит, и даже прозвание ему дали — Юшная Швешда.

Я стала расспрашивать сову, как так получилось, что в здании монастыря теперь находится заведение, такое далекое от его изначального назначения.

По мнению Нуар, монастырь этот строили двенадцать каменщиков-подмастерий, но все, что они строили днем, по ночам разрушалось, так что пришлось им замуровать в стену жену их мастера. Иначе не схватывался раствор. А дух женщины, после того как там поселились монахи, беспрерывно их искушал, заигрывал с ними, хихикал, пока наконец вся благочестивая братия не бежала оттуда куда глаза глядят.

Мне привиделся сон, будто я — китайский поэт и по велению императора над одним из источников были выбиты такие мои стихи:

С северной стороны
сердце мхом поросло.
Матушка кличет из толщи стены.

123. *Жизнь течет, продолжается*

На днях следователи снова допрашивали наших охранников, из взволнованных разговоров которых я узнала, что в 1861 году тогдашний князь Трансильвании — естественно, невидимка, как и все после Ференца Ракоци, включая и двух несчастных его сыновей, — словом, в 1861 году подпольный князь, который правил, по-видимому, под именем Серлира III, добыл где-то солнечный диск из чистого золота, украденный французскими солдатами в Мехико. И с тех пор этот дискос находится в княжеской сокровищнице, наряду с богатствами настоящих князей Батори, Заполяи, Апафи, Ракоци и подлинной короной мятежного Бочкаи[1], копию которой бережно хранят в Вене, и то, что это средней руки подделка, им и во сне не приснится.

Но следователей почему-то волнует именно солнечный диск.

Они и не догадываются, что мне этот диск хорошо, можно даже сказать, очень близко знаком.

1. Иштван Бочкаи (1557—1606) — венгерский феодал, руководитель антигабсбургского движения в Венгерском королевстве в 1604—1606 гг. Вынудил Габсбургов пойти на уступки — восстановление независимости Трансильванского княжества и установление свободы вероисповедания для протестантов.

Очкарика выперли из университета за покушение на общественное имущество. А выяснилось все вот как. В город Ф. толпами повалили туристы, дабы подивиться на голубей на центральной площади. Да что там туристы — орнитологи стали приезжать, чтобы изучать необычный полет этих птиц. Ведь где это видано, чтобы птицы летали задом наперед, а голуби города Ф. прославились именно этой своеобразной техникой — перемещались они если и не совсем уж хвостом вперед, но все же влетали в окно готической колокольни собора Архангела Михаила каким-то особым манером. Говорят, будто летать задом наперед способны стрекозы, но голуби — все же не стрекозы.

И когда уже полстраны только и говорило что о голубиных причудах, случилось, что один мент, на том самом этаже колокольни, где было окно, назначил своей милашке свидание. Подружке милиционера, рассказывала Вартюла, непременно хотелось, чтобы у ног ее лежал не только сержант, но и целый город.

Словом, девушка собралась обозреть с высоты центральную площадь, но свиданию помешал Очкарик. Попасть на колокольню ему было просто, потому что отец его служил в храме ризничим. Они уж вовсю целовались там, миловались, нежничали-миндальничали, короче, устроили классный петтинг, как вдруг слышат — Очкарик по лестнице поднимается. Потому как это он самый и был. Прелюдия была прервана, и любовники, укрывшись за какими-то балками, прекрасно могли наблюдать за гнусными проделками сына церковного служки.

Обвязав прочной ниткой, а может быть, леской хлебные шарики, то бишь приманку, он выкладывал их на козырек окна, и, когда голуби, заглотив хлебы, вспархивали, чтобы лететь по своим делам, наш Очкарик, этот "птичий рыбак", начинал потихоньку подтягивать голубей, которые, как ни сопротивлялись, как ни барахтались, в конце концов заканчивали свой путь на его сковородке. Никакие воздушные пируэты, никакое, что было сил, хлопанье крыльями им не помогало — Очкарик, крепко державший леску, все же втягивал птицу в окно, чем и посягал на общественное имущество (ибо голуби, несомненно, часть общественного достояния). В довершение всего шум подняли военные — и разведка, и контрразведка лишились лучших почтовых голубей. Которых зажарил и слопал Очкарик.

Вот такая история с голубями. Что касается нас, то нам, страусам, тоже хотелось бы знать: чьей собственностью мы являемся? Кому мы принадлежим? Ферме — могут сказать.

Но мне интересно, кто нас продал ей, кому конкретно, на какой срок, на каких условиях и главное для чего?

А может быть, вообще никто себе не принадлежит? Кроме старого негра Джима, беглого раба из фильма "Гекльберри Финн", который говорил, что он богатый, он сам себе хозяин, и стоит он восемьсот долларов.

Ну и что с того, что он столько стоит? Ведь не может же он получить за себя эти деньги от самого себя.

В последнее время Володя работает над эпохальным по своему значению исследованием, в котором, в свете новых и поразительных фактов, доказывает близкое родство между страусами и грифами.

Как выяснится из этой работы, нашими близкими родственниками являются не только грифы, но и птица феникс.

А вчера около меня стала вдруг отираться Зузу. Я удивилась, потому что совсем недавно во время одной из дискуссий она была на стороне тех, кто возражал против всей этой "африканской аферы", выступала за то, чтобы оставаться на ферме и не желала слышать о возобновлении тренировок. Тех, у кого еще хватало душевных сил для этого, была жалкая горстка. Да оно и понятно, ведь если мы хотим наверстать упущенное, тренировки нас ждут изнурительные.

И теперь, когда Зузу обратилась ко мне, я сначала подумала, что она пришла оправдываться и уже так и слышала ее виноватые эску... эксу?.. экскузации.

Но она решила не тратить время на объяснения и сразу перешла к делу.

— Лимпопо, когда будешь в Африке, то, пожалуйста, не забудь обо мне.

— Ну, конечно, я тебя не забуду, — изумленно сказала я.

— А когда будешь возвращаться...

— Но я вовсе не собираюсь быть перелетной птицей.

— Хорошо, хорошо, но, может быть, иногда, пусть не каждой весной, ты все-таки будешь нас навещать...

— Не знаю.

— Ну, пускай не ты. Вон аисты каждый год прилетают.

— Чего тебе нужно?

— Чтобы ты кое-что принесла или прислала мне...

— Что ты имеешь в виду?

— Да сущие пустяки, — лепетала она, — стеклянные бусики. Красненькие, мне красное очень идет. И зеленое тоже. А еще у некоторых птиц я видела кольца на лапах.

— Так это ведь люди их окольцовывают...

— Но мне тоже нужно кольцо! Неужели тебе не хочется порадовать меня подарком? Не хочется, чтобы всякий раз, надевая на шею ту красную низочку, я вспоминала тебя?

Не слишком убедительным тоном я обещала, что не забуду о ней.

На следующий день с той же просьбой меня навестила Бойси, потом подкатилась Шуба, потом Лопух и даже Пики, а под наконец и старуха Лула, страусиная ведьма, это страшилище, которая, жутко хрипя и икая, извинилась за свой отсыревший гнусавый простуженный голос.

— Извини, я, кажись, подхватила какой-то гриппер, — виновато сказала она, почесывая гноящиеся глаза, чихая и харкая сгустками то ли крови, то ли черной желчи.

Вид у старой карги был кошмарный. И где она могла подцепить этот жуткий гриппер?!

124. *Контрманифест*

Сегодня во многих местах на заборе фермы и самых толстых деревьях лесного массива появились листовки следующего содержания:

> Животные, братья и сестры, товарищи по судьбе!
> Давайте не горячиться! Ведь только от нас зависит, как замечательно будут процветать дела в наших загонах и как будет расти и крепнуть качество нашей жизни!
> Давайте бороться за всестороннее улучшение условий нашего содержания.
> Не будем любой ценой бросаться в глаза и выделяться на фоне ландшафта.
>
> Группа подлинных реалистов.

С обычной своей робкой ухмылкой на мордочке пришел попрощаться и крот Игэлае. Выглядел он растроганным и даже растер в уголках своих слеповатых глазок пару слезинок. Он меня ни о чем не просил, а просто вручил визитную карточку — чтобы я о нем помнила. На карточке не было указано ни адреса, ни профессии или звания. Только имя, изображенное таким образом:

EAGLE-EYE[1],
крот

1. Орлиный глаз (*англ.*).

125. Предложение

Максико сделал мне предложение.

— Знаешь, Максико, — начала я издалека, — граф Мориц Бенёвский...

— Да пошел он к дьяволу, Лимпопо, этот злосчастный граф, — перебил он меня. — Ведь я не на нем собираюсь жениться, а на тебе. И меня сейчас не волнует, что и когда он кому-то сказал. Я хочу жить с тобой. Ты одна, никто тебя ни во что не ставит. Позволь же мне разделить с тобой одиночество.

Мне показалось, что за ближним кустом мелькнула фигура Сквалыги. Но мне было на него начхать, мне важно было дать доходчивый ответ Максико, безо всяких графьев и графинь.

— Людей, как они сами считают, от всех прочих земных созданий главным образом отличает то, что они обладают божественным даром. И дар этот называют душой. Душа, — продолжала я, — это словно птица Зерзура, охраняющая в пустыне сокровища. Душа — это как бы уменьшенная копия того, кто носит ее в себе.

— ...как огромная рыба, которая проглотила маленькую, и та плещется у нее в животе?

— Именно так. Только разница в том, что маленькая рыбешка все же повелевает большой, так и человеком повелевает душа. Кстати, он никогда ее не проглатывал, он с нею родился. А когда наступает час смерти, то человек исчезает, а душа остается.

— Лимпопо!..

— Демиург, создавая мир, якобы пожелал, чтобы душой обладал только человек. И может, еще собака.

— То есть как — собака?

— Она должна была охранять рай — это такой преогромный сад, населенный ангелами. И был один баламут, каких свет не видывал, от которого этот сад нужно было охранять, чтобы он ну никак, ни за что туда не проник. Пес же тот охранял райский сад абы как, и негодник попортил Господни посевы, растоптал цветы, наворовал фруктов. Поэтому в наказание псу суждено было навсегда остаться слугой, но теперь уже охранять человека, раз не смог уберечь сад. Говорят, душа у собаки малюсенькая, но все же бессмертная.

— И что же?

— Знаешь, Максико, иногда мне кажется, что не только я обожаю тебя, но и кто-то живущий во мне, что он тебя тоже любит. Я догадываюсь, — продолжала я, — что когда-то дав-

ным-давно я, возможно, была возле райского сада и, наверно, чего-то недоглядела и за что-то была наказана. Мне кажется, потому я и здесь. А может быть, у меня тоже душа есть? Ну хотя бы совсем малюсенькая, размером, скажем, с муравьиную королеву?.. Но даже если она еще вполовину меньше, от этого бессмертие ее может быть не менее продолжительным, чем у ангелов, так ведь? Как ты думаешь, Максико? Ты у нас такой умница...

— Ну а все же...

— И вот этой крошечной копией, что во мне, этой миниатюрной душой я люблю тебя точно так же, как вижу с помощью глаз и как с помощью крыльев мечтаю взлететь в поднебесье.

— И, значит, ответ твой...

— Пойми, Максико, мне нужен не только ты. Так же сильно и страстно я хочу свободы и стану твоей женой, когда мы ее обретем для нас и для наших цыпляток. Признайся, ведь ты и сам так думаешь! Поэтому мой ответ: да! Я буду счастлива стать твоей на земле Африки. Это я тебе обещаю.

— Обещаешь? Так же твердо, как веришь в эту землю обетованную?

— Верю, еще как верю. У нас получится. Если и ты поможешь, то все получится.

— А что такое спасение? — неожиданно спросил Максико. — И воскресение? То, о чем вы обычно разговариваете с Нуар.

— Спасение, по мнению некоторых, и есть воскресение души. Это можно представить так, как если бы ты вошел в зал ожидания второго класса, а вышел уже из первого.

— А жизнь человеческая...

— Жизнь человеческая, по словам Нуар, есть не что иное, как арест на неопределенный срок.

— А вечность? Что это?

— В зависимости от того, имеешь ли ты в виду "азал", то есть безначальную вечность времени, или "абад", акцентирующий только нескончаемость времени.

— Я имею в виду ту вечность, которую мне хотелось бы провести с тобой.

Когда мы прощались с Максико, мне опять показалось, что в кустах ошивается Пишта Сквалыга. А немного спустя к моему изумлению Максико вновь оказался передо мной и, сильно покашливая, еще раз попросил моей руки.

— Ыт у янем оп марвок тидох шедуб, — добавил он на тайном языке, которым мы пользовались между собой. Ыт у

янем? Я сразу расшифровала: ты у меня по коврам ходить будешь. И он стал меня убеждать, что я, бедная, нуждаюсь в защите, то есть конкретно — в нем...

— Но ведь я тебе только что все объяснила...

— Что объяснила?

— Не валяй дурака.

И тут я заподозрила неладное.

— Это ты, Сквалыга?!

— И да, и нет, — хитрецки ответил он.

Я внимательней присмотрелась к глазам жениха и все поняла.

— Потемкин, ты — гнусный зомби! — с гневом набросилась я на мастера перевоплощения. — Поганка вонючая, симулякр двуногий — вот ты кто, скользкий грязный убогий хамелеон! Развлекайся так со своей мамашей! Да как ты посмел?! У тебя шары от стыда не лопнули? Ах ты, дундук! Ах ты, Сикстус Бекмессер[1]! Что, стемнело? Гоп-ля! Спляшем свадебную! Уже вечер! А ну-ка давай танец свинопаса! И если наглости хватит, то еще и копытом пнем даму... Гоп-ля, тру-ля-ля! Давай свадебную, сиртаки, танец свинопаса! Чмо болотное! Сию же минуту попроси у меня прощения и вали отсюда! Считаю до двух. Раз...

Я стала свидетельницей жуткого перевоплощения. Не прошло полминуты, как передо мной снова стоял Пишта Потемко, который кхекал и бормотал что-то вроде того, что, мол, это розыгрыш. Я нанесла ему последний удар:

— Запомни, что если бы ты был единственный парень на всем пространстве до великой пустыни и даже дальше, то я предпочла бы выйти за последнего грязного вшивого бородавочника, чем за тебя, старого монстра, сквалыжного шелудивого изолгавшегося паяца! Только не смей ко мне прикасаться! Катись отсюда! Ты слышишь? Чих-пых! СИЮ ЖЕ МИНУТУ!!

Где-то недалеко напевала какую-то фривольную песенку Пики.

Отойдя уже на приличное расстояние, чтобы я не могла ему врезать по заднице, мой женишок обернулся и прокричал:

— Это я-то? Я враль? Разве не ты постоянно обманываешь этот несчастный народ? На Мадагаскаре страусов нет и никогда не было!

1. Герой оперы Вагнера "Нюрнбергские мейстерзингеры", символ завистливой посредственности.

126. *Двоесердные*

В Трансильвании, в некоторых фонтанах, обитает двоесердный народ.

Одно сердце стучит у них днем, а другое — ночью. Одно выстукивает мажорные ритмы, другое — минорные. Когда они влюблены, то любят друг друга в общей сложности четырьмя сердцами.

В тех фразах, из которых состоит вся их жизнь, женщины являются прилагательными и определениями, а мужчины — глаголами и сказуемыми.

128. В *зоопарке*

— Лимпопо, мне приснился такой дурной сон, что у меня от него кровь пошла из ушей. А кроме того, здесь опять проезжали упыри на кованых своих колымагах. Ты чуешь эту нестерпимую вонь намокших зимних пальто? Когда Гашпар с компанией появляются — жди беды, сама знаешь... А к тому же они еще злы как собаки: кто-то так перепутал гривы их лошадей, что пришлось состригать их.

— От беды, Максико, если уж суждено, жди не жди, все равно не уйдешь. А то, о чем ты сейчас рассказывал, — гадкие суеверия. Нет в природе никаких упырей, злыдарей, морокуний, водяных, вурдалаков, вампиров.

— Ну это я так, чтобы ты поостереглась...

— Конечно, конечно, Максико.

— Ну а насчет вампиров ты перегнула. А кто же тогда этих бедных девушек...

— Мы знаем, кто это сделал, Максико. Весь лес об этом шушукается. Не хочешь ли ты сказать, что не знаешь убийцу?!

После инцидента со сватовством прошло уже несколько дней, когда на ферму въехал грузовик с прицепом. На видавшем виды прицепе, который шофер и сопровождающий называли по-румынски "реморкой", стояли клетки.

— Давай, Шурделян, пошевеливайся, — бросил водитель напарнику-усачу.

Вообще, я терпеть не могу ласкательные имена, но, когда ко мне обратился Сквалыга, я, чисто из вежливости, не повернулась к нему спиной.

— Пойдем, Лимпика, глянем, что там происходит, — примирительным и даже извиняющимся тоном предложил ста-

рый мерзавец и, взяв меня под одно крыло, повлек в сторону грузовика. Я же, глупая курица, ничего не подозревая, пошла вместе с ним.

На грузовике приехал и врач, которого все величали господином ветеринаром.

— Какими судьбами в наши края? — как старого знакомого, приветствовал его Усатый. — Ты ведь в столице практиковал?

— Да вот, перевели в зоопарк Ф... на край света, куда только волки трахаться[1] бегают, — унылым и безразличным голосом ответил лысеющий, с одутловатым лицом, ветврач. Выражение это к югу от Дуная используют, когда о какой-то местности хотят сказать, что она находится где-то на отшибе, т. е. весьма далеко. Достав из кармана фляжку, ветеринар приложился к ней и забормотал стихами:

В зияющих степях брожу, как страус,
Бесчинствую, и лгу, и прочь бегу,
А сердце ноет и о ребра бьется.
Я тень, я призрак — что мне остается?
Лишь сам с собой подраться я могу,
В зияющих степях бродячий страус...

До этого мне казалось, что зиять может только пропасть. А вот по мнению Эндре Ади, получается, что и степи могут зиять.

Ветеринар еще разок приложился к фляжке. А потом рассказал, что с ним произошло. Все случилось из-за приема, устроенного в столичном зоопарке после праздничного фейерверка.

— Ну поддал я, — рассказывал ветврач Усатому, — потому как вино было дармовое. Вы ведь тоже, поди, не отказываетесь, ежели на халяву? — Охранники закивали. — Потом на глаза мне попалась декольтированная, без стыда и совести разухабистая девица. Ноги длинные, как у страусихи. Я думал, она балерина, а выяснилось — что жена министра, — врач мечтательно замолчал и дальнейших подробностей не раскрыл.

Единственно, что стало нам известно, — это то, что через 24 часа он оказался в этой глухомани, "где у него будет возможность познакомиться с целой стаей страусов и от души

1. В оригинале употреблен более экспрессивный глагол, в русском тексте невоспроизводимый.

наслаждаться их обществом", — так утешали его в столичном зоопарке, пока он собирал манатки.

Неожиданно кто-то набросил на меня сеть. Охранник и двое скотников кинулись ко мне, навалились, связали и, зашвырнув на прицеп, впихнули в клетку.

— Готова цыпочка, — удовлетворенно констатировали они.

Капитан наблюдал за событиями с почтенного расстояния. А Шурделян хитро усмехался в свои усы.

— Аааааааааааа, что такое? Пишта! На помощь! — верещала я как безумная.

Потемко с невозмутимой рожей стоял как вкопанный.

— Только не надо паники! — сказал он.

На шум сбежалось несколько страусов, и старый пердун так информировал их о случившемся:

— Эти люди приехали из зоопарка, их прислали за молодой курочкой, которую зоопарк купил у нашей фермы. А Лимпочка как раз здесь прогуливалась, и бедняжке не повезло — сеть упала прямо на нее.

— Ты, животное! Ты знал об этом заранее? — рыдала я.

— Если ходишь, не затыкая уши, то много чего узнаешь, — нагло ответил он. — Но в зоопарке тебе будет хорошо, никто тебя обижать там не будет. — И, удаляясь, добавил: — Ты наконец-то встретишься с казуарами. И сможешь тренироваться, сколько твоей душе угодно.

— Заводи, — прокричал Шурделян.

Тихий ужас — ничего другого о зоопарке я сказать не могу. Об этом позорном месте, о жмущихся в клетках развалинах, некогда называвшихся животными, которые без стыда и совести выставлены на всеобщее обозрение, и вообще, о той пошлости и жестокости, которые здесь правят бал.

В соседней клетке, забившись в угол, сидит день-деньской маленькое волосатое существо. Волосы покрывают даже его лицо, а зубов у этого существа столько, что в рот не вмещаются — один или два вечно торчат наружу. Сперва я подумала — обезьяна, но она была без хвоста. Одета была в какие-то рваные трусики и обута в крохотные башмачки.

В воскресенье к клетке приблизилась элегантная пара. На мужчине были отглаженные панталоны, на женщине (его жене?) — дорогой костюм. Остановившись, они зашептались, словно о чем-то споря и словно бы не желая, чтобы их заметило маленькое волосатое существо. Но оно их заме-

тило и с плачем подбежало к решетке: “Мама! Папа! Заберите меня домой!”

Супружеская чета быстро повернулась. И, не оглядываясь, удалилась.

Прошло три кошмарных дня.

На второй день от дизентерии умер ленивец.

А ночью четвертого дня мне послышались знакомые шаги. Я глазам не поверила: в тени маячила фигура Максико. Где-то взревели львы, и если всеобщие представления о внешности этих животных страдают неточностями и преувеличениями, то воздействие, которое производит их рев на простого смертного, не говоря уж о страусе, преувеличить невозможно.

— Лимпопо, — прошептал Максико, — я пришел за тобой. Я спасу тебя.

— Беги отсюда скорей, — взмолилась я.

— Смотри, что я принес. Это Пети Аптекарь тебе посылает.

— Что это? Беги! Сейчас здесь будут охранники.

— Это окоченитель. Если проглотишь эти таблетки, то станешь, как мертвая. Все подумают, что ты умерла. А через несколько часов ты придешь в себя, но до этого тебя уже куда-нибудь вышвырнут. Ты поднимешься и вернешься ко мне на ферму.

— А что будет, если...

— Тсс! Идут! — предупредила нас черная зверушка из соседней клетки.

Приближался ночной обход. Максико бросил мне какую-то коробочку и исчез. О направлении, в котором он скрылся, я могла догадаться по бешеному рыку львов.

На коробочке сверху было написано:

ЛЕТАРГИЧЕСКИЕ ПИЛЮЛИ
оригинальные
по рецепту отца Лёринца.
Время действия — 8 часов.
Применять по назначению врача.
Хранить в недоступном для детей месте.

Под надписью был рисунок, изображавший прекрасную длинноволосую девушку, которая со скрещенными на груди руками лежала на сундуке.

В самой коробочке я нашла инструкцию по применению снадобья, на обратной стороне которой были замечательные стихи:

Сонет

Песок зыбучий, вьюнок ползучий,
настал прощанья час неминучий.
Стань моей розой, дай поцелую,
облачком стань, колесницей летучей.
Стань колесницей мне и лошадкой,
виолончелью, скрипочкой гладкой,
нежной, небесной, горькой и сладкой.
Еще цветочней, еще нежнее,
еще скрипичней, еще роднее...

129. *Переработочный цех*

Проснулась я в еще большем ужасе, чем в зоопарке.

Рядом со мной на телеге лежал дохлый мерин, а также задавленная насмерть овчарка и несколько столь же безжизненных кошек, наверно, охотившихся на отравленных крыс.

Мы как раз въезжали в ворота, над которыми светились огромные, в человеческий рост, разноцветные буквы:

БИОРИТМ
БОЙНЯ, ПЕРЕРАБОТКА ОТХОДОВ, КОЛБАСНЫЙ ЦЕХ

Так вот мы куда попали — на бойню! Отходами была я, это меня везли на переработку, намереваясь сделать из меня колбасу.

Ну уж это вам не удастся! Не видать вам страусиной колбаски!

Мышцы мои еще были окоченелыми, так что не оставалось ничего другого, как наблюдать.

Творившееся вокруг по кошмарности намного превосходило все фильмы ужасов, которые, заглядывая в окно караульни, я смотрела по видеомагнитофону охранников.

Бетон, сверкающие железяки, колючая проволока, с пугающим безразличием вращающиеся исполинские шестерни, транспортеры, рельсы, крюки, то и дело приоткрывающиеся двери холодильных камер, тележки, которые толкали перед собой рабочие в белых халатах или комбинезонах, промышленные весы, тельферы, здоровые мясники, неоновый свет, кафельная плитка, поставленное на поток убийство и беспрерывная хладнокровная погрузка-разгрузка — все это вместе было настолько ужасно, что, наверное, я бы оцепенела и без горсти оригинальных, изготовленных по рецепту отца Лёринца, летаргических пилюль.

– Ну-ка, Карес, разделай ее! – послышался чей-то голос

На конвейер как раз загоняли стадо крупного рогатого скота. И быки и коровы покорно шли, куда их направляли гуртовщики, хотя и ревели, конечно, догадываясь о том, какая страшная их ждет участь.

Я вновь потеряла сознание не знаю даже, на какое время. А открыв глаза, увидела, что какой-то мясник уже замахнулся своей секирой, чтобы опустить ее на меня.

— Ну-ка, Карес, разделай ее! — послышался чей-то голос.

Но в следующее мгновение Карес был уже не в том состоянии, чтобы что-то либо кого-то разделывать. Или делать вообще что-нибудь, кроме одного — скулить, сложившись в три погибели. Удар моей ноги пришелся ему прямо в пах, а ведь пинок страуса, как известно, считается (среди тех, кто случайно выжил после него) одним из сильнейших в мире.

На прощанье я еще врезала ему клювом по черепу. Послышался треск, но меня уже след простыл. Ворота, к счастью, были открыты, потому что подъехала фура с надписью "Биопродукты" на тенте и девизом: "Выбери настоящее!"

Не прошло двух часов, как я была уже на ферме и рассказывала другим о своих злоключениях, не скупясь на всяческие знаки признательности и благодарности, которыми я осыпала Максико.

— Oh, my Господи! — ужасалась Пики. — Чего только не бывает на свете! О, мой God! Oh!

К сожалению, пропал Петике, потому что аптекаря, папашу Галапагоса, тем временем арестовали (или, как у них говорят, "забрали"). Любопытно, что уже на другой день по городу пошли слухи, что в семье у них вышел скандал из-за какой-то певички или субретки и по этой причине они уехали и даже уже развелись (хотя всем известно, что бракоразводный процесс — дело очень длительное).

Впечатление, будто кто-то умышленно дурит городу голову. А город и рад, что его дурят. "Вы слышали, папаша Галапагос бежал с инженю?!" Из всех земных существ проще всего дурить головы людям. А мне из-за этого не удалось поблагодарить Петике за его героические усилия по спасению моей жизни.

Но как знать, вдруг однажды каким-то чудом в его руки попадет мой дневник?

130. Б*елочка*

— Добро пожаловать, Лимпопо! — радостно приветствовала меня на следующий день серебристая белка по имени Белочка, но Максико сердито махнул в ее сторону клювом.

— Не надо с ней разговаривать, — предостерег он меня. — Если бы все зависело только от этой вокши, то ты и сейчас находилась бы в зоопарке или на бойне.

Белочка, взобравшись на телеграфный столб, подслушивала наш разговор.

После того как меня похитили, Максико попросил ее отправиться с ним в зоопарк и помочь меня вызволить. План был таков: он собирался выкрасть на вахте ключи от клетки, однако, чтобы открыть замок, нужны были сноровка Белочки и ее ловкие лапки.

Но Белочка идти в зоопарк наотрез отказалась, заявив, что она не дура.

Когда Максико рассказал мне все это, Белочка крикнула со столба:

— Все правильно! Правильно! Так и было!

— Так чего ж ты тогда?! — рявкнул Максико. А Белочка, хихикнув, ответила со столба:

— Так я ведь всего лишь белочка, а не герой!

(P. S. Значительно позже.) Сегодня я сожалею, что я так немногословно описала тогда зоопарк. Если б я только знала, какие зигзаги судьбы ждут меня впереди! Если б догадывалась, что придет день, когда я буду мечтать о том парке, где столько разных животных делят друг с другом воспоминания

и тоску по самим себе, как только наступит ночь и люди уберутся восвояси, а воздух наполнится шепотом, шорохами и шуршанием, вздохами, именами и осязаемой, шероховатой на ощупь ностальгией по фантастическим дальним краям.

131. Пылающий всадник

Когда я бежала домой, я заметила красноватые всполохи. Подозрение мое пало на углежогов, и действительно, углежоги и были окаянными нечестивцами, которые разожгли на поляне костер вокруг самой большой конной статуи. Я почувствовала, что зрелище это отбрасывает какую-то жуткую тень на будущее.

Костер уже почти прогорел, испепелив ногу короля и большую часть коня, и только шея животного выглядывала еще из углей, из этого малиново-черного урчащего студня, готового поглотить, словно чавкающая багровая топь, фигуру прославленного государя. При этом мне показалось, что среди деревьев суматошно метались какие-то черные тени.

132. Голос в ночи. Суп ангаджапур

С тех пор как Нуар рассказала мне о шофаре, звук которого отгоняет дьявола, в голове у меня бродит такая мысль. Бабушка Петике по воскресеньям всегда готовила суп ангаджапур — непременно, как полагается по традиции, с чертогон-травой.

Интересно, где теперь Петике и вспоминает ли он обо мне?

Как пригодилась бы мне теперь эта чертогон-трава, оберегающая от порчи, подлости, помешательства, злодейства и страуса-вельзевула.

Как-то Петике, о чем я давно забыла, вручил мне конверт и сказал, что письмо это очень важное, но прочесть я его должна только в случае, если мне будет очень грустно. Я не знаю, сколько нужно печали, для того чтобы вскрыть конверт, как бы ни было мне иногда грустно, мне всегда почему-то кажется, что это еще не предел.

Голос в ночи.

Боже грозный!

Господи, есть ли Ты или нет Тебя, ты скользишь в ночи в поисках жертвы, боже, отвороти лицо мое от себя, дабы я, направляясь к Тебе, не узрел Тебя, дабы не ужаснулся Тебя, Господь мой!

Господи, есть ли Ты или нет Тебя, это Ты, вместе с ветром, свищешь на закате жизни, Боже, занеси песком следы ног моих, когда я направлюсь к Тебе, чтобы мне не найти дороги, если вздумаю повернуть назад, Господь мой! (*Угасающим голосом.*) Боже, не допусти того...

133. *Страус Мефи*

Не всем страусам суждено оказаться в Небесных саваннах. Кое-кто попадет во власть страуса-мефистофеля.

Страус-мефисто имеет черное оперение, на голове торчат рожки, сзади болтается хвост, вроде как у зебры, на ногах — большие копыта.

Каждому страусу однажды в жизни является страус-мефисто и обещает исполнить любое его желание. И если тот соглашается, то много лет спустя — "по скончании времен", как он выражается, — страус Мефисто опять появляется и говорит: сударыня — или сударь, — прошу за мной. Отныне вы — моя собственность.

А если ты воспротивишься, то он выхватит договор, который ты подписал, толком не прочитав его. Тебе даже припоминается, что это вовсе не договор был, а так, что-то вроде прошения или заявки на грант; но факт, что ты этот текст не читал, в особенности те его части, что напечатаны мелким шрифтом.

— Куда ты меня ведешь, Мефи? — расспрашиваешь ты явившегося за тобой.

— Я не обязан тебе отвечать, — говорит он, сверкая начищенными копытами; дыхание его отдает серой. — Но так уж и быть, скажу. Мы идем в Коложвар.

И больше не произносит ни слова.

— А что там? — спрашиваешь ты, заикаясь, и при этом не можешь решить, надо ли угостить его ментоловой жвачкой. Из-за серы, понятно. — Где это? И что там будет происходить?

Но в ответ — молчание.

Хотя кое-что все-таки просочилось. Говорят, что этих несчастных страусов Мефи превращает в тыквенные фонарики, которыми освещает подвал коложварской оперы. А потом бросает их в пруд на прогулочной площади, где они становятся золотыми рыбками. Коложварцы вылавливают их и после воскресного променада готовят дома уху, добавляя в нее розовые лепестки, лаврушку, львиный зев и шиповник, весьма богатый, как общеизвестно, витамином С. Удивительно только, что никому никогда не приходит в голову приправить уху чертогон-травой.

Но стоит лишь коложварцу, помешав уху, поднести ко рту первую ложку, как время оборачивается вспять. "И тогда вы освободитесь, превратившись сначала из золотых рыбок в тыквенные фонарики, а потом снова в страусов", — доносится до меня чей-то успокаивающий голос.

Но, конечно, возможно, что все это небылицы, и в действительности тех, кто окажется в руках страуса-мефистофеля, ожидают ужасы куда более страшные. Этого мы не знаем.

А вообще-то, я бы не возражала, чтоб этот рогато-копытый Мефи здесь объявился. Верни нам способность летать, скажу я ему, если он предложит сделку.

— И пусть пропадаю, пусть стану тыквенным фонарем в подвале оперного театра, пусть разварюсь до пюре в коложварской ухе, — говорила я Нуар.

— Душа-то заглядывает в тебя еще только знакомиться, а ты уж готова ее продать?! — обрушилась на меня Нуар. — Разбазарить ее почем зря?!

— Нет, нет, я не душу, ни в коем случае... — залепетала я, — а остальную себя... свое тело. Пусть тело мое пропадет...

— Что значит — остальную себя? Ты — это твоя душа. Вон Петер Шлемиль у Шамиссо продал только тень свою — и перестал быть самим собою. Потому что вместе со своей тенью он продал именно самого себя, ту часть, в которой была его самость. А ты говоришь, что хочешь продать не душу... А что же тогда? Да кому твое тело нужно? Кому нужен самолет, который разучился летать?

— Так в том все и дело, — пролепетала я. — Я хочу летать. И именно потому готова пожертвовать даже...

— У птиц летать может только тело, — заключила сова. — А у тебя, если хватит выдержки... я думаю, ты это заслужила... полетит и душа. Так что побереги ее. Если не хочешь быть "как тень и призрак" в "зияющих степях", как выразился поэт, то забудь о сделках с нечистым.

Я взглянула на небо. И на память пришли слова неопознанного немецкого поэта:

В час, когда на горизонте не горит еще денница
И лишь тонкою полоской тьма по краю серебрится...

Ну а что касается тела, то Нуар, по всей видимости, права. Еще в переработочном цехе я обратила внимание, что несчастные коровы — это вовсе не коровы. Под шкурой у них — какие-то большие, темные кровяные пустоты, скользкие по-

троха, мослы с синеватыми округлостями, жилы, ошметки, словом, совсем не то, что со стороны кажется нам коровой.

135. *День треволнений*

На рассвете опять появился зловещий олдтаймер — черная "победа", арендованная у предприятия ритуальных услуг "Закат". Я слонялась поблизости и слышала каждое слово, поэтому сразу узнала, какая нелегкая их сюда принесла.

— Глухаря брать приехали, — похвастал осведомленностью Михай Дубина. — Прознали, что трансильванский-то князь глухарем прикинулся и в нашем лесу под большой лиственницей схоронился. И баламутит отселя народ супротив власти. Он же и могиканов энтих сюда призвал, за свободу бороться. Что тоже доказанный факт.

Сломя голову бросилась я на поляну.

— Князь, спасайся! — крикнула я, став под лиственницей. — За тобой на черной машине приехали!

С соседнего дерева сонным голосом отозвалась сова — днем она вечно сонная.

— Да ведь тут живет только привидение. Как они будут его ловить?

— Привидение?

— Именно.

— Так, может, князь в привидении спрятался?

— Нету здесь никакого князя! — отрезала Нуар, метнув взгляд на сорок, что галдели поблизости на орешнике.

— Ага, поняла, — ответила я.

А сыскари были уже тут как тут.

Удалились они много часов спустя, пыльные, грязные, с чертыханиями и с пустыми руками, с колючками в башмаках и репейниками на штанах, толкая перед собой небогатый улов — двух связанных чернокожих скульпторов.

И при этом кляня своего информатора — одного из доверенных людей князя, который его и выдал, позарившись на солидный куш за голову невидимки.

Да выяснилось еще, что этот доносчик, по которому плачет веревка, этот иуда, раскрывший лесное инкогнито князя, этот подлый и низменный, вероломный и алчный тип не кто иной, как наш вертухай.

Один из охранников страусиной фермы.

Кто именно, этого я не знаю.

Но князь, я надеюсь, знает.

Говорят, что, пока я была в зоопарке, крот Игэлае съел кузнечика Сабо, так как тот оказался плохим наставником,

не оправдавшим надежд ученика. Крот убедился в этом на собственном выступлении, на которое он пригласил избранную публику, сплошных знатоков-меломанов.

Перед сегодняшним совещанием ко мне подошла Бойси и, угостив персиком ("...классный фруктик, отведай"), опять попросила не забывать о ней в Африке. Мы говорили недолго, потому что началось собрание.

Наш вожак, страдающий дислексией Капитан, попросил нас собраться после обеда. Все думали, ч. будут даны какие-то разъяснения насчет панических слухов о том, что ферма якобы заключила с бойней контракт на поставку девятнадцати взрослых страусов и шести малолетних. Вместо этого Сквалыга и страусиная ведьма тетка Лула набросились на меня, обвиняя во всех смертных грехах. Отвечать на такую подлость я считала ниже своего достоинства. Максико, разумеется, попытался меня защитить, но ему быстро заткнули клюв. И тогда слова попросила Бойси, моя подруга детства и главная героиня нашей авантюры с аистами, та самая, что минуту назад угощала меня персиком. Какое-то время она только разевала клюв и пробовала голос. А потом вдруг запела, да как!

И как бомба, разрываясь,
Клевета все потрясает
И колеблет мир земной.

Тот же, кто был цель гоненья,
претерпев все униженья,
погибает в общем мненьи,
пораженный клеветой,
Да, клеветой!

Так значит, Бойси тайком продолжала ходить на пение. Интересно, к кому? Загадка.

Замечу, что этот фрагмент знаменитой арии она исполняла, как и положено, басом.

— Львы совсем не такие, какими они нам кажутся, — сказала сова, когда я спросила, что она думает об этих ночных голосах в лесу.

И еще пояснила, что где-то недалеко от нас идут съемки фильма, и, возможно, кто-нибудь из актеров, ну тот, кто играет льва, репетировал за деревьями роль. Но не исключено, что здесь оказался и настоящий лев, что в принципе то же самое, учитывая, что жизнь — скорее всего или в самом

деле — всего-навсего симуляция: генеральная репетиция, в которой задействованы дублеры, кагэмуси, альтерэго, каскадеры и двойники, так как жизнь штука слишком опасная, чтобы в ней выступали сами актеры. Поэтому настоящие львы, кузнецы, страусы и индейцы сидят в зрительном зале и наблюдают за нами, оценивая критическим взглядом, достоверно или фальшиво мы их играем.

— Это звучит занятно, но я в это не верю, — кисло отреагировала я, а Наур призналась, что и она, мол, тоже не верит.

136. К*амуфляж*

Я полистала книги, которые Восьмиклинка свалил в сарае. Сначала открыла том Карла Маркса под названием "Капитал" и с изумлением обнаружила на титульном листе нечто совсем другое. А именно: "Рутилиус. Книга пятисот философов". Старинный текст на незнакомом мне языке, изящный, но несколько нервный каллиграфический почерк, непонятные мне рисунки и роскошные буквицы.

Похоже, кому-то очень хотелось позабавиться, потому что все в этих книгах было шиворот-навыворот. Молитвослов, например, содержал в себе следующие рукописи: Первое Евангелие, Второе Евангелие и Третье (тайное) Евангелие от Иуды Искариота, Утраченное Евангелие от Лазаря, а также двадцать одно пророчество ангела Анаэля. Среди книг был упрятанный в переплет от пособия по выделке кож Скитианос, были Митрас и Симон-маг, был Мани, например, его "Книга великих подвигов", — и все в рукописных подлинниках, а еще комментарии, дневники и свидетельства приближенных учеников, приверженцев, избранных и посвященных. Был тут "Парсильвнамех", рукопись, посвященная "Соннику" Рушди, и еще одна — об учении колдуна Фрестона. Все эти книги закамуфлированы лжепереплетами. Не знаю, будет ли у меня время прочесть их.

Охранники делают вид, будто понятия не имеют, кого искали в лесу сыщики. А скульпторов-негров — Мартона с Дёрдем — все, даже Злыдень, жалеют, хоть тот гоношится и говорит, что физиономия одного из них показалась ему знакомой, скорее всего, это был боксер, его давний соперник, которого он измочалил.

Барнабаш вычитал в каком-то романе, что в жизни каждого человека есть день, точнее, был день, который бесследно пропал. Как карта, которую ночной вор выкрал из храня-

щейся в серванте колоды, или как улепетывающий суслик, который проваливается вдруг среди поля, будто земля его поглотила, и, кроме его отсутствия, от него никакого следа. Сквалыга готовится прочесть в вольном университете лекцию о гемоглобине и демократии.

137. *Иудин сад*

Иудин сад даже среди всех зоопарков заведение самое наимерзкое. Туда попадают те, кто в человеческой жизни предали бывших своих благодетелей и наставников, предали, оказавшись в высоком кресле, друзей, не отвечали на их звонки, не взяли с собой на подводу или на борт корабля.

Угрюмый зверинец Иудина сада состоит из шакалов, гиен, крыс, стервятников и ворон. Кто в какое животное превратится, решается следующим образом: возьмем для примера предательство друга.

Когда вас подлым образом предает друг, то он, этот друг, тем самым откусывает и кусок самого себя. Воспоминания о совместных похождениях; о шахматных партиях; о похоронах друзей; о спорах, игре в рулетку; откусывает от себя лишь небольшой кусочек, но именно тот, который и делал его тем, кем он был. Предав бывшего друга, он разрушает и всю свою жизнь, ее "опоры и несущие стены", как выразилась Нуар.

Ведь нельзя же сломать в доме первый этаж, не разрушив все остальное. И в предателе, как будто его поразила какая-то необычная проказа, мало-помалу усыхает все благородное, и в конце концов мы будем иметь на выходе лисицу или жалкого брюхоногого слизняка, которого и облобызает восторжествовавший Иуда.

И они будут с ним лобызаться еще долго и много раз.

Короче: любое предательство губит самого предателя. Его богатырское тело, выдающийся ум, на который его отец возлагал такие надежды, находчивость, юмор — все постепенно деградирует, и в итоге многообещающая личность превращается в стареющего шакала с облезлой шкурой, которого связывают с его бывшей земной оболочкой разве что вечная тяга к случке да трухлявое подлое сердце, кое-как поддерживаемое ржавым кардиостимулятором, дабы оное существо могло без конца размышлять о своем предательстве.

Говорят, будто иногда на рассвете у врат Иудина сада появляется дух ребенка, привидение отверженного мальчика-сироты, о котором никто не знает, чья это детская тень, —

преданного ли когда-то друга или же самого предателя, который со временем из ребенка превратился в отпетого шулера, в толстокожего жулика с прогнившей душой, в кретина с воняющими ногами, в мастера брачных афер — короче, нет слов, чтобы описать его.

У входа мальчик кладет в окно или под порог монетки и конвертик с письмом.

В письме только три строки:

принесла вам сдачу —
три гроша —
неприкаянная душа.

Надпись над входом в Иудин сад обещает: "Не хватит слез, так будешь плакать кровью!"

Один аферист был известен тем, что обожал фотографироваться во время спаривания, что дело неслыханное, но человек, он на все способен, так вот, этим спортом он занимался в обществе своего лакея Лаци, которого сделал потом управляющим; сам же развратник и совратитель, по капризу судьбы, а также благодаря подкупу, стал президентом; он не знал, потому что его никогда не учили, что гордыня — это клеймо людей, обреченных на поражение, и с бывшими своими друзьями вел себя отвратительно, а одну из случайных любовниц и вообще опозорил, хвастая ее интимными фотографиями в компаниях, таких же как он, пошляков. Свою величайшую благодетельницу, которой он был обязан высоким постом, за глаза издевательски называл обезьяной мохнатой и вонючей цыганской курвой (интересно — что значит "цыганской"?) и распускал о ней сплетни, будто ее выгнали с телевидения за хищения. Как бы там ни было, все его гнусности и предательства со временем стали притчей во языцех, и надо ли удивляться, что Черный Тапир — Боженька бьет не палкой! — наслал на него проклятие страшной водянки. Вот когда он опомнился, но было уж поздно: из президента он превратился в урологический случай.

140. *Делегация.* Выборы *вожака.* Ричард Львиное Сердце

Сегодня утром Капитан сложил с себя полномочия.

Сославшись на возраст и подорванное здоровье, он в своей косноязычно-гугнивой манере объяснил, что в современ-

ных сложных условиях не считает себя способным "решать проблемы". О чем, кстати, давно уже знали все страусы.

Выборы нового вожака были назначены на вечер.

Около полудня меня посетила делегация: крупная жирная куропатка в сопровождении двух солидных зайцев. Куропатка представилась: я — серая куропатка, по-латыни меня зовут perdix perdix, сказала она. Как выяснилось из ее слов, слава обо мне разнеслась уже весьма далеко. У них даже в школе детям рассказывают о том, как удивительно быстро я научилась летать, как боятся меня львы и сыщики и каким фантастическим образом я сбежала из зоопарка, взмыв из клетки, как ясный сокол.

[Далее следует неразборчивый текст.]

.....

.....

.....

* * *

После своего избрания П. П., как говорится, вошел во вкус и с ходу, в очередном туре, — вопреки нашим древним обычаям и добропорядочности, которые запрещают быть вождем более чем два срока, — хотел заставить нас проголосовать за то, чтобы его можно было избирать сколько угодно раз, больше того, сделать его вождем пожизненно.

Но даже у самых глупых страусов хватило ума не голосовать за это, так что предложение получило всего один голос — самого Пишты Потемко, заявившего также, что отныне он будет не Пиштой, а Ричардом Львиное Сердце и именно так требует себя называть в дальнейшем.

Говорят, демократия — это власть народа, то есть большинства. Над кем? Ну понятно — над меньшинством. То есть это такая власть, когда желания меньшинства подавляются волей большинства.

Например, если 51 из 100 страусов захотят остальных изничтожить, вырезать, послать в зоопарк, на Переработку или в газовую камеру, передушить, затоптать их, повыдергивать им все перья из задницы, в таком случае — ведь так хочет большинство — в стае установилась, наконец, власть народа, то есть демократия.

Все эти важные сведения о сущности демократии сообщил нам Сквалыга, только неясно было, читал ли он нам теоретическую, то есть научную, лекцию или излагал конкретную программу действий нового вожака.

Говорят, упыри с гиком носятся на своих телегах по ферме уже каждую ночь, а последнее время даже и на рассвете. Но я с ними никогда не встречалась и не верю в них.

А китайцы, я слышала, опять начали возводить Великую стену, которая на сей раз должна опоясать всю Землю. Вроде начали строить ее и в Ф. Пока, правда, неизвестно, кто будет жить по эту, а кто по ту сторону.

Семью Петике после постигшего их здесь кораблекрушения судьба якобы забросила в Хышову, что в низовьях Дуная. Я постараюсь, чтобы наш полет прошел через эти места, хотя вовсе не уверена, что эти ползучие слухи окажутся правдой. Не исключено, что семья их рассеялась на все четыре стороны. Копна говорила, что папашу Галапагоса последний раз видели на маленькой, богом забытой посреди степи станции Лехлиу-Гарэ. Он стоял под единственной лампочкой на перроне и читал "Правду".

142. *Бегство предводителя быдла*

Я лежала спокойно на верхней поляне и размышляла над космогонией, которую мне изложила Нуар (что мир есть эпическое произведение бога). И вдруг в голове у меня молнией вспыхнул вопрос: ну а если творец возьмет да и бросит свой нарратив? Прервет, как Петике свой роман, и скроется по одному из неведомых никому адресов, которых, я думаю, у него достаточно, — и что тогда будет с нами?

Не святотатство ли думать об этом? — подумала я, но вовсе не потому, что мне так уж хотелось посвятотатствовать — надеюсь, создатель и сам хорошо это понимает.

Утром третьего дня после выборов вожака мы обнаружили, что мастер перевоплощения и пятеро его приближенных — Латька, Лопух, Отважный, Недомерок и Бойси — куда-то пропали ночью.

Пропала и общая касса племени, но П. П. в оставленном нам письме призывал нас, что бы ни случилось, сохранять спокойствие. Он считает, что жизни главы коллектива (или предводителя быдла, как он себя называл) угрожает опасность, и поэтому, дабы страусам не остаться без вожака, он готов пойти на любые жертвы, включая побег. И все исключительно из чувства ответственности перед нами. Ради нас он готов на все, даже на горький хлеб скитальчества. И навсегда останется верен нашему святому страусиному делу.

...и читал "Правду..."

Задача номер один теперь, говорилось в письме, избавиться от пагубного влияния Лимпопо, которая, как душевнобольная, представляет опасность для жизни всех страусов. Он, Сквалыга, предложил бы побить Лимпопо каменьями или защипать ее до смерти, как поступают перед отлетом аисты с больными и недоразвитыми товарищами, чтобы на перелете не подвергать опасности весь отряд. А поскольку и страусам предстоит долгий и трудный путь... — Продолжение этой фразы было вымарано.

Пока вопрос с Лимпопо не решен, читали мы дальше в письме, он, Потемко, считает целесообразным изъять казну, дабы ее не смогла захватить Лимпопо. Он, кстати, готов ради нас в любой момент объявить голодовку. Мы должны верить в него и в его ответственность. Он же наше доверие оправдает. И подпись: (зачеркнуто: Мое) Его Велич. Рич. Львиное Сердце, или Самолично Я.

Таков был наказ, а точнее, политическое завещание П. П., ибо никто из нас не мог всерьез и подумать, что он будет впредь подчиняться вожаку племени, который слинял вместе с кассой. Да к тому же в такой момент, когда, по всей видимости, над головами у нас сгущались самые мрачные тучи.

Дело в том, что, как выяснилось, вчера Сквалыга отправился на разведку, то есть подслушивать и вынюхивать, одним словом, шпионить в расположение конторских помещений,

откуда вернулся с весьма озабоченной рожей. А вернувшись, собрал упомянутых своих прихвостней и о чем-то долго с ними шушукался, после чего все пораньше отправились спать. Предводитель быдла стащил где-то торбу, которую можно повесить на шею, куда они и сгребли все наши сокровища: несколько пуговиц и мелких монеток, наручные часы Лацы Зашибленного и пригоршню пивных пробок. И пустились в бега, отдавшись во власть судьбы, которая понесла их, как полноводная Миссисипи мертвого отца Гекльберри Финна.

146. *Земной жизни половина*

— Очень часто в фильмах и книгах употребляют это загадочное выражение — "половина земного пути". Но откуда мы можем знать, что кто-то дошел до половины своей земной жизни? — размышлял вслух Максико. Мы как раз огибали поляну, и я остановилась попить у источника. У каменного креста лежало потрескавшееся изваяние святителя Иоанна Милостивого.

И не успела еще я ответить, как над нашими головами раздался охриплый, свистящий, лающий мрачный голос. То был дядюшка Бэтмена, отставной вампир, обратившийся к нам с ветки дерева:

— В тот день, когда человек доживает до середины своей земной жизни, он просыпается с головной болью. С раздражением глядит в зеркало и, если присматривается внимательно, то замечает, что один глаз стал немного меньше и сверкает чуть ярче другого.

— А что если у человека всего один глаз, как у того темнокожего раба-стражника, достающего головой до луны? Или вообще нету ни одного? — заспорил с ним Максико.

— К сожалению, у таких людей период полураспада вычислить невозможно, — сверкнув клыками, ответил дядюшка уверенным тоном знающего человека.

147. *Последний перформанс Пишты Потемко*

Об ужасных событиях той роковой ночи толком нам не могли рассказать ни удмурт, ни лесные сплетницы, но некоторые наши предположения о судьбе Ричарда Львиное Сердце и его приспешников все-таки подтвердились.

Во всяком случае несомненно, что, миновав императорско-королевский манеж и казарму, они оказались в районе стрельбища. И тут великий мастер перевоплощения и виртуоз "выживания ради выживания" решил, по-видимому, при-

бегнуть к излюбленному приему: полностью слиться с ландшафтом. Можно не сомневаться, что тащившие торбу приспешники до конца слепо следовали за мэтром. Все это так, но если представить, что фон, с которым человек, то есть страус, конечно, желает слиться или хотя бы сделаться незаметным, состоит из мишеней и к тому же на стрельбище именно в этот момент идут учения, то вся хваленая теория мимикрии, все тактические уловки — маскируйся не маскируйся — стоит не больше шкуры дохлого хамелеона. И, похоже, наш идеолог перевоплощения этого не учел.

Как же странно, что, для того чтобы их не убили, эти страусы добровольно и совершенно осознанно превратили себя в мишени. Вот о чем я подумала, когда Хмырь Безродный и возглавляемые им вертухаи приволокли на ферму изрешеченные пулями трупы. Тела к тому времени вновь обрели данный Создателем, но преданный их хозяевами птичий облик — в минуту смерти природа, видимо, все же прорвалась сквозь маски и мишуру и восторжествовала над фальшью.

Стоя над разложенными на земле трупами, охранники чесали затылки, но потом пошвыряли их в тачки и, поминая нехорошим словом мать Пишты П., быстро зарыли их во дворе казармы.

По завершении печальной церемонии один из охранников, которого мы до этого здесь не видели, — гастарбайтер, судя по внешнему виду, — окинул нас не предвещавшим ничего хорошего взглядом и произнес:

— O sa va sacrifice pe totii[1].

— Что он говорит? — спросила Пики. — Что этот тип лопочет?

— Я не знаю. Это ведь ты у нас изучаешь английский, — сказала Зузу.

А Туска, которая, кажется, догадалась о смысле сказанного, завсхлипывала:

— Не хо-хо-чу... не хо-хо-чу... на бо-бо-ой-ню...

148. *Золотые рыбки*

Очкарик сошел с ума. День-деньской он сидит на заборном столбе и без конца бормочет себе под нос: ширли-мырли, хули-вули, кале-вала, ахи-охи, трали-вали, шили-мыли, танцы-шманцы...

Ему уже не помочь.

1. Вас всех перебьют (*рум.*).

Я пошла к маленькому бассейну, чтобы попрощаться с Беллой — не важно, как ее звали на самом деле, и не важно, что дружбу нашу нельзя было назвать по-настоящему близкой.

Однако бассейн был пуст и сух, как пустыня Сахара.

Я заглянула в окно караульни. Пузан и Дубина размешивали что-то в медном котле, стоявшем на очаге, и засыпали в него лаврушку. Свет, отражавшийся от котла, был столь ослепительный, что я отвела глаза. Новый охранник, появившийся только вчера, напевал:

Никуда уже не спрятаться, не скрыться...
Degeaba[1], ёптыть, боженьке молиться...

В задумчивости я отправилась в свою клетку. На плацу, под предводительством старой грымзы Лулы, страусы дружно скандировали: "Мы хотим остаться! Не хотим летать!"

149. На *следующий день*. Анафема. Письмо Петике

— ...но ведь еще ни один из страусов не пролетел здесь ни метра... — пыталась вставить мне лыко в строку привереда Пики. — Как ты это себе представляешь?!

— Сегодня ночью каждый из нас должен заглянуть в себя и найти там того бывшего страуса, который когда-то...

— Вы слышали, дядюшку Бэтмена объявили в розыск? — некстати вмешалась Туска.

— ...найти в себе, — продолжала я, — ту большую и благородную птицу, которая пересекала целые континенты наперекор бушевавшим морским стихиям и песчаным бурям... Эту птицу вы должны отыскать в себе, пока спите, и утром ее крылья поднимут вас в воздух, и мы покинем эту юдоль печали с ее бойнями, немытыми живодерами, провонявшими жутким пойлом охранниками, борделями, кашляющими привидениями и подземными гонведами...

Поблизости замелькала чья-то зловещая тень. Это был Глыба.

— Привет, Глыба. Чего мечешься с такой рожей, будто завтра война? — встретила я его.

— Опять небольшая промывка мозгов? — цинично поинтересовался Максико.

— Welcome, Глыбушка, — приветствовала его Пики. — Ты к нам?

1. Бесполезно (*рум.*).

— Я пришел возвестить вам решение совета старейшин, — изрек он не часто используемым им ветхозаветным тоном.

Ничего доброго это не предвещало, поэтому я почувствовала недоброе. Совет, кстати, — или ЦК, как в шутку иногда называл его покойный Потемко, — после бегства нового вожака состоял всего лишь из трех-четырех членов: из самого Глыбы, Шубы, старой перечницы тетки Лулы, страусиной ведьмы, и, естественно, Капитана.

— Совет старейшин постановил, — небывало натянутым голосом продолжал Глыба, — за смутьянство, неуважительность, неурядицы...

— Какие еще неурядицы? — опять раскрыла клюв Туска.

— ...своеволие, отступление от Закона и неподчинение вынести Лимпопо наказание в виде анафемы и изгнания на вечные времена из наших рядов.

— Теперь-то я понимаю Иеремию, — сказала я. — "А дщерь народа моего стала жестока подобно страусам в пустыне", плач Иеремии, глава четвертая, стих третий.

— А завтра эта кара постигнет всех, кто не прекратит с ней общаться, а также не явится на утренний урок забвения, на котором мы будем стирать имя Лимпопо.

— И память о ней заодно, — добавила я. Мной овладели невыразимые гнев и горечь. — И на это вы нашли время? Именно сегодня вечером? Для вас сейчас нет более неотложных дел, чем травить меня?! Неужели и правда вы думаете, что завтра у стаи не будет более важных дел, чем выживать с фермы Лимпопо? Вы в своем уме?

— Будет так, как здесь сказано. А теперь — отбой, — распорядился Глыба.

И страусы разбрелись по клеткам и — не знаю, с какими мыслями — вскоре затихли. Тишину нарушало лишь монотонное бормотание Очкарика со столба: мумба-юмба, елы-палы, аты-баты, шуры-муры, мене-текел, ёксель-моксель, шито-крыто...

Где-то вдали Усатый дубасил сорокасантиметровой палкой из дерева твердых пород по струнному тамбурину, переделанному из виолончели Гварнери, из которой удалили душку и почти до самого основания сточили подставку для струн.

Я отправилась на излюбленную поляну, перед тем заглянув к альбатросу.

— Маэстро, наступает час истины, — постучалась я к нему.

— Хорошо. В таком случае можешь освободить меня от пут, — сказал он.

Не прошло двух минут, как я избавила его от веревок, опутывавших ноги.

– Может, выполните пробный полет? – сказала я.

Он задумался.

– Ты права, пожалуй, не помешает.

И взмахнул огромными, словно паруса, крыльями.

Уже с высоты он сказал мне:

– Я скоро вернусь. Так когда, говоришь, отправляемся?

– Как только солнце взойдет! – прокричала я.

– Отлично, – донеслось сверху. – Встретимся на плацу! Хорошо?

– А ты правда вернешься?

– Ну конечно. Ждите меня, где условились!

* * *

ПИСЬМО ПЕТИКЕ

[Примечание автора. В этом месте между страницами дневника вложен помятый конверт с двумя сложенными вчетверо листами бумаги. "От Петике" – написано на конверте. Все письмо состоит из двух нижеследующих строк.]

ГЛЯДЯТСЯ ПТИЦЫ В ЗЕРКАЛО РЕКИ;
БОГ – ЗЕРКАЛО, ЧТОБ ДУШАМ ПОГЛЯДЕТЬСЯ.

[На обороте – две строчки Омара Хайяма и какое-то замысловатое рассуждение.]

Душой, перенесшей страданья, свобода обретена.
Пусть капля томится в темнице – становится перлом она.

Возможно ли, что после грехопадения Адам вновь обрел дар речи с помощью падшего ангела Абаддона? Или научился петь? Ведь песня древнее речи. Hamann. Aesth. in N.: "Одна лишь страсть может дать абстракциям и гипотезам руки, ноги, крылья, а образам и знакам – дух, жизнь, язык..." Изначально язык наш был уменьшенным образом и подобием Бога. Manilius: Exemplumque Dei quisque est in imagine parva. Но образом и подобием кого может быть язык, на котором...

[На втором листке было несколько почти неразборчивых фраз. Больше всего он напоминал страницу из черновика романа, еще не выправленную, испещренную зачеркиваниями и вставками. Вот все, что мне удалось разобрать.]

В Панаме из зоопарка вырвались на свободу львы. Часть из них откочевала в Бразилию, и что с ними стало, никто не знает. А те, что остались в Панаме, не имея естественных врагов, расплодились. Но они не умели плавать и теперь, собравшись на южной стороне Панамского канала, нервно расхаживали взад-вперед и вприщур разглядывали противоположный берег.

150. *Перед отлетом. Последние часы*

— Я теперь знаю, как мы дошли до жизни такой, — объясняла я звездам. — Я знаю, что с нами произошло, а можно сказать и так: я помню. Когда-то давно мы несли службу у трона вращателя колеса, или в райском саду, или где-то поблизости, и были кем-то навроде ангелов.

Догадываюсь я и о том, что за какое-то тяжкое упущение мы расплачиваемся теперешним нашим обликом и теперешним положением, при котором народ наш живет во все более неопределенных, лишь местами еще ощутимых, рамках свободы.

Но настоящее падение у нас еще впереди. Вниз по лестнице из свободы в рабство мы прошли только полпути, и закончится этот спуск — это можно предвидеть — где-то в кротовьих норах. Именно так мы окажемся под землей, среди мертвых, только не в качестве мертвецов...

Под землей? Это с нашим-то богатырским сложением, с нашими страусиными габаритами?.. Это как же будет? Мне трудно себе представить, как мы роем когтями ходы и лазы в матушке-земле, отчего когти наши делаются все более устрашающими, в то время как крылья все более атрофируются, и как мы грызем друг с другом... Огромные птицы, бывшие властелины небес, роющие себе норы, — разве это не посмешище? Разве не жалкое зрелище?

Однако не факт, что мы останемся огромными птицами. Вполне возможно, что к тому времени мы, потомки дюжих мадагаскарских страусов, сморщимся, и усохнем, и будем росточком с мышку-полевку или даже с кузнечика.

Ведь, может быть, крот, до того как дойти до жалкого состояния, тоже начинал, как мы. Парил под облаками, наблюдая орлиным взором за миром, а потом стал сдавать, и вот он уже только щурится, тыкается вслепую в подземной норе — со смущенной ухмылкой на морде, не понимая, что происходит вокруг, — и все роет и роет свои ходы, не ведая, чего ищет; но я знаю: он ищет себя и все то, что уже забыл, — высоту, про-

стор, голубое небо, облака, полноту бытия, свет, свободу. И быстрые крылья.

И тогда я подумала: ну а вы, крылья наши страусиные, на что вы сгодитесь нам там, внизу, — там, долу, как молвил бы соловей? Может, только на то, чтобы смахивать вами песок с глаз или стряхивать с брюха грязь?

А что если завтра, когда прозвучит шофар, я не взмою под облака, чтобы взять курс на юг, и все кончится самым жутким образом на Переработке? Кто из страусов тогда разгадает, кем мы были и почему разучились летать? Кто сможет понять, что дело вовсе не в атрофии мускулатуры? Что это лишь следствие?

Крылья наши еще и сегодня помнят полеты, поэтому каждый страус — памятник, о господи, скоро начнет светать!.. — а еще эти крылья помнят о том, что некогда, еще до того, как он впал в грех беспечности, наш род, обладая блестящим наследием, был призван к большему, призван к лучшему, но забыл об этом, и с тех пор вбирает в сознание и инстинкты только все низменное и порочное.

Где-то хрустнула веточка, и послышались скользящие мягкие шаги — это мокасины индейцев, в чьих ружьях колышется на ветру ковыль-трава. Ступив на тропу войны, они пришли к нам, но остались одни, потому что, пока они шли, борьба за свободу была подавлена.

Но это, конечно, не их вина!

И куда им теперь податься? Надеть широкополые шляпы и тоже пойти в углежоги?

Я не знаю, есть ли у меня душа, но если есть, то, быть может, сегодня ночью мне удастся ее очистить, ведь понятно, что только с душой незапятнанной, sine macula, я смогу взлететь — легко воспарить и без особых усилий в один перелет одолеть гигантское расстояние, добраться до самой Лимпопо, не останавливаясь на отдых, хотя не исключено, что в Египте у нас будет возможность передохнуть, пускай и недолго.

Интересно, сколько нас будет? Тех, кто захочет — и сможет — завтра взлететь и отправиться вместе со мной? Ну а те, кто останутся?

Я не должна бояться, ведь Тот, кто изрек этот мир, помнил и обо мне, знал, что хочет посредством меня сказать. Поэтому я, словно героиня романа, которая, выглядывая из книги, расспрашивает автора: ну а со мной что будет? — именно с таким жадным любопытством я жду, когда же раскроется, ка-

кую судьбу уготовал мне Автор. Ну а что если Автора нет, а есть лишь неуправляемый нарратив наподобие кораблей-призраков или фантомных железнодорожных составов, маневрирующих вокруг станции Кочард?..

Рядом со мной что-то колыхнулось. Даже не видя ее очертаний, я знала, что это на ближнюю ветку села моя подруга Нуар.

— Тревожишься, Лимпопо... боишься завтрашнего дня, не так ли? — голосом совы спросила меня темнота.

— Как думаешь, все получится? — спросила я в ответ. — Ведь это последний шанс для нас.

— Я знаю, — сказала она.

— Утром за нами должны приехать и куда-то нас отвезти.

— В переработочный цех.

— Боже, только не это, — вздрогнула я. — Я не хочу такого конца... Как ты думаешь, что теперь будет? Что будет с нами?

— Я тебе завидую.

— Мне? Это почему?

— Ты счастливая, потому что тебе удалось снова обрести метафизическую опору. А это самое важное. Это даже важней, чем способность летать.

— А что это за мета-фи-фическая опора?

— Метафизическое равновесие — это ангел. Он дает нам уверенность в причастности к бытию... Он следует за твоей звездой и имеет ключи к вратам...

— ...но послушай, Нуар, откуда известно...

— ...и тот, кто укоренен в бытии, обладает и этой уверенностью. Если этого нет, то мы говорим об отсутствии в жизни метаф. опоры. Говорим, что не разглядели мерцающий где-то в подвальной каморке сердца слабенький огонек, который, бывает, так освещает все сердце, что оно светится, как фонарик, который качается на ветру в ночи.

Я представила себе темноту, в которую погружено почти все наше сердце.

— И тот, кто...

— Кто сопричастен бытию, тот, через эту свою сопричастность, познает и всю полноту бытия, как эти бедные князья-глухари, живущие здесь на лиственницах в виде привидений.

— Не знаю, что и сказать...

— Никто не знает сейчас, взлетишь ли ты на восходе солнца, чтобы через неделю носиться уже по саванне со своим суженым Максико. Я слышала, ты обещала ему сегодняшнюю ночь. Это правильно, — сказала сова, и я покраснела, чего в темноте, к счастью, было не видно.

— Не надо краснеть, Лимпопо, — продолжала моя подруга. — Все хорошо. А что касается завтра, то я полагаю, что душа твоя, которая невесть за какие былые грехи, возможно, была уже на краю погибели, теперь вновь свободна, а стало быть, сможет опять обрести незримые связи со всеми другими душами. "Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством", — так сказал один знаменитый английский поэт-метафизик, бывший также и звонарем, если не ошибаюсь...

— И, следовательно, выходит, что каждое рождение будет возвеличивать и меня?

— ...у кого есть душа, тот способен ощутить полноту бытия. Точно так же, примерно, как мы ощущаем ушами звук, а глазами свет, каким бы ничтожным он ни казался в бездонном мраке. Точно к тому же способна и душа — ощущать таинственный свет, зачастую не более сильный, чем блики далекой звезды, еле слышно царапающий нашу сетчатку...

— Значит, ты думаешь, у меня есть душа?

— Когда ты организовывала побег и летные тренировки, когда занималась уроками пения, когда спорила с другими об Африке, когда ты была в зоопарке и когда пыталась учить свой народ, планировала его будущее — ты и сама не заметила, как твои слова и поступки стала направлять душа. Среди страусов, поверь мне, такое бывает нечасто... Я с тобой, Лимпопо, — завершила сова. — А теперь ступай, тебя ждет твой жених.

— Я хотела бы написать несколько строчек Петике. Ты передашь ему?

— Разумеется. Об этом не беспокойся.

Я услышала, или, может, мне только примнилось, что она взлетела. Как-то давно я сказала ей: "Ты знаешь, Нуар, ты летаешь ну прямо на цыпочках". Именно так она растворилась среди ветвей и на этот раз.

Петике, в усвоенном от него же стиле, я написала следующее:

Мрачную камеру моего сердца сейчас осветила свеча. Но прозрачные, как стекло, слова ничего обо мне не расскажут, друг мой, и будут молчать до конца времен. Слушай же эти слова, пока я не вернусь. И

После "И" я наклеила цветок незабудки. А на обратной стороне листа поместила цитату, найденную в одном из манускриптов, которые под фальшивыми переплетами валялись в сарае. Возможно, это были слова Мани:

И вот я освободился от мира ошибок. Я сбросил с себя шкуру льва. Я не позволил недругам задуть мой светильник. И бег свой направил в сторону блага. И вернулся на родину, радостный и ликующий. Гляди же: теперь я освободился даже от бремени смерти!

Возвращаясь из леса, я заметила у забора фермы нечто меня поразившее. Трое охранников закладывали кирпичом последние проломы, через которые мы обычно убегали в лес и возвращались обратно. Я едва успела проскользнуть на ферму. Кирпичи, суживая проход, ложились один на другой. Неужто китайцы? — подумала я, но времени на наблюдения у меня не было.

Когда я подошла к самым клеткам, от забора отделилась тень. Это была Пики, поравнявшись с которой, я услышала:

— Have a great night, Лимпопо.

— Ты что, свихнулась, Пики? Что значит "хэвэгрэйт"?

— Я просто пожелала тебе бурной ночи! Адьё, и до несвидания в Африке.

С одного из столбов ограды доносился монотонный голос Очкарика: сикось-накось, накось-выкусь, фокус-покус, бляха-муха, фигли-мигли, стуки-бряки, моле-кула, кука-реку...

Я вернулась домой. Максико, как мы и договаривались, ждал меня у колодца.

— Любовь. Тебе это слово знакомо, или его тоже стер в твоей памяти Глыба?

Неожиданно послышалась песня дрозда. Я узнала голос совы Нуар, которая подражала дроздам, которые мастерски подражали поэту, который, в свою очередь, подражал дроздам. Я повторила вопрос:

— Так ты знаешь, что такое любовь?

— Не знаю.

— Тогда пора узнать. Пойдем?

— Пойдем.

Дрозд запел о любви, которая на легких крылах облетает все уголки вселенной, из-под ног ее искрами сыплются звезды, и она, как огромная горнолыжница, мчится к нашей планете, чтобы наполнить собою сердца счастливых избранников.

151. *Конец*

Полночь давно уже миновала, скоро рассвет. Мой милый и верный возлюбленный Максико тоже заснул.

— Дгл, дгл, плёп, плё-лё-лёп, — вдруг послышалось далеко за забором, с ветвей большой лиственницы, — плёп-плёп, дёг-дёгл-дёгл...

Я знала, что это голос разыскиваемого с собаками князя, спрятавшегося так, что его никогда не найти, — голос призрака трансильванского глухаря, последнего из своего племени, чьи сыны перессорились-передрались, а дочерей соблазнили соседи... Плёп-плёп-плёпёлёп... А может быть, это грохот приближающихся колымаг и подкованных задом наперед коней нарушает ночное безмолвие?

Или стук легкой двуколки Матакита? Или сюда направляется странный мужик в своей крытой фуре, на тенте которой когда-то давным-давно изобразили пришествие венгров? Интересно, что за народ были эти венгры? Или скачет сюда из саванны Южная Звезда, и почти уже доскакал до забора фермы? Или я слышу биение своего сердца?

Вскоре под предводительством воздушного адмирала альбатроса Альби мы двинемся в путь.

Все пока спят по своим клеткам, спят глубоко, собираясь с силами, ища, призывая в самих себе ту немую, не шевелящую даже крылом, но все-таки не пропавшую птицу, которую кто-то наверняка отыщет в себе этой ночью, а кто-то уже никогда.

...Словом, завтра, когда охранники явятся, чтобы всех нас угнать на бойню, они обнаружат пустые клетки — а нас и след простыл!

— Што за шорт? — изумится шепелявый Злыдень. И, как знать, может, вечером, в пивнушке на окраине Коложвара или в "Русалке Самоша", кто-нибудь из дружков Зашибленного будет ему рассказывать: представляешь, сегодня ни свет ни заря меня разбудили какие-то звуки. Выхожу на крыльцо и при свете солнца, которое только-только восходит, и еще не погасших звезд замечаю, как под облаками несутся причудливой формы огромные тени. У одной из них под мышкой сверкает золотой диск. Они летят под звездным небом на юг. И поют.

Комментарии

1. О *языке страусов*

(Заметки автора-переводчика)

В заключение — несколько слов относительно самого языка страусов. Грамматический строй этого языка не знает ни достаточно четких различий между прошедшим, настоящим и будущим временами, ни привычной триады подлежащее—сказуемое—дополнение. Можно сказать, что субъект высказывания, авторское "я" в речи страусов, до конца не отделены от вещей и событий мира. Таким образом, сознание говорящего как бы склеивается с предметом, неразличимо сливается и отождествляется с ним. Сказанное можно представить примерно так, как обстоит в некоторых человеческих языках в первом лице единственного числа — мы говорим: пью, бегу, пишу, — и эти формы включают в себя действующий субъект (я пишу, я сплю). А иногда, как, например, в венгерском, такое возможно и во втором лице: látlak, szeretlek, várlak (я вижу тебя, я люблю тебя, я жду тебя). В индоевропейской семье языков едва ли найдется еще один, в котором одна словоформа могла бы в себе сконцентрировать одновременно и действующее лицо, и само действие, и другое лицо, на которое это действие направлено.

Кто-то может из этого заключить, что язык страусов — родня венгерскому. Однако тот лингвистический гений, который у венгров проявляется в сиротливо единственной этой глагольной форме, у страусов порождает целую вакханалию подробностей и взаимосвязей, поражающих алогичностью и богатством. Все, что сразу охватывает их взгляд или восприятие, их язык не дифференцирует. Страсть к конкретному, единичному, сиюминутному, частному сочетается у них с полным отсутствием склонности к обобщениям, способности создавать понятия, символы и идеи.

Так, страусы не знают множественного числа и, похоже, даже не догадываются, что в мире что-то может быть "сосчитано", то есть поставлено в один ряд с другими подобными же вещами, иными словами, отнесено к некоей категории. Все сущее для них уникально и единственно в своем роде. ("Два страуса" — выражение бессмысленное. Есть один страус и, рядом, еще один. И это не то же самое, что два страуса. Точно так же не может быть трех страусов, а может быть только

один страус, еще один страус и еще один страус.) Сходство внешних признаков — еще не достаточная причина, для того чтобы растворять индивидуум, или хотя бы индивидуальность какой-либо вещи, в фиктивной категории множественного числа, этом абстрактном плавильном тигле всего и вся. Таким образом, выражения вроде "два страуса" или "две клетки" для них совершенно непостижимы — по их мнению, речь всегда может идти только об одном страусе, иногда в сочетании с еще одним страусом, опять-таки необъединимым с другими и ничего общего с ними не имеющим. (Но ведь я — это я, а не "два"!) Точно так же и с клетками — каждая из них является особой, конкретной, обладающей собственной сущностью клеткой; вполне допустимо, что у них есть и общие свойства, но это не повод, чтобы две клетки считать одной (точнее, одну — двумя). То есть эти общие признаки невозможно объединить, как невозможно дважды съесть одно яблоко, или "съесть его еще раз", ведь это яблоко опять будет уникальным (а значит, единственным), хотя и другим.

Взять хотя бы первую фразу этих записок: "И чего мы здесь ищем, на этой ферме?" Действительное содержание этого глагола в оригинале: искали/ищем/будем искать. То есть — чего мы ищем (уже сколько времени, с каких давних времен) и, поскольку, как надо думать, ситуация эта не изменится, (неизвестно, до каких еще пор, как необозримо долго) будем искать. Таким образом, для перевода в данном случае больше всего подошла бы форма глагола несовершенного вида, выражающая действие, переходящее из прошлого в будущее.

Подобно тому, как в китайской письменности используются не буквы, а символы, или иероглифы, означающие целое слово или понятие, так и грамматические конструкции в языке страусов отличаются такой гибкостью и пластичностью, что любая ситуация может быть выражена особенным, нестандартным языковым клише. Складывается впечатление, будто грамматическая система времен, наклонений, спряжения и склонения обладает в их языке такими резервами, которых вполне достаточно, чтобы отобразить любое, какое только можно представить, жизненное положение.

Самая главная сложность для любопытствующего постороннего заключается в том, что строительными элементами языка страусов являются вовсе не буквы какого-нибудь алфавита. Речь их складывается не из звуков и даже не из слогов, а из слов и особого языкового связующего материала, поддающегося не морфологическому, а в лучшем случае разве что фонетическому описанию.

Таким образом, языковая репрезентация конкретных жизненных ситуаций происходит не с помощью привычных схем, шаблонов и парадигм. Фраза типа "выла собака", как неконкретное высказывание, абстрактное сообщение, в этом языке, пожалуй, вообще невозможна. На страусином в этом простом высказывании будут содержаться указания на место (у забора), время (ночью, при луне), продолжительность (коротко, долго), на объект и цель (на кого и зачем выла), на способ (тихо, во всю глотку) и т. д. и т. п. Человеку, который захочет понять и использовать этот язык, он подарит ошеломительный опыт острого, зоркого, насыщенного, естественного и спонтанного восприятия событий во всей их неповторимой сложности, текучести и динамике, и фантастические впечатления от протекающей прямо на глазах жизни.

Нет в этом языке и предложений — его конструкции бесконечно ветвятся и растекаются, проникают друг в друга, поражая непосвященного немыслимыми семантическими интерференциями. Если взять для сравнения шахматы, то логика этого языка напоминает не прямолинейные перемещения ладьи, а скорее ходы конем. Можно сказать, "ход конем" — это способ мышления страусов. А также их речи.

Какое-то время меня завораживала задача передать язык страусов во всей его фантастичности, как текучий, нерасчлененный на фразы поток с его недоступными человеческому разумению грамматическими конструкциями и неслыханными оборотами. Но потом я понял: текст подобного рода мог бы стать интересным, с точки зрения философии языка, документом, и даже в стилистическом отношении принес бы кое-какие открытия, сделанные в процессе волнующей лабораторной работы, но все это так осложнило бы чтение, что терпение любезного читателя лопнуло бы на первом абзаце. (Вернемся-ка к упомянутой выше начальной фразе. Если интерпретировать достоверность как буквализм, то фразу эту я должен был бы перевести приблизительно так: "Кто же некогда породил и порождает поныне страуса именно в этом месте, дабы он был еси, есть и будет здесь?")

Вот почему, выполняя просьбу издателя, я отложил буквальный перевод и создал внятный обычному человеку вариант (вспоминаю свое детское чтение: *Перевел и переработал для юношества Тивадар Синнаи*). Много ли в нем искажений? Пожалуй, не больше, чем в переводах с русского языка, в котором совсем нет артиклей, — тем не менее "Преступление и наказание" и "Войну и мир" переводчики всего мира без зазрения совести перелагают на свои языки таким образом, что всяческих der, die, das, a, the, le, la, il, les, las и los в этих переложениях как песку морского.

Примерно так поступал и я. С нескрываемой гордостью упомяну также, что по ходу дела я дошел до того, что местами начал передавать даже некоторые огрехи, допускаемые Лимпопо (и другими), разумеется, отдавая себе отчет в том, что всякий другой переводчик наверняка облек бы оригинальный текст и заложенное в нем послание в совершенно другую словесную оболочку.

С учетом сказанного и прошу вас читать этот текст.

2. *Об отдельных словах, выражениях и реалиях*

(Заметки венгерского издателя)

Крепость Ф. (гл. 3 и др.) – укрепление, крепость, город по соседству с местом действия.

Странным образом как в предисловии автора, так и в записках страусов этот город, расположенный неподалеку от фермы, обозначается именно этой начальной буквой. Конечно, издательство может заблуждаться, но все же считает нужным обратить внимание читателей на розенкрейцеровский роман герметика Генриха Ноллиуса[1], автор которого пишет в своем предуведомлении:

Есть на Востоке замок, который одни называют замком счастья, или Фортуны, другие же – замком мудрости. В замке этом природа явлена нам без покровов тайн, и небесные и земные сокровища вечной мудрости также можно здесь созерцать совершенно свободно.

Разумеется, мы не утверждаем, что страусиная ферма находилась прямо под стенами этого замка. Но коль уж мы взяли в руки роман, процитируем некоторые места, например, следующие слова из авторского предисловия:

Мир, всецело погрязший в скверне и мерзости, осознал, что истинную жемчужину, скрытую под убогим вретищем, дано узреть только глазам души.

1. Генрих Ноллиус (Нолле) (ок. 1590–1626) – немецкий алхимик, философ и богослов, последователь знаменитого врача и оккультиста Парацельса. Оставил после себя труды на латинском языке, и в частности, роман-утопию "Парергон [добавление (*греч.*)] к Зерцалу философии" (1623), переведенный до сих пор только на венгерский язык. Герой романа, юноша Филарет, отправляется на поиски высшей мудрости и после невероятных приключений и испытаний добывает ключи от замка фортуны, где хранится философский камень.

А в главе четвертой говорится дословно так:

Кто узнает дорогу к замку Фортуны и дойдет до врат, крепко держа в руках ключи, коими оные отпираются, тот узрит и постигнет все, что только есть во вселенной.

В конце концов герою розенкрейцеровского романа удалось отомкнуть врата замка, над которыми горел такой яркий карбункул, что при свете его впору было читать.

Когда же Филарет проник во дворец поглубже, то увидел на потолке маленькое, ослепительно сияющее солнце. Оно было точным подобьем большого солнца, царящего в макрокосме, и светом сего малого солнца был залит весь замок со всеми его чертогами.

[В одной из небольших комнат] были разные зеркала, показывавшие удивительный облик вещей. Были там, например, дальнозоркие зеркала, с помощью коих ты мог различать буквы даже на расстоянии в три мили. Из той комнаты они проследовали в пятую, где находились всякие колокольцы, коими можно было вызывать души. Стоило позвонить, и к тебе поспешала чья-либо душа, и ты мог с ней общаться.
(*Парергон к Зерцалу философии. Розенкрейцеровский роман герметика Генриха Ноллиуса / Перев. с лат. Петера Касы.* Сегед, 2003. — Серия "Публикации молодых философов".)

Трансильванские князья (гл. 73 и др.). Издатель далек от мысли искать какие-либо связи между мотивами дневника барышни-страусихи и романа Генриха Ноллиуса; точно так же мы не считаем возможным отождествлять замок фортуны с каким-то реальным городом.

Но чтобы представить себе, какие необыкновенные города существуют в виртуальной истории Трансильвании и какой необъятной властью обладали порой тамошние князья, стоит заглянуть в одно из малоизвестных сочинений Якоба Палеолога[1], которое появилось на свет примерно за полвека до романа Ноллиуса (изданного в Гиссене в 1623 году).

Богослов Палеолог, один из апостолов унитариев, приглашенный в Коложвар епископом Ференцем Давидом[2], в

1. Якоб Палеолог (ок. 1520—1585) — греческий протестантский теолог, сторонник антитринитаризма (течения, отрицающего догмат Троицы). В 1571—1575 гг. жил в Трансильвании. Казнен в Риме по приговору суда инквизиции.
2. Ференц Давид (ок. 1510—1579) — известный венгерский религиозный деятель, основатель и первый епископ Трансильванской церкви унитариев.

подробностях повествует о том, как трансильванский князь Жигмонд Янош[1], получив поручение свыше, устроил на небесах вселенский собор с прениями о вере. С этой целью князь воздвиг на Олимпе, в долине Темпе, нечто вроде небесной копии Коложвара. Жигмонда Яноша Палеолог выводит в своем произведении под именем короля Иосии, а виртуальный Коложвар называет Янополисом. Вот лишь некоторые выдержки из этого сочинения:

Местом выбрана была Темпейская долина, при том что границы ее раздвинули вширь и вдаль, убрав помехи вроде лесов, рощ, оврагов, а все это случилось по мановению короля, ибо Всевышний велел природе повиноваться воле Иосии.

Посередине долины Темпе, окруженный мощными стенами, возведен был неимоверной ширины и длины прямоугольный град Янополис. Во граде том было много роскошных дворцов для приема бессчетных гостей со многим числом золотых и серебряных скамей и стульев затейливой формы, с узорами из драгоценных камней на стенах, с гобеленами и коврами. Город пересекали прямые улицы, крытые не булыжником, а чистым сверкающим золотом, в котором отражались фигуры прогуливающихся и стоящих прохожих. Стены крепости и дворцов сложены были из серебряных кирпичей с цветным отливом, в каждом — по многу тяжелых талантов, а швы кладки, которые мастера оставляли пустыми, заполнены были большими и малыми самоцветами и являли собою зрелище феерическое. Иосия распорядился, чтобы солнце стояло всегда ровно посередине неба, а под ним скользили бы легкие облачка, дабы свет и тепло приятны были обитателям града. А земле же велел не отражать лучей, ибо оное отражение производит жару, а пропускать их в подземный мир, к антиподам, — и тогда впервые подземный мир узнал свет земной и антиподы узрели солнечные лучи.

Венгерский народ, воспользовавшись торжествами по случаю прений, покинул свои дома; к королю Иосии, аж в самый Коложвар, была послана депутация с просьбой, чтобы дозволил им, помимо места проведения прений, посетить и весь Старый и Новый Свет, а коль скоро у короля есть такая власть, сделать еще и так, чтоб при этом они могли оставаться и дома, исполняя каждый свои обязанности, больше того, могли бы свободно бывать, где их душе угодно — ибо границ в эти дни не существовало, — весь мир осмотреть, оставаясь одновременно и в рядах слушателей собора. И ко-

1. Жигмонд Янош (1540–1571) — избранный король Венгрии (Янош II), чье право на трон постоянно оспаривали Габсбурги. Фактически — князь Трансильвании, в которой он положил конец религиозным междоусобицам, отменив государственную религию и впервые в Европе узаконив свободу вероисповедания для четырех основных конфессий.

роль исполнил просьбу самого любого его сердцу народа и дозволил ему даже больше, чем тот просил, и не только ему, но и всем народам, живущим под небом Господним.

С пышной, ласковой, преисполненной любви речью обратился Иосия ко всем курфюрстам и королям, князьям и герцогам, графам и баронам, сеньорам и рыцарям, дворянам и простым подданным Священной империи, стоявшим в разных местах. Точно так же, лично, одновременно и сразу во многих местах, он принимал христианских князей, маркграфов и королей.

Однако когда к воротам прибыл французский король Карл[1], ангелы, стоявшие на страже, прогнали его от замка, мол, в Янополисе нет места вероломству.

Прибыл и король шотландский. А английская королева Елизавета сперва колебалась, опасаясь, что, будучи единственной особою женского пола в таком многолюдном мужском собрании, не поставит ли под сомнение законность своих монарших прав.

Каждый день длился вечность.

И, как я уж упоминал, никто не знал ни препятствий, ни устали, все было возможно. В одном месте могло находиться людей бессчетно, а один человек мог быть сразу в бессчетном множестве мест. Кто был на правой стороне, мог быть и на стороне левой, кто вверху — тот внизу, кто позади — тот спереди, или быть сразу и семо и овамо, если он того пожелает. На утренней и вечерней заре у двенадцати городских врат стражники принимались трубить в трубы и бить в барабаны, ветер подхватывал благоухания, птичьи трели и звенящее в небесах сладкозвучное пение ангелов, осеняя ими всю округу.

Первый день завершился совместной проповедью Иоганна Зоммера и Николо Паруты[2], каковую они читали всяк на своем языке, но все слышали ее, как единую речь.

[После этого Иосия] проводил гостей в их покои, спускаясь сразу по нескольким лестницам, говоря любезные речи, с одними только присаживался к столу, <...> с другими разделял трапезу.

Но вот занялось утро второго дня, хотя на самом-то деле день продолжался все тот же. <...> Наступил час словесного поединка, все умолкли, никто не мог говорить, хотя все посланники были наделены даром выражать речью молчание, а молчанием — речь, могли кричать, не нарушая безмолвия, и безмолвствовать, крича во весь голос.

Тогда слово взял Ференц Давид...

Пожалуй, этих выдержек из сочинения Якоба Палеолога, казненного впоследствии в Риме, будет достаточно, чтобы

1. Имеется в виду Карл IX, печально известный массовой резней гугенотов в 1572 г. (Варфоломеевской ночью).
2. Известные протестантские проповедники, действовавшие в конце XVI в. в Трансильвании.

понять, что замок фортуны, Янополис и Коложвар, если и не являются одним городом, все же связаны между собою загадочными незримыми нитями.

Цитаты заимствованы нами их текста "Схоластического диспута" ("Disputatio scholastica"). Любопытно, что в другом произведении Палеолога ("Двенадцатидневное поучение") Ференц Давид обучает теологии индейца по имени Телефус, неизвестно какими путями попавшего из Мексики в Коложвар.

Все эти работы вошли в хрестоматию "Дискуссии о вере, небесные и земные", которая вышла в 2003 году в издательстве "А Дунанал" (пер. с лат. Я. Надьиллеша, ред. Михай Балаж).

Суперлимба (гл. 12.) — особая частота мозговых колебаний, на которой телепатически, без каких-либо языковых ограничений, могут общаться друг с другом люди и животные. Эта способность развита не у всех людей.

Чертогон-трава (гл. 3, 132 и 133).

В 1289—1296 годах в Киликийской Армении правил царь Хетум II, оставивший книгу, в которой мы можем прочесть о свойствах растения, называемого синайской чертогон-травой. Согласно запискам царя, когда Моисей восходил на Синайскую гору, на чертогон-траву его внимание обратил ангел. Отваром ее Моисей исцелил свою бесноватую сноху. Растение это армяне наделяли чудодейственными свойствами. Сбор его подчинялся особому ритуалу. Священник с крестом и евангелием отправлялся на место, где оно росло, по пути распевая псалмы. Выкапывали его, по указанию священника, вместе с корнем и относились к нему с великим почтением. И на протяжение столетий сохраняли веру в то, что растение это изгоняет дьявола, нечистую силу из одержимых — иными словами, не подпускает близко лукавого.

Об этом, в связи с приготовлением супа ангаджапур, можно прочесть в статье Иштвана Сёча и Пала Ковача "О кухне армян Трансильвании". А короля Хетума II, который в 1300 году захватил Иерусалим, а позднее под именем Иоанна постригся в монахи, через какое-то время убили.

И, как бомба разрываясь... (гл. 135). — Фрагмент арии Базилио о клевете из оперы Россини "Севильский цирюльник".

Улица Конца Света (гл. 115) — это название указывает на космические масштабы: в Ф. может произойти что угодно. Кстати, конечная граница мира пролегает там же, где и конечная

граница языка. Известно также, что Финистер, департамент на северо-западе Франции, получил свое наименование от латинского finis terrae, а в венгерском городе Веспреме этим же именем названа часть аллеи в городской крепости, не имеющая продолжения, "ведущая в никуда", где сегодня красуется памятник королевской чете, устремляющей взоры в будущее. А еще, кроме прочего, название этой улицы вызывает в памяти одно из стихотворений Шандора Ременика:

Над Коложваром снежная гора
Синеет. Если поглядеть с базара,
За Монастырской улицей — гора.
Теперь я знаю, там конец вселенной.
.....

Над Коложваром синяя гора.
Уже под сединой ее холодной
Бурлят ручьи, и снова разлился
Вокруг подножья Самош полноводный.
О Самош, вспять повернутая Лета!
Здесь верят: кто напьется из него,
Вовеки не забудет ничего.

3. Использованная литература

Фарид ад-Дин Аттар. Логика птиц
Пикатрикс (Цель мудреца), приписывается Аль-Маджрити
Альфред Эдмунд Брем. Жизнь животных
Мани. Жемчужные песни. Книга псалмов
Омар Хайям. Рубаи
Низами. Лейли и Меджнун
Конрад Лоренц. Кольцо царя Соломона
Якоб Икскюль. Странствия по мирам обитания животных и человека
Якоб Икскюль. Невиданные миры
Джулиан Хаксли. Эволюция. Современный синтез
Джулиан Хаксли. В зоопарке
Херберт Нильссон. Идея развития и современная биология
Жигмонд Сечени. Дневники охотника
Ласло Крижан. Исследователь тайн пустыни (О Ласло Алмаши)

4. Дополнительные комментарии переводчика, переводившего этот текст с венгерского языка на русский

В "комментариях венгерского издателя", которыми заканчивается книга, содержится также исчерпывающая информация об источниках стихотворных и прозаических цитат, которые в изобилии встречаются в дневнике барышни-страусихи.

Эту часть, для русского текста иррелевантную, мы сочли возможным опустить. И вместо этого указать с возможной подробностью те русскоязычные источники, которые использованы нами в переводе.

О прозе. Цитаты из романа "Южная звезда" Жюля Верна (гл. 70, 74, 76, 85) приводятся по изданию: Верн Ж. Южная звезда. Восемьдесят дней вокруг света: Романы. — СПб.: Logos, 2000. — Серия "Библиотека П. П. Сойкина" (переводчик не указан). Однако не все отрывки из этого увлекательного повествования принадлежат Ж. Верну. Иногда Лимпопо пересказывает роман своими словами (гл. 42, 50), а порой, давая волю фантазии, дополняет классический текст новыми эпизодами (как в гл. 113, 114,). Такие вставные сюжеты, как и некоторые другие "собственные" произведения барышни-страусихи — сказки, притчи, которые по ее словам, "непонятно откуда берутся", — выделены шрифтом. Что касается их источника, то на этот счет можно высказать только предположение: вероятно, все это части забытого знания, которым страусы обладали, когда они еще умели летать.

О драматургии. Фрагменты комедии У. Шекспира "Сон в летнюю ночь" (гл. 63, 68, 71, 79, 81) в венгерском тексте приводятся в переводе Яноша Араня. Для русской версии книги из многочисленных переводов этой пьесы был выбран неканонический и, по нашему мнению, наиболее подходящий к стилистике "Лимпопо" перевод Осии Сороки, изданный под названием "Сон в шалую ночь".

И несколько подробнее — *о поэзии.*

В тексте встречаются выдержки из стихотворных произведений многих классиков мировой и венгерской литературы.

Стихотворение Михая Томпы "К аисту" (гл. 85) цитируется в переводе В. Левика.

Стихотворение Михая Вёрешмарти "Птичьи голоса" (гл. 67, 69) переведено Д. Самойловым.

Авторство "Ночного монолога", заключающего гл. 40, принадлежит Гезе Сёчу, а его перевод на русский — Марине Бородицкой[1]. Ей же принадлежит и перевод неустановленного немецкого поэта в гл. 117. Вообще, заслуги замечательного поэта и переводчика М. Бородицкой в создании

© Марина Бородицкая. Перевод стихов, 2012

русскоязычной версии этой книги следует отметить особо. Кроме упомянутых, ее перу принадлежат переводы фрагментов стихотворения Анны Леснаи "На песнь дрозда" (гл. 48), частушек и песенок сатиров из гл. 87, стихотворных текстов в гл. 111, 112 и 114, стихотворения китайского поэта Сун Юя и других стихотворных фрагментов в гл. 115, "китайского" стихотворения Лимпопо из гл. 122, "сонета" неизвестного автора (гл.128) и там же фрагмента стихотворения Эндре Ади "В бешеном смертном бою", стихов Петике из его письма Лимпопо (гл. 148) и заключающей "комментарии венгерского издателя" элегии трансильванского поэта Шандора Ременика "Над Коложваром снежная гора".

Цитата из Альфонса де Ламартина в гл. 117 приводится в переводе И. Козлова.

А четверостишие из эпоса Низами (гл.79) дано в переводе Т. Стрешневой.

Отдельно скажем о переводах из Омара Хайяма. Комментатор венгерской версии отмечает, что в гл. 57 альбатрос Альби (в оригинальной страусиной рукописи) бормочет рубаи Хайяма, естественно, на фарси, но Геза Сёч, простоты ради, приводит эти строки на венгерском. Точно так же поступили и мы, воспользовавшись переводом В. Державина из книги: Омар Хайям. Рубаи. Лучшие переводы. Ташкент, ©Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1982.

Неизвестно, почему права на бессмертные строки Омара Хайяма (или только на переводы?) присвоило себе Издательство ЦК Компартии Узбекистана, зато хорошо известно, что русские переводчики блестяще переводили с фарси рубаи Хайяма и до, и после возникновения названного издательства. Например, мысль Хайяма о том, что рай — это не место, а состояние души (см. гл. 92), воплотилась в строках переводчика Германа Плисецкого:

"Ад и рай — в небесах", — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай — это две половины души.

А Владимир Державин эту же мысль Хайяма передал в строфе:

Сперва мой ум по небесам блуждал,
Скрижаль, калам, и рай, и ад искал.
Сказал мне разум: "Рай и ад — с тобою, —
Все ты несешь в себе, чего алкал".

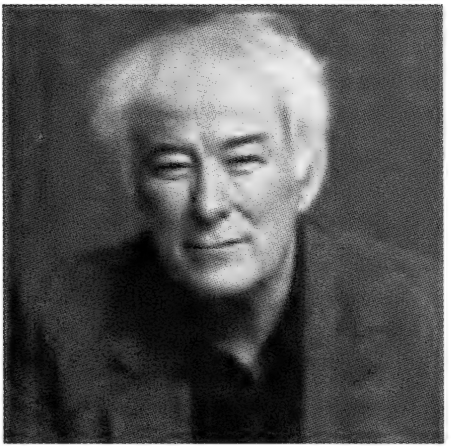
Кстати, один из лучших венгерских переводчиков Омара Хайяма Андор Сиклаи в своих комментариях обращает внимание читателей на то, что за полвека до Хайяма ту же мысль людям, в потемках блуждающим в поисках рая, внушал арабский поэт и мыслитель Абу-ль-Ала. (О Марло не будем и говорить.)

Строки Хайяма цитирует в своем письме и Петике (гл. 149), которые мы приводим также в переводе В. Державина. А говоря о зеркале реки, в которое смотрятся птицы, Петике явно воспроизводит для Лимпопо картину венгерского художника Шандора Балинта.

И, наконец, о том, с чего, может быть, стоило начать. Ни автор, ни издатель в своем комментарии не раскрывают нам, почему эта книга посвящена писателю Уильяму Листу Хит-Муну, автору замечательных книг о путешествиях по Америке. Чтобы пояснить это, нам придется обратиться к одному эпизоду четвертьвековой давности, когда в Венгрии правили еще коммунисты, а в соседней Румынии дела обстояли и того хуже. Там была личная диктатура "великого кондукатора" Чаушеску, и наш автор, преследуемый за издание самиздатовского журнала и иные провинности, находился, можно сказать, в положении Лимпопо. Осенью 1985 года в Будапеште на Европейском культурном форуме, проходившем при стечении огромного количества дипломатов и деятелей культуры, член американской делегации Уильям Хит-Мун, писатель индейского происхождения, неожиданно для собравшихся заговорил о том, что, как ему стало известно, румынские власти содержат под домашним арестом поэта Гезу Сёча и стражу порядка, надзирающему за его квартирой, дано указание, как только тот сядет за пишущую машинку, вырывать из нее бумагу. И призвал правительство этой страны "к поэтам относиться как к национальному достоянию".

Так вот откуда в этой книге взялись индейцы, может сказать читатель. Выходит, роман этот автобиографический? И будет в конечном счете прав. Ведь творческое воображение для того и дается писателю, чтобы он смог донести до других то, что сам пережил, и то, что его в этой жизни волнует.

Шеймас Хини



Нобелевская премия, 1995 года

Стихи из книги "Цепь человеческая"

Перевод с английского и вступление Григория Кружкова

Неразрывность

"Цепь человеческая" — двенадцатая книга стихов Шеймаса Хини. Предыдущая, "Пересадка на кольцевую", вышла в начале 2006 года; подборка из нее в русском переводе публиковалась в "ИЛ" (2007, № 6). В промежутке произошло несколько важных событий. Летом 2006 года Хини перенес инсульт, после которого, к счастью, сумел полностью восстановиться. Но стиль жизни пришлось откорректировать, объем выступлений, лекций, зарубежных поездок и так далее — резко сократить. В 2008 году вышла книга его бесед с поэтом и критиком Денисом О'Дрисколлом "Ступени" (название "Stepping Stones" нелегко перевести, в самом употребительном смысле оно означает цепочку камней, по которым переходят реку). Объемистый том разбит на главы — по отдельным сборникам Хини — и представляет собой автокомментарий поэта к своим стихам — важнейший источник для всякого исследователя и переводчика. В 2009 году поэтический мир отметил семидесятилетие Шеймаса Хини; он по-прежнему самый читаемый из живущих англоязычных поэтов. И вот, наконец, новая книга стихов.

Она как будто замыкает некий круг (цифра двенадцать — символическая), и от начала до конца в ней слышится тот самый "глагол времен, ме-

© Seamus Heaney, 2010
© Григорий Кружков. Перевод, вступление, 2012

талла звон": тема бренности, тема прощания. "Приключение" — рассказ о том раннем утре, когда с Хини случился удар; положение усугублялось тем, что он находился в самом дальнем, "медвежьем" углу Ирландии, в деревушке на северо-западной оконечности графства Донегала, где отмечался юбилей жены его друга, ирландского драматурга Брайена Фрила; "скорая помощь" приехала не сразу, и дорога в больницу была не близкой. Что поднимает рассказ об этом "приключении" над голой прозой факта — интонация, точность деталей, музыкальность стиха, богатство отзвучий? Уже в эпиграфе появляется Джон Донн, строки из стихотворения "Экстаз" о любовном свидании, в котором на равных участвуют душа и тело[1]. Грустная ирония заключена в том, что в этом объяснении в любви немощное тело поэта никак не участвует. Хини цитирует "Экстаз", но на заднем плане звучит, конечно, другая цитата из Донна: "по ком звонит колокол", и в следующей строфе ее подхватывает цитата из "Соловья" Китса — о звоне колоколов, который возвращает поэта к действительности: "Прощай! Фантазия, в конце концов, / Надолго нас не может обмануть". Последняя часть стихотворения — воспоминание о знаменитой скульптуре возничего в Дельфах, покалеченного временем, но сохраняющего иллюзию движения и власти над своей упряжкой. Тут снова оттенок иронии — но лишь оттенок, намек. Несмотря на великолепный юмор, присущий Хини в жизни, в стихах он неизменно серьезен, исполнен того, что сам называет латинским словом *gravitas*.

Шеймаса Хини считают в Ирландии наследником поэтической славы Уильяма Йейтса. Он и родился через несколько недель после смерти первого ирландского нобелеата. При этом их поэтические принципы чуть ли не противоположны. Они смотрятся антиподами: сын художника, маг, эстет — и крестьянский сын из североирландского захолустья. Для Йейтса искусство отделено от житейского образа автора, от всего "слишком человеческого": поэт — скорее маска страсти или "голос одинокого духа". Романтический пафос, яростное негодование, вызов времени и судьбе — ничего этого у Хини нет. Зато есть *внимательность* и *память*, помноженные на исключительный дар живописать словом, и понимание, основанное на тайном сочувствии к объекту описания. И от книги к книге — ощущение пути, упорного восхождения "по лестнице своих отживших 'я'". Это цитата из стихов А. Теннисона: "That men may rise on stepping-stones / Of their dead selves to higher things", которую тоже нужно иметь в виду при переводе названия книги "Stepping Stones".

Стихи Хини вобрали много поэтических традиций. Но чем дальше, тем больше проявляется их связь со средневековой поэзией Ирландии. Он перевел древнюю повесть о безумном короле Суини, а совсем недавно — песни Коллум Киле, святого отшельника, жившего в VI веке. Некогда много писавший об Ольстерском конфликте, реально способствовавший сво-

1. Эпиграф дается в переводе А. Сергеева.

им авторитетом североирландскому замирению, ныне он пришел к пониманию роли поэта как хранителя слова, хранителя культуры. Об этом его стихотворение "Песни отшельника" с эпиграфом из древнеирландского стихотворения о монахе-переписчике, работающем в лесочке под деревом: "Рад ограде я лесной, / За листвой свищет дрозд, / Над тетрадкою моей / Шум ветвей и гомон гнезд".

Название книги "Human Chain" многозначно. Йейтс писал: "Человек — в цепи звено: / Ибо в нем заключено / Два бессмертья: не умрет / Ни душа его, ни род"[1]. В поэзии Хини то же скрещение двух бесконечностей: стихи о семье, о родителях и своей сельской сторонушке (бесконечность рода и почвы) и рядом с этим элегии об ушедших друзьях, перекличка с поэтами разных стран и эпох, поиск и обретение родственных душ в человечестве.

Но "цепь" — не только связь, но и бремя, те самые "оковы бытия", которые с течением лет имеют свойство тяжелеть. И тогда начинает сниться освобождение, возникает какая-то подъемная сила, последняя легкость. Этот мотив есть уже в заглавном стихотворении "Цепь человеческая", и он усиливается к концу сборника. В стихотворении "Под самой крышей" поэт, выглянувший в окно, внезапно ощущает себя юнгой Джимом Хокинсом на качающейся мачте пиратского корабля.

> ...Я тоже старею и начинаю забывать имена,
> И моя неуверенность на лестнице
> Все больше походит на головокруженье
> Юнги, впервые карабкающегося на рею...

В последнем стихотворении сборника "Воздушный змей для Эйвин" уже не юнга карабкается в небо, а неуклюжая бумажная птица. Стихи посвящены маленькой внучке Хини; они перекликаются с другим стихотворением о воздушном шаре, написанном тридцатью годами раньше для его сыновей Майкла и Кристофера. Мне хочется напомнить читателям ту концовку:

> Покуда змей не врезался в листву
> и эта связь не сделалась ненужной,
> возьмите в руки нить — и ощутите
> звенящий, рвущийся натяг печали.
> Вам это предназначено с рожденья.
> Так станьте же сюда, передо мной,
> и переймите нитку.

1. Из стихотворения "В тени Бен-Балбена" (1938).

В душе любовь — иероглиф,
А в теле — книга для прочтенья.

I

Водружен на каталку, пристегнут, поднят
В машину, зафиксирован прочно —
И пошло трясти, вытряхивать душу

На хорошей скорости. Медсестра
Впереди с шофером, а ты примостилась
В уголку на сиденье узком, напротив,

И за всю дорогу между нами ни слова:
Все, что можно сказать, было сказано молча,
Одними глазами. Не забыть той поездки

В медицинской карете воскресной ранью,
Было б кстати сейчас процитировать Донна
Про беседу двух душ, разлученных с телами.

II

Разлученных! Тот звук — как удар колокольный
Из далеких времен, когда пономарь наш,
Малахи Бойл, гремел над Беллахи —

Или когда я сам был в колледже
Звонарем; до сих пор ощущаю тягу
Колокольной веревки в руке своей, прежде

Теплой и сильной, — теперь она виснет,
Как язык у колокола, косным грузом,
А ты ее держишь, не выпускаешь

Всю дорогу, пока мы мчимся сквозь Данглоу
И сквозь Глендон, и линию наших взглядов
Трубка капельницы делит, как медиана.

III

Возничий из Дельфов стоит непреклонно:
Пусть нет колесницы его и упряжки,
И нет половины руки его левой,

Обрубленной грубо, — но в правой руке
Он держит поводья и смотрит упрямо
Вперед, в пустоту, где шестерка коней

Была да сплыла. Он похож на меня,
Когда, распрямясь, в коридоре больничном
Я переставляю упорно ходилку,

Как будто возничий я сам или пахарь,
И каждый бугор, каждый камень под плугом
Пытается вырвать из рук рукоять.

Цепь человеческая

Теренсу Брауну

Я видел в телехронике момент
Раздачи продовольствия голодным:
Солдат, стреляющих поверх толпы,

И — крупно — белые мешки с пшеницей,
Передаваемые по цепочке
Сотрудниками Красного Креста;

И руки вспомнили внезапно тяжесть
Мешка, когда его берешь, нагнувшись,
За два угла и по сигналу глаз

Бросаешь, раскачнувшись, на прицеп
Укладчику. О, миг освобожденья
И легкости в лопатках перед новым

Наклоном и рывком! Такого больше
Тебе не испытать. Или, быть может,
В последний только раз — и навсегда.

Посвящается Элен Вендлер

Над тетрадкою моей
Шум ветвей и гомон гнезд.

I

Из черных хлопчатобумажных штор,
Остатков от военных затемнений,
Заглаживая с краю и сшивая,
Сооружали мы обертки книг.

Годились в дело и куски обоев
С гирляндами аляповатых роз,
Хоть рыхлые обои с плотной тканью
По прочности, конечно, не сравнятся.

Порою из оберточной бумаги
Обложки делали — и из газеты,
Чтоб не затерлась новизна, чтоб помнить:
Ты не хозяин книги, а хранитель.

II

Открыть, устроиться, вдохнуть, погладить
Страницы — и вникать, не торопясь,
Как Фурса, Колум Килле и другие
Великие разгадчики загадок —

Или Мак Ойг, отшельник из Лисмора,
Ответивший, когда его спросили,
Какой характер лучший в человеке:
“Упорный — ибо он не отступает,

Пока не превозможет. Кто упорен —
Богу угоден”. Веские слова,
На глаз проверенные и на слух,
Обкатанные языком и нёбом.

III

Карандаши и хлеб. Запах портфеля.
А в нем — уроки, заданные на дом.
"Книга для чтения" второго класса.
Нам повезло — мы были школярами

В те времена. И как бы нас потом
Ни школили, нам повезло в начале:
Пастух учил нас на краю дороги,
Сивиллы вещие в крестьянской кухне.

В те времена сбывались чудеса:
Оказывался стёркой хлебный мякиш,
И бабочки с переводных картинок
Нам приносили вести из Эдема.

IV

В учительской хранился целый клад.
В жестянке — ворох деревянных ручек
С железною заверткой на конце —
Туда, "под ноготь", перышко вставлялось.

И сами перья — стопками, как ложки,
Чернильный порошок, карандаши,
Блокноты, и линейки, и тетради —
Сокровища, как в сундуке пирата.

Честь высшая — быть посланным туда
За ящичком сверкающего мела
Или за прописями, по которым
Учились мы искусству подражанья.

V

"В котором слове пишется три 'е'?
Подумай, ведь не зря тебя учили. —
Мне говорил пастух. — А то спроси
Учителя, уж он, наверно, знает".

Neque far esse, — пишет Юлий Цезарь, —
Existimant ea litteris mandare, —
Что значит: "Знанье предавать письму,
По их обычаям, не подобает".

Но изменились времена, и звали
Псалтирь в Ирландии с почтеньем: *Каттах* -
"Воительницей", — ибо перед боем
Три раза ею обносили войско.

VI

Бойцы рассерженные на пиру
У Брикриу столь яростно схлестнулись,
Что искрами от их мечей, как солнцем,
Весь озарился зал. Тогда Кухулин

(Так говорится в саге), взяв иголок
У вышивальщиц, их подбросил вверх —
И, ушками сцепившись с остриями,
Они повисли в воздухе цепочкой,

Переливающейся и звенящей —
Так в памяти моей все эти перья
Взлетают, кружат и, соединясь,
Сливаются в лучистую корону.

VII

Еще одно виденье школьных дней,
Чье толкованье до сих пор туманно:
В ручей, в его холодное струенье
Я погружаю руку, наполняя

Графин. Мне повезло: меня послали
Набрать воды, чтобы учитель сделал
Из порошка чернильного — чернила.
Вокруг нет никого — вода и небо,

И тихо так, что даже пенье класса,
Несущееся из открытых окон,
Не нарушает этой тишины.
Быть одному — быть вдалеке от мира!

VIII

Чернильница - забытое понятье,
Тем более, чернильница из рога,
В которую когда-то Коллум Килле
Макал свое перо и возмущался

Нахальными гостями,
Что нарушают тишину Айоны:
Ворвутся крикуны,
Божбою буйной оглашая остров,

И, зацепив ногою, опрокинут
Мою чернильницу из рога бычья,
Быки безумные,
Прольют чернила.

IX

Одни поэты свято верят в *мысль*,
Что обнимает мир единым словом,
Другие — в высшее воображенье
Иль память о единственной любви.

Что до меня, я ныне верю только
В усердье пишущей руки, в упорство
Строк, высиженных в тишине, и книг,
Которые хранят нас от безумья.

Книги из Келлса, Армаха, Лисмора.
"Воительницы", вестницы, святыни.
Дубленая, просоленная кожа.
Надежные, испытанные перья.

Под самой крышей

I

Как Джим Хокинс на салинге "Испаньолы",
Когда он смотрел с накренившейся мачты
В прозрачное мелководье, а там —

Песчаное волнистое дно, над которым
Проходят стайки полосатых рыб, — и вдруг
Лицо Израэля Хендса, каким его Джим

Увидел на вантах пред тем, как выстрелить, — снова
Встает, колыхаясь... "Но он уже дважды мертвец —
Прострелен пулей и водой захлебнулся".

II

Сквозь ветки березы, разросшейся за двадцать лет,
Гляжу на Ирландское море в окно мезонина –
То ли моряк, высаженный на пустой островок,

То ли юнга в бочке на верхушке грот-мачты,
Опьяневший от ветра, капитан своей собственной
жизни,
Слушающий, как гудят дерево и такелаж

От киля до клотиков, и уплывающий вдаль
Вместе с этим шумом и колыханьем теней,
С этой волнующейся, как шхуна, березой.

III

Из коридоров прошлого, из темных его глубин,
Неслышно ступая, является дед мой умерший.
Голос его дрожит, как колеблемый сквозняком

Полотняный задник в клубе на детском спектакле,
С которого я только что вернулся. "А Исаак Хендс, –
Допытывается он, – был ли там Исаак?"

Его память так же колеблема и нетверда,
И провалы ее окончательны, как этот всплеск,
Когда тело Хендса кануло в воду залива.

IV

Я тоже старею и начинаю забывать имена,
И моя неуверенность на лестнице
Все больше походит на головокруженье

Юнги, впервые карабкающегося на рею,
И все больше памятных, неизгладимых страниц
Стирается начисто, но и теперь

Я ощущаю, как будто въявь и сейчас,
Этот палубы вздрог и горизонта крен,
Когда якорь поднят и ветер крепнет в снастях.

Воздушный змей для Эйвин

Ветер из иного, нездешнего мира,
Ветер высоты поднимает и держит
Белое крыло, что трепещет в небе...

Это змей воздушный! Как будто в детстве,
На лужайке, куда мы высыпали все вместе
Посмотреть, как отец запускает змея, —

Я опять стою, шаря взглядом в небе,
На лугу все том же — и вновь пытаюсь
Запустить длиннохвостую эту птицу,

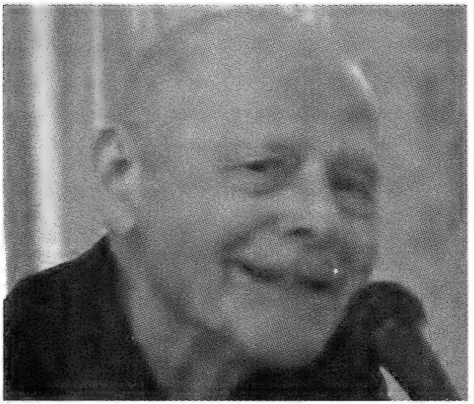
А она там бьется, дрожит, ныряет
И опять тянет вверх, пока не взовьется
В вышину под общие крики восторга,

И летит, разматывая, как с катушки,
Нить с моей руки, и восходит к небу,
Как цветок, растущий на длинном стебле;

Выше, выше восходит змей — и уносит
Взгляд тоскующий все дальше и дальше в небо,
Пока нить не лопнет и, торжествуя,

Он умчится прочь от нас, одинокий
И свободный — как паданец, взмахом ветра
Сорванный с поредевшего древа.

Пьер Мишон



Император Запада

Роман

Перевод с французского и вступление Марии Аннинской

Пьер Мишон стал известен в 39 лет, когда издательство "Галлимар" опубликовало его первую книжку "Мизерные жизни", получившую литературную премию французского радио "Франс-кюльтюр" (1984). С тех пор, несмотря на жалобы, что сочинительство дается ему с трудом, Мишон не перестает издавать новые книги, а держатели премий как будто соревнуются между собой: кто присудит писателю очередную награду? Последней победительницей в этом состязании оказалась в 2009 году Французская академия, одарившая Пьера Мишона главной премией за роман "Одиннадцать". Кроме того, в последние годы стало модным устраивать коллоквиумы, посвященные живому классику, брать у него интервью, приглашать с выступлениями — благо он, несмотря на возраст, любит путешествовать и к тому же превосходно читает и комментирует поэмы Гюго (в молодости он был актером).

Сюжеты и жанры, с которыми Мишон вошел в литературу, вполне соответствуют современной традиции: он рассказывает историю своих предков (сюжет более чем распространенный в наши дни), говорит о "маленьких людях" (интерес, возрожденный, скорее всего, именно Мишоном и подхваченный целым рядом писателей), или же углубляется в древнюю историю (то же самое сделал в 1984 году, почти одновременно с Мишоном, Паскаль Киньяр). Но что-то есть в текстах Мишона такое, что обращает на себя особое внимание, заставляет читать и перечитывать.

"Изобретатель или приверженец типичных современных литературных жанров, таких как 'семейные хроники', 'вымышленные биографии', — чита-

© Verdier, 2007
© Мария Аннинская. Перевод, вступление, 2012

ем мы в материалах литературного коллоквиума в Сёризи, посвященного творчеству Мишона, за август 2009 года, — Пьер Мишон одновременно является продолжателем старинных традиций 'литературного портрета' и 'жизнеописания святых', уверенно создавая тексты, вписывающиеся в контекст дебатов, посвященных современной французской литературе. Его тексты, которые сам он называет 'прозаическими блоками', отличаются яркостью и лаконичностью стиля".

"Император Запада" — третье по счету сочинение Мишона, и его можно расценить как самое загадочное, "трудное"и самое стилистически изысканное.

Действие происходит в 423 году нашего летоисчисления, молодой римский военачальник Аэций, находящийся по долгу службы на острове Липари, близ действующего вулкана Стромболи, встречает старика, про которого знает, что он незадолго до того, как готы захватили и разграбили Рим, был связан с предводителем этих племен Аларихом и даже некоторое время, по настоянию последнего, занимал императорский трон; законный император Западной Римской империи Гонорий прятался в это время в Равенне, а сестра его Галла Плацидия, лакомый кусочек для всех завоевателей, была фактической правительницей. Звали этого старика и бывшего императора Приск Аттал. Формально книга про него, но на самом деле главным героем является Аларих, легендарный воитель, в котором Аттал, как впоследствии и юный Аэций, мечтают найти отца, то есть сильную личность, на которую можно равняться. Эта тема близка Мишону, воспитанному матерью и ее родителями и всю жизнь ощущающему, как ему не хватает отца. А Аттал — фигура ничем не примечательная, про него мало что известно, и это позволяет автору домыслить, придумать, пофантазировать.

Откуда такой интерес именно к этому периоду истории я решила спросить у самого Пьера Мишона. Вот его ответ:

— После моей первой книжки, "Мизерные жизни", я долгое время ничего не писал и даже боялся, что уже никогда ничего не смогу написать. Потом мне в руки попалась книга Гиббона "Упадок и крах Римской империи", и меня глубоко поразило, что́ автор рассказывает о жизни Аттала (какие-нибудь полстраницы на всю книгу, не больше). И я решил, что напишу про него. Мне трудно объяснить, почему я сделал такой выбор; может быть, меня привлекла эта пара: Аттал — Аларих, соотношение величайшей слабости и величайшей мощи. Или кажущаяся сила, которую приобретает изначально слабое существо, владеющее каким-нибудь искусством. Или, может, опасное влияние образа отца на человека, отца лишенного.

— А насколько эта история придумана? Насколько правдив образ Алариха?

— Я у Гиббона прочел немного, только те полстраницы, о которых сказал. Потом, чтобы почувствовать эпоху, прочитал еще несколько общих книг о поздней Римской империи. Больше ничего об этой эпохе я узнать не пытался, мне хотелось все остальное придумать, чтобы убедиться, что после "Мизерных жизней" я все еще способен писать (я

вовсе не был уверен, что отдам "Императора" в печать). Что касается Алариха, то это скорее типаж, чем портрет: царь варваров, владыка степей, это вполне мог бы быть Аттила. Загадочная, всесильная фигура, явившаяся издалека, опасная и притягательная, Отец, воплощенный в вымышленном образе. Чуть позже я узнал, что существует поэма в прозе на немецком языке, написанная в XIX веке, которая рассказывает о его жизни и, в частности, о его похоронах на дне реки. Я ее, правда, не читал.

Что касается жанра "Императора Запада", то это не вполне роман, не повесть и не рассказ, а скорее поэма в прозе, местами в ритмизированной прозе, напоминающей гекзаметры, но периодически сбивающейся на другие размеры. Этот внезапно налетающий ритм ("мгновенный ритм... неожиданный Аквилон") вдруг выстраивает, кристаллизует текст, наполняет его пульсацией, а потом также неожиданно уходит. На вопрос о том, как он выбирал ритм и размер для "Императора", Мишон ответил, что это была не главная задача. Приведу еще отрывок из нашего диалога:

— Судя по всему, главное в вашей книге — язык; что вы можете о нем сказать? До какой степени он продуман или спонтанен?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Я написал "Императора" в 1985 году и плохо его помню. В общем, да, конечно, как и во всех моих книгах, главное происходит в языке: но язык выстраивается всегда вокруг придуманной истории, вполне определенной, происходящей в определенном месте. Здесь язык, равно как и события, о которых идет речь, приобретает порой оттенок архаики, а моделью являются великие латинские поэмы и их переводы.

— Ритм то и дело меняется: то это проза, то поэзия, размер "гуляет". Каков принцип этих переходов? Насколько точно должен передавать их переводчик?

— Я действительно всегда стараюсь делать прозу ритмичной, как стихи. Но не берусь объяснить, как это происходит, все случается в процессе, как-то само собой. Мне кажется, что проза у меня приближается к стихам главным образом в эпические моменты. Когда надо вернуться к обычному повествованию, я перехожу на прозу, чтобы быть понятней.

Насколько Мишон понятен, сказать трудно, но это фигура бесспорно притягательная для французских литературоведов, которые пишут: "Крупный и одновременно парадоксальный автор, Пьер Мишон занимает в нашей литературе исключительное место как по силе своего писательского дара, так и по оригинальности создаваемых им литературных форм и стиля. Этот ни на кого не похожий писатель, вовсе не являющийся при этом достоянием избранных happy-few, стал во всем мире предметом обсуждения и многочисленных университетских исследований в качестве одной из ключевых фигур современной французской литературы".

У французских читателей Мишон вызывает не меньший интерес, чем у исследователей, благо об их впечатлениях можно прочесть в интернете. Вот некоторые из отзывов об "Императоре Запада":

"Книжка Пьера Мишона великолепна, но читается не всегда легко; в ней всего 75 страниц, но их смакуешь как старый добрый коньяк, который невозможно пить залпом". Или: "Это маленькое литературное сокровище, приводящее нас в восхищение своим стилем, красотой языка и увлекательным сюжетом".

Мы воздержимся от комментариев по поводу смысла поэмы и оставим русских читателей наедине с текстом.

Жерару Бобийе посвящается

I

КОГДА-ТО он играл значительную роль. Двух пальцев не хватало на его правой руке; он был уж не молод, одет с усталой небрежностью, и по высокомерно вздернутым бровям, по причудливой линии массивных челюстей, прикрытых жидкой бородкой, по чересчур выдающемуся носу я признал в нем левантийца[1]; в придачу он был лыс. Он сидел неподвижно и щурился, пытаясь не упустить из виду парус, увлекаемый вдаль ветром, непоправимо уменьшающийся по мере того, как все дальше уходил в сторону Стромболи[2]; взглядом он провожал белый живот парящих чаек, когда, взяв курс на солнце, они ложились на другой галс и, неторопливо упираясь крыльями в воздух, беззащитно подставлялись взорам. Наверное, так он наслаждался жизнью; он был заметно близорук. Иль, может, он просто смотрел на море, на его неохватный простор, подобный древней, потерявшей смысл метафоре.

Внизу тропинки, спрятавшись в тени, на удаленье немногих шагов, я наблюдал за ним. Возможно, он меня не видел, всецело поглощенный созерцаньем простых вещей; вероятнее всего, меня он принимал за одного из слуг, а может, за простого рыбака. Но вот, наконец, по истеченье нескольких минут, показавшихся мне вечностью, он повернул ко мне свое лицо и коротко приветствовал; ему я отвечал, не называя его имени, однако. На его груди заметил я массивный крест, покрытый самоцветными камнями, с концами, изогнутыми, точно удила, и грозными, как это принято у варваров.

1. Левантийцы, или левантинцы, а также латиняне – жители Леванта, то есть стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Маленький вулканический остров с действующим вулканом. Находится в Тирренском море к северу от Сицилии, принадлежит к группе Липарских островов.

С того момента началась, хоть наши возрасты и были столь различны, хотя я лгал ему и делал вид, что знать не знаю, кто он есть на самом деле (так, некто без лица, незнамо кто — а он не возражал и тоже делал вид, как будто бы свою безликость принимает и, более того, он всячески ее стремится подчеркнуть), так вот, с того момента началась с ним наша дружба — так хочется назвать мне то, что нас связало. С первого же раза у меня вошло в привычку садиться рядом с ним на каменную низкую скамью; я тоже глаз не отрывал от парусов, и речь, естественно, зашла о навигации, о гребле и черных кораблях, о путешествиях морских и греческой поэзии — одна ведь без другой уже не существует, и неизвестно, что из них обеих — явь, что — текст и что сначала появилось, хрупкий ли просмоленный каркас, иль строгие гекзаметры стиха, плывущие по воле волн в пучине моря, иль в океане языков. Что до *него*, то *он* считал, что по сравненью с кораблем поэзия первична, как Отец, который был до появленья Сына. Тогда я вспомнил, как мне говорили, что он арианин[1]. Вперив в него взгляд, я намекнул, что к морю и языкам прибавить можно толпы, а к кораблю с поэмами — замечательных людей, владык, чьи имена звучат подобно строфам и ви́дны всем издалека, как паруса. Он не ответил ничего. Своею искалеченной рукой он бороду задумчиво перебирал. Солнце клониться начинало уж к закату, и тень большого пробкового дуба теперь не защищала от лучей: на лысине его блестели капли пота, и вена билась; губы друг об друга упрямо терлись, как у стариков, что втайне далекие и сладостные образы лелеют или слова, которые наружу рвутся вопреки запрету. Он вдруг показался мне убогим, голым, жаждущим покоя иль, может быть, страшащимся его. Я ждал, когда он, наконец, заговорит; неслаженные крики чаек собою заполняли вечер; подняв глаза и неопределенным жестом указывая, может быть, на то, что странно, мол: ночные голоса исходят от таких дневных созданий, он начал: "Музыка ведь тоже, игра на лире..."; к небу он воздел то, что осталось от его руки, и произнес: "Я недурным был раньше музыкантом".

Когда мы наконец расстались, последние исчезли паруса с совсем уже ночного моря, обретшего навеки винный цвет, поскольку греки так о нем сказали. Усталой поступью он начал подниматься по узкой тропке, что вилась по склону, ве-

1. Последователь "арианской ереси", раннего течения в христианстве, по имени александрийского теолога и священника Ария (256–336), которое утверждало приоритет Бога-Отца перед Сыном Божиим, имеющим земную сущность.

дя к его невзрачному жилищу, на верх скалы, носящей имя Монтероза; комичным жестом он приподнимал заботливо края изношенной одежды, вдруг останавливался дух перевести, упрямо глядя в землю и внимая тому, что нес в себе. Его сандалии клубы́ вздымали красноватой пыли, ложившейся на свежие следы. Из виду скрывшееся солнце освещало лишь половину островерхого Стромболи: как золото горящий треугольник на темном фоне, ровном, монолитном; на пурпуре сверканье диадемы. Вот все погасло. Где-то заревел осел; и стала ночь.

В начале самом боевой карьеры судьба забросила меня на острова Липари. Был я в ту пору молод и неистов, и мир, казалось, был специально сотворен, чтобы я мог в нем развернуть свой дерзкий пыл; я вел себя как нравный жеребец; моя нежданно-новая свобода мне виделась в отваге попирать все мыслимые или нет преграды. Отец мой был отважный Гауденций, стоявший во главе всех конных войск на скифских территориях; высокой отцовской должности я был обязан нелегким детством, проведенным в заточенье златых темниц, а также норовом капризным донельзя избалованного чада, живущего на волосок от смерти. Отец мой заключал союзы и брал на службу варваров коварных, которых в подчиненье не сдержать одной лишь силой закаленной стали. И слово нерушимое свое он подкреплял, заложником меня сдавая тем, с кем был в ту пору дружен. Дитя властителя, воспитывался я с детьми владык, пока отец мой слову верен был; нарушь его он, и в мгновенье ока я оказался бы изрублен на куски. Так жизнь моя всецело зависела от крепости отцовских обещаний. Мне было лет совсем еще немного, когда закончилось правленье Стилихона[1], и я был отдан готам, что в ту пору стояли грозно у ворот Равенны. Алариха[2], царя вестготов, я не знал: когда он Римом завладел, я жил в Паннонии, где двор, далекий от военных рубежей, его детей был занят воспитаньем. Всегда далекий призрачный герой, недосягае-

1. Флавий Стилихон (358–408) – сын доблестного вандала на службе императора Валента; римский полководец, за боевые и дипломатические заслуги получивший от Феодосия Великого руку его любимой племянницы и звание Главнокомандующего всеми войсками империи (Magister militum); в годы правления императора Гонория – правитель Западной империи, долгое время отражавший регулярные набеги на Рим со стороны готов под предводительством Алариха; в результате придворной интриги был обвинен в сговоре с Аларихом и убит 23 августа 408 г.
2. Аларих I (ок. 370–410) – король вестготов, в 410 г. разграбивший и спаливший Рим.

мый для копий, стрел и взоров, неуязвимый, но разящий беспощадно, "второй Давид", как шла о нем молва, был для меня отцом — так говорило сердце, и я молился за него, как сын, с его родными бок о бок сыновьями. Исполненный восторга, ужасом объятый, я жаждал, чтобы, грозный и зловещий, раздался звук его трубы, которую именовали в Риме "хриплым рогом", и чтоб широким эхом он разнесся над замершим холмом Капитолийским. Кто знает, может, и мои молитвы утяжелили чашу весов, на которых в надмирных высях измерялись пороки Рима, и не только чашу, но и тяжелую десницу варвара, что Рим карала... Их поэты, недавно приобщившиеся к культуре и к благородным языкам, еще не отошедшие от потрясений этого открытья, преподавали мне изящную словесность; арианские епископы, посвящавшие нас в премудрости закона Божия, твердили мне об *отраженном свете*, от Сына исходящем, об изначальном величии и ни с чем не соизмеримой древности Отца, об извечной первичности жеста по отношению к руке, о первичности Ничто по отношению к Слову, о всемогуществе пространства над материальностью деревянного креста. Я не слишком был склонен им верить, поскольку отец мой Гауденций изначально обрек меня на казнь, то и дело откладываемую, но все же неотвратимую, а отец детей, называемых мною братьями, сверкающий в лучах славы под незримыми небесами, пребывающий в далеких землях, которые он опустошал, в любой момент мог свести мое существование к тому Ничто, с которого все начиналось. Сегодня я служу Империи; я принял символ Никеи[1]; я пытаюсь заставить себя верить, что Отец и Сын существуют единовременно, что они едины в проявлениях воли, неразделимы в вечности и в страдании и сделаны из одного теста. Я охотно предоставляю варварам искать доводы разума, которые не более чем ересь.

Я был еще подростком, когда новый хитроумный маневр Гауденция вынудил меня покинуть готский двор; меня отдали гуннам, и я снова оказался при дворе, но менее блестящем на сей раз. Там не было епископов, поэтов; зато им я обязан тем, что брею бороду и пить умею стойко, покуда замертво на землю не свалюсь; и тем еще, что страстно в мир гляжу. О гуннах мнение бытует, что они — продукт сношенья скифских ведьм и духов преисподни. Однако это ложь: они

1. Никейский символ веры. Речь идет о никейском вероисповедании, то есть форме вероисповедания, принятой на I Никейским Соборе (325), согласно которой Бог-Сын совечен Богу-Отцу — в отличие от "арианской ереси", согласно которой Сын при рождении еще не имел Божественной сущности.

умеют плакать, горюют о былом и чтут своих умерших; богатством не кичатся и сердцем нехитры; желаньям смутным подчиняются беспечно, но сытости не ведают и падки на блеск и мишуру, а также на чужое. Их девушки без удержу смеются, а главари — напыщенны, чванливы. И наконец, они боятся смерти.

Когда вернулся я, мне было девятнадцать. Я поступил на службу к императору Гонорию[1], точнее, к сестре его Плацидии[2], которая вершила все дела. Был я недурно образован, в придачу отменный наездник и сын военачальника; я хорошо знал варваров; мне стали доверять ответственные задания. Сицилия платила плохо дань, пираты перехватывали редкие суда, груженные зерном и бурдюками с вином и маслом, которые она порою отправляла в пределы Рима. Из охраняющей Равенну эскадры несколько трирем были спешно снаряжены к острову Липари с тем, чтобы встать на рейд в укромной бухте и следить оттуда за недальними сицилийскими берегами. Несмотря на мой юный возраст, я получил в этой операции важную роль и высший чин, которыми очень гордился. После нескольких победоносных абордажей мы одержали верх над пиратами всех мастей; однако мы продолжали стоять у берегов Липари в полной боевой готовности, но без дела, олицетворяя собой бесполезную мощь старой империи. Синева неба расслабляла. Я сполна наслаждался дивным климатом, которого в детстве не знавал; и, как это бывает в юности, по-глупому торжествовал, что открыл этот дикий, исполненный неги уголок, сотворенный небом будто специально для меня; я радовался, что умею оценить его

1. Флавий Гонорий (384—423) — сын императора единой Римской империи, в 11 лет получивший трон Западной империи; столицей он сделал сначала Медиолан (Милан), а затем Равенну; в годы его малолетства империей фактически правил его военачальник Стилихон, на дочерях которого Гонорий поочередно был женат, но детей ни от одного из браков не оставил; именно Стилихон до своей смерти в 408 г. успешно отражал нашествия вестготов, потому что Гонорий военными делами не занимался, а интересовался больше вопросами религии, будучи, как и его отец Феодосий, приверженцем никейского христианства.

2. Галла Плацидия (388—450) — дочь римского императора Феодосия Великого, младшая сестра римского императора Гонория от другого брака, легендарная женщина, чья судьба связана с историей Рима. В 409 г. она стала заложницей Алариха, после смерти которого, в 414 г., вышла замуж за его преемника, царя вестготов Атаульфа, родила ему сына и через год овдовела; в 416 г. вернулась в Рим и была выдана братом замуж за полководца Флавия Констанция, который вскоре стал соправителем императора Гонория. После смерти Констанция в 421 г. Галла сблизилась с братом и практически правила империей, что продолжалось и после смерти Гонория, когда трон получил ее семилетний сын; скончалась Галла Плацидия незадолго до нашествия на Рим гуннов во главе с Аттилой.

прелести и красоты, как если бы мое наслаждение являлось залогом силы моего характера: только для меня цвели в садах смоковницы, только ради меня плоды опунции растопыривали свои иголки, чтобы потом безропотно подставить сочную плоть; только для меня смеялись дочки рыбаков. Густое и черное местное вино, горячее и пылкое тело юной Онории, что делила со мною ложе, постепенно насытили мой неуемный аппетит. За пресыщением явилось беспокойство. И я решил тогда найти *его*.

Немногие на острове знали о нем; возможно, не знал никто. Здесь давно уж не оставалось римских патрициев; виллы, построенные при Августе, пришли в запустенье и заросли вьюнком; в руинах Константина нашли приют отшельники. Но из собственных уст Плацидии я знал, что *он* там и что живет в доме на горе, смотрящей на вулкан Стромболи. Плацидия доверила мне то, что даже сам глава эскадры знать не знал, и этого достаточно мне было, чтоб в откровенье угадать приказ: она желала, чтобы я проверил, таит ли для нее какую-то угрозу присутствие и близость левантийца и даже просто то, что он еще живет; вопрос ее был обращен ко мне, и только, и если бы ответ был "да, опасен", то мне бы надлежало свой исполнить долг, ведь меч мой был всегда к ее услугам.

Я рассказал о нашей первой встрече. С того момента, что ни вечер, я спускался по тропке к низкой каменной скамье, где, отдыхая от полуденного зноя, лицо подставив легкому морскому бризу, глазами впитывая синеву, в которой был растворен вулкан и тонули бегущие паруса, *он* старался забыть, а может, вспомнить, а может, то и другое поочередно — сначала вспомнить, чтоб потом забыть, доводя себя до отчаянья, до полного изнеможения — *он* пытался все удержать внутри и не выпустить наружу, как делаем мы все, нисколько в том не преуспевая. Если, меня ожидаючи, он бросал взгляд на тропинку, по которой я всегда приходил, и узнавал меня издали, то делал рукой неопределенный жест, быстрый и по-детски застенчивый, надолго повисавший в воздухе, как если бы сам не знал, когда надобно прервать этот знак, дружеский, но вместе с тем уклончивый, так, словно бы боялся, что дал мне слишком много или, напротив, слишком мало. Столько лет пронеслось, а он все еще заботился, какую позу подобает принять. Вулкан был неизменен, паруса же, напротив, менялись; я садился подле него на пыльные камни, в тени, испещренной бликами света, пробивавшегося сквозь кроны дубов. Мы беседовали. Чаще говорил он один, перемежая речь бесчисленными паузами иль замирая порой на полуслове, как замирал, не окончив жеста, и посреди всех этих пауз мы зачарованно гля-

дели на море, пока оно не делалось лиловым, а после черным, и тогда мы расставались, не завершив начатой беседы. А то каким-нибудь словом я воскрешал затухший было разговор, слабое дыхание его гаснущей жизни, и тогда беседа продолжалась совсем уже в ночи, покуда рассказ его не становился звучащей и зримой пародией на незримое и несказанное; и в его устах, которых я уже не различал, речь превращалась в упрямый шепот, в кромешную тьму, среди которой одна за другой вспыхивали звезды. Он лгал.

Родился он в Сирии, в сословье невысоком. Рассказывал он: в прежние века близ Антиохии[1] шумел лавровый лес; теперь там просто лес, не более, но в годы прежние то был храм Аполлонов: там нимфа Дафна в ужасе бежала от бога света; она стремилась прочь, возможно потому, что страстно чересчур его желала; что ж, Аполлон тотчас удвоил рвенье, он хохотал: ей далеко не убежать; она же превратилась в олеандр, страшась попасть в объятья прекраснейшего из Бессмертных. Роща та казалась воплощеньем бегства, олицетвореньем отвергнутой страсти, и лавровые ветви тянулись, точно руки. Пилигримы стекались туда толпами. В огромном зеленом храме каждое лавровое деревце трепетало, как нимфа-недотрога, каждый порыв ветра был дыханием обманутого бога. В этих зарослях, прохладно-шелестящих, пышно-цветущих и неутоленных, прабабки старика, при Юлиане[2] — да что уж там, задолго до него — сиживали днем и торговали фигурками из обожженной глины, являвшими собою Аполлона. Когда же императора не стало, сам светозарный бог исчез вослед за ним, отринутый великим Феодосием[3], и женщины, покинув рощу, перебрáлись в порт, где свежей торговали рыбой, и с ними мать того, о ком пишу. Но рыба, богу не в пример, дохода приносила мало. Ребенок свет увидел в обстановке тоски по прошлому и горечи торговок, бесповоротно впавших в бедность и кое-как перебивавшихся торговлей неинтересной,

1. Антиохия — город в Турции недалеко от границы с Сирией, основанный около 300 г. до н. э. Селевком I Никатором.
2. Римский император Флавий Клавдий Юлиан (331/332–363) из династии Константина — ритор и философ; пытался ограничить христианство и восстановить язычество; в 362 г. издал "Эдикт о терпимости", в котором разрешал восстановление языческих храмов. В связи с этим христиане стали называть его Юлианом Отступником.
3. Феодосий I Великий (346–395) — последний император Единой Римской империи до ее распада на Западную и Восточную; пресек арианство, запретил язычество, утвердил в качестве государственной религии Никейское христианство; отец императора Гонория от брака с Элией Флавией Флациллой и Галлы Плацидии от брака с Галлой.

мелкой, недоходной. Правда, под палящим солнцем, между зазывными криками, расхваливающими достоинства сардин, женщины все же успевали вспомнить про бога лавровой рощи, про бога, что для них олицетворял счастливые минувшие дни: Аполлон был для них молодостью, хрупкими статуэтками, которые они сжимали в своих двадцатилетних пальцах, дерзкими взглядами из-под сени деревьев, учащенным биением сердца, когда юный странник, ладно сложенный, высокий и гибкий, сладкоречивый и гладкощекий, столь похожий на Аполлона, такой же, как бог, дерзкий — возможно, новое его воплощение, — задерживал на девах пылкий взор; странник, которого видишь утром, о котором мечтаешь весь день и за которым, когда настала ночь, идешь, трепеща, в заросли лавра, чтобы почувствовать на себе его горячие ладони. Один из таких пилигримов, которого юная дева знала лишь недолгие мгновения, пока длится пылкое объятие и в спешке происходит остальное, стал *его* отцом.

Как и для каждого из нас, первым *его* воспоминанием была мать, а может, то усилие, с которым он пытался от нее освободиться. Он помнил: белая фигурка, а за нею синий порт; она была рядом, везде, пахла рыбой и улыбалась всем лицом; в какие-то дни лица он не помнил, но улыбка была все равно, она парила воздухе, бесплотная, как душа, как что-то, не относящееся к телу, но телом на время завладевшее, чтобы появиться на свет — в Антиохии, в предыдущем веке. Та улыбка, отделенная от тела, канувшая в глубины памяти, исчезнувшая в недрах земли, все еще жила в близоруких глазах старика, озаряя своим светом мир под синим небом Липари. Возможно, так ему улыбались звезды. Зачем ему об этом было лгать?

А зачем было б лгать про музыку? У меня нет и тени сомнения: хорош ли, плох ли он был, но все же он был музыкантом. В детстве его дразнили — называли "сын Аполлона", что звучало как "ноль без палочки". Вероятно, воплощенный в статуэтке, этот загадочный отец держал в руке загадочный предмет, замысловатую овальную штуку с процарапанными на ней струнами, безголосый кусочек глины, который, говорят, изображал некий музыкальный инструмент, сделанный из звучного дерева, с натянутыми волосяными струнами. Певучий говор восточных женщин, их суетливые утренние выкрики, печально-протяжные голоса под вечер; парусники, стоящие на якоре и весело звенящие снастями — все это, верно, и привило мальчику любовь к музыке, а главное — материнская улыбка, обращенная в никуда; его собственные слезы без причины, детские пустяшные огорчения, радостное ожиданье, безграничное и бессмысленное — все это просилось на

музыку. Ему минуло, должно быть, двенадцать, а возможно, и все пятнадцать, когда в Антиохию явилась труппа италийских гистрионов[1]; он видел их представленья, даваемые по ночам для какого-нибудь цезаря, военачальника или проконсула, в просторных мраморных виллах, окруженных изящными портиками, зарослями мимозы и широколистых арумов; охранялись те виллы слугами с кнутами и сторожевыми собаками. Гистрионы репетировали в порту, где получали за представления мелочь. Мальчик увидел арфы, кифары, систры и флейты; он увидел и сразу узнал инструмент Аполлона. И вдруг эти диковинные инструменты — трубы из почерневшего дерева, тимпаны с натянутой на каркас кожей, полые тростниковые свирели, медноязыкие авлосы — все слилось в единую песнь, в стройную, прекрасную мелодию; и над всеми актерами и музыкантами, только что беспечно-веселыми, а мгновенье спустя неожиданно серьезными, замершими посреди кривляний, требующих, однако, сосредоточенности, — над всеми внезапно воцарилось что-то странное и необъяснимое, что-то похожее на боль, — как будто все сердечные страдания были собраны воедино каким-то жестокосердым тираном и, забавы ради, превращены в игру; в этом был и скрытый триумф, подобный загадочной улыбке, мелькнувшей на устах злодея, и невыразимая радость, как утро, знаменующее собой долгожданную смерть деспота. Внимая актерам, порт притих. Женщины, стоявшие вблизи, слушали, затаив дыханье: торжественная процессия цезаря не повергла бы их в такое оцепененье, не распахнулись бы так широко их сияющие восторгом глаза, не появилось бы столько грации в их привычно-натруженных руках, внезапно праздных и бездвижных. Что их так зачаровало, неотвратимость ли любви иль, может, нечто большее, глубинное и сокровенное? Мать его улыбалась. Вместе с толпой любопытных мальчик пошел за музыкантами; но управляющие виллы прогнали его хлыстами и оттеснили в заросли арумов. Он пробовал обойти запрет; в конце концов, какая-то хористка, но скорей всего, публичная девка, склонная к слезливому участию, одна из тех, что под звуки лиры скидывают с себя одежды и обнаженными танцуют перед консулами, ступая по рассыпанным лепесткам, — скорей всего, именно такая, забавы ради, а может, от усталости, взяла его под свою опеку. Его наняли в качестве прислужника, чтобы зачехлять кифары, чинить лопнувшие струны, подавать мимам маски, а танцов-

1. В Древнем Риме — бродячие актеры, выходцы из нижних сословий.

щицам — разбросанные покрывала. Он стал жить средь роскоши звуков, и так было каждую ночь. Он признался, что однажды под утро, перед тем как покинуть Антиохию, отправился в заветную рощу, где, возможно, он был зàчат. Сквозь ветви глядела луна, будя воспоминание о боге-музыканте; юноша был восторжен, как и полагается в его возрасте; он дал торжественные клятвы. Но не сдержал ни одной. О том, как плакала мать, когда он ее покидал, он мне рассказывать не стал: ни о рыданиях ее, ни о ее причитаниях, принятых в простонародье, шумных и по-детски непосредственных.

Он последовал за своими хозяевами из Александрии в Кирену, из Кирены в Эфес, из Эфеса в Сиракузы и так добрался до Рима, а затем двинулся дальше, в Галлию. Путешествия тянутся долго, море навевает скуку, мы страшимся кораблекрушения, мы боимся самих себя; и времени предостаточно, чтобы из уст старших спутников узнать главное о Гомере, кое-что о Вергилии, еще меньше об Овидии — но этого вполне достаточно, чтобы начать слагать песни, в которых образы, прежде созданные, соединяются в новом порядке, то обогащаясь новым словом, то на слово становясь беднее, изумляют и приводят в смущение неожиданными расхожденьями. Времени предостаточно, чтобы стать, как все, христианином; это откровение не удивляет, даже если прежде ты не знал никого, кроме Аполлона; Аполлон похож на Отца, а сам ты — его сын. К тому же молитвы этому Богу, являющему собой триединство, можно положить на музыку и славить нераздельно троих в единой мелодии: холодные и неизменные, как звезды, сестры будут восхвалять Отца; звуки страждущей лиры — повествовать о Сыне, а флейта — о Святом Духе. Времени предостаточно, чтобы наконец снять одежды с той, что тебя приютила, но на этот раз не для танца, а чтобы познать азы любви и не фальшивить, исполняя песни. Он научился играть на всех возможных инструментах, но любимицей выбрал лиру. Все пальцы на его руках были в ту пору целы, он ловко ими пользовался и стал искусным музыкантом. Он сказал мне, что через десять лет, после того как покинул Антиохию, будучи в самом расцвете своего таланта и молодости, уже не знал, у кого учиться. Он писал стихи, сочинял песни и баллады, имел собственную труппу мимов, хористов и танцóвщиц, и с проконсулами был на короткой ноге. Будучи хорош собою, он носил шафранную далматику и темно-синий плащ; уверенным шагом проходил он под портиками сквозь заросли арумов, и сиренево-синие клематисы падали на беломраморный пол; управляющие склонялись перед ним, плетками гоня мальчишек-плебеев, следовавших за ним по пятам; устрашающий свист плетей в окружении тончайших аро-

матов наполнял его сердце радостью и одновременно вселял печаль, и тогда рождались песни. А вечером, когда с поставленных в полукруг наклонных лож на него смотрели патрицианки с туманным взором, влажным от вина, тоски и мимолетных желаний, когда он предстоял перед ними, и музыканты были наготове, и танцовщицы замирали, затаив дыханье, трепещущие точно птицы, вот-вот готовые взлететь: одна нога чуть выставлена вперед и руки раскрыты на высоте груди, замерли и ждут его сигнала, который заставит их сорваться с места в безудержном вихре покрывал, в вихре тел, послушных неистовым аккордам, бешеным ритмам; одним движением плектра он будет вершить судьбу этого мира с его взлетами и падениями, с его выдуманной смертью, с его наигранной любовью; мир будет сосредоточен на кончиках его пальцев. Весь этот великолепный пурпур был соткан его волей. И если в лавровой роще он мечтал о чем-то подобном, то его желанье исполнилось.

Уже довольно давно он перестал вспоминать все это: прошлое иль чистый вымысел — чистый вымысел, потому что прошлое; может, ничего и не было. Но моя к нему снисходительность, вначале скрывавшая мое двуличие, переросшее потом в нечто новое, склоняла его к разговорам. Пока он предавался воспоминаниям, я внимательно за ним наблюдал; он же смотрел перед собою. Я воображал шафранную далматику и его восточную красоту, яркую, немного женственную, от которой остался один лишь удивленный взмах бровей — оттого что красоты не стало; все былые стремления свелись к любованию чайками, и искусство этого человека безвозвратно кануло в прошлое. Его калеченые пальцы трогали кабошоны креста, ласкали разноцветные каменья, на которые варвары так падки. Но был когда-то и другой предмет, строгий, греческий, старинный; он ничего собой не представлял, он мог быть чем угодно, например, тем, что в руке держал Аполлон, его отец, да и сам он сжимал с благоговением, с гордостью и даже с бахвальством — но его он больше не коснется.

Воспоминания ничуть его не тешили; он говорил о них с неохотой, но и молчать не мог; в недомолвках, вскользь оброненных замечаниях, в попытках что-то утаить проступала его неудовлетворенность, как если бы все прошедшее — кажущийся шумный успех, эфемерная иллюзия власти, редкие мелодичные звуки, пробившиеся сквозь мирской гул, — не смогло утолить его жажду: ни то, что он пережил, ни то, что успел рассказать. С сожалением или без, но рассуждать он мог лишь об этом, молчать же было невмоготу. Он получил меньше, чем жаждал: обнаженные танцовщицы прекрасны, послушны звукам поющей лиры, но не все они принадлежат

вам, когда музыка смолкает; у лиры только семь струн, и, если б даже было больше, ей не выразить всего, о чем шепчет ветер, о чем болит сердце; в тот момент в нем говорил мужчина, но он был не просто мужчиной и не только музыкантом. Что до его баллад, в них пелось не о жасмине, что цвел когда-то в Смирне, в июне, когда вам было двадцать и улыбнувшаяся патрицианка ждала вас к назначенному часу, и вы уже успели прикоснуться к ее плечам, и к ярко-желтому платью, и к коже, что белее жасмина. Нет, в них пелось о жасмине вообще или, хуже того, о жасмине, что нюхал вчера, не придавая тому значения, слушающий вас человек. Наверное, музыканту стало безразлично, торговать ли сардинами в Антиохии иль продавать свои ритурнели проконсулам.

Случалось, я тоже начинал говорить, когда он замолкал; я рассказывал ему о Равенне, о ее осторожном дворе, о власти и моих юношеских аппетитах; я поведал ему о своем детстве. Не знаю, слушал ли он. Но однажды на широком склоне по левую руку от нас лучи заходящего солнца играли на стальной листве густой оливковой рощи, одевая в чешуйчатые доспехи бездвижные оливковые легионы, подобно готским катафрактам[1]; а потом легкий ветерок привел в движенье эту армию, которая все равно не могла бы одержать победу над ночью; и низкорослые ослики послушно семенили меж деревьями; и я вдруг заговорил о Плацидии. О смуглокожей беспощадной Плацидии, которая умудрилась свести в могилу готского короля и галльского патриция и теперь делила ложе со своим братом Гонорием и правила вместо него Западной империей. Я рассказал о моей первой встрече с этой статуей, с этой пирамидой из дамасского шелка, золототканой парчи, жемчугов и драгоценных каменьев, посреди которых сверкали глаза; эти глаза и были Империей. Оливковые деревья слились в темную массу, в небе начали зажигаться звезды. Он повернулся ко мне и смотрел на меня в темноте не мигая; набрав в легкие воздуха, он произнес: "Я пел эпиталаму[2] на ее свадьбе с готским царем Атаульфом".

Он отвернулся. Мелкая дрожь сотрясла его тело. Это был смех.

Свадьба в Нарбонне, понятное дело, была маскарадом. Все участники действа не свои разыгрывали роли, а те, которые в жизни сыграть не довелось; все были исполнены убогого, шу-

1. Тяжеловооруженная конница.
2. Свадебная песня у греков и римлян.

товского пафоса, являя собой зрелище унылое и мрачное. Титул царя гóтов после смерти Алариха потерял свой статус, что вскорости доказали на деле заговорщики из Барселоны, в том убедив всех острием клинка. Дочь императора Феодосия, родившаяся в пурпуре, долгое время бывшая заложницей при обедневшем дворе, Плацидия стала теперь куклой беспомощного правителя, над которым она властвовала безраздельно. Римские епископы были готовы на любое вероотступничество, лишь бы только угодить арианским варварам. Что касается низшего слоя готских военачальников, то они, неловко путаясь в длинных тогах, изумленно взирали на патрицианок с подведенными глазами, чьи движения были манерны и жеманны, как у куртизанок. И хотя музыкант тоже был не на своем месте, это не мешало ему делать свое дело: он, как и надлежит, пел эпиталаму, руководил пением хора и исполнением танцев, сочинял и тут же исполнял хвалебные гимны; возможно, благодаря обольстительным звукам лиры, он невольно облагородил гнусную ложь сочетания браком Рима и варварских племен. Этот пышный маскарад должен был стать звездным часом в судьбе приглашенного музыканта, и на самом деле смеяться тут было не над чем, теперь, когда он заканчивал жизнь обыкновенным стариком и на руке его не хватало двух пальцев.

Я сказал ему это с бездумной жестокостью. Я чувствовал холод меча на своем бедре. Я вспомнил на одно мгновенье раненого пирата, что мучительно умирал на палубе под палящим солнцем: у него была пробита печень, и, когда я из жалости решил его прикончить, он взглянул на меня страшным взглядом. Ночь была темна, и стрекот цикад смолк; море билось внизу, не находя покоя; рядом со мною старик прерывисто дышал и уже не смеялся. Он долго молчал, возможно, он думал о жалких, но сладостных празднествах в убранной пышно Нарбонне, о звонких фонтанах, струящихся в мраморных чашах, об эпиталаме — банальном наборе известных сюжетов, одетом в звучные, пышные фразы, — но все же то была *им* исполненная эпиталама. Я понимал, что смеялся он не над этим. Но я был молод и не хотел ничего знать; встав, я собрался идти; он удержал меня за рукав туники и мягко заставил сесть снова; тоном дружеским, почти серьезным он произнес: "Главным событием в моей карьере, если это была карьера и вообще можно так сказать, оказалась смерть Алариха".

Алариха он встретил у галлов. Стоял сентябрь; он играл на виллах к северу от Лиона; племена готов с каждым днем подходили все ближе, сея тревогу. Вокруг царила бархатная осень, природа дышала негой, по утрам солнце вставало

сквозь зеленую дымку; неизбежность зимы и вторжения варваров, привкус лета, клонящегося к закату, вместе с остатками надежды подталкивали патрициев к щедрости, к женским ласкам, к широким бессмысленным жестам; они швыряли кошельки с золотыми монетами под ноги босым танцовщицам. Однажды ночью на вилле близ Отёна, когда музыка силилась отсрочить грядущие беды, во дворе раздался топот копыт: пред всеми явились всадники, облаченные в кольчуги, в шлемы, изображающие лесных чудищ с разинутыми глотками, увенчанные сучьями и крестами; из передней, куда они явились, освещенные сзади факелами, что держали маленькие прислужники, они казались лесными духами, страшными рогатыми оленями; они потребовали ночлега на языке Рима; ни у кого не хватило смелости или глупости им отказать. Когда настал следующий день, под эскортом рогатых воинов музыканты ушли по тропинкам в готский лагерь развлекать царя. *Он* сказал мне, что до конца своих дней будет помнить то шествие под сенью буйно-зеленых, теперь уж навеки исчезнувших галльских лесов на исходе лета, когда на тропинках, прячущихся в глухих тенистых зарослях, появлялись лесные олени и сами вели вас к опушкам, которые без их помощи вам ни за что не найти; и на этих светлых прогалинах, под чистым высоким небом, вам виделся восседающий на троне величественный Лесной Царь; иль, может, под кронами душистого орешника трон пустовал, и тогда лесная тишина становилась истоком всякой музыки, чье рождение бесконечно откладывается до прихода музыканта, и сдерживаются песнь и слезы. Да нет же, ведь это к Хозяину антиохийской рощи спешили тогда всадники средь райских галльских кущ.

В лагерь гóтов они добрались, когда уже совсем смеркалось. Их ввели в просторный шатер, где им надлежало играть. Провожатые удалились. В глубине шатра сидел спиной огромный человек в шубе, подле него стоял кувшин вина; его широкая спина почти скрывала маленькую старушку; с ней человек говорил тихим голосом, в котором порой слышались гневные ноты, но, возможно, то была нежность. Музыканты молча обнажили свои кифары, танцовщицы стали в позу, подняв грудь, распростерши руки; мимы приготовили маски, а *он* взялся за лиру, и всё — для этой спины, которая была неподвижна. Старушка встала и засеменила прочь, не вскинув ни на мгновенье глаз. Человек наконец повернулся, весь разом, как тяжелая глыба: был он краснолиц, но не уродлив, с виду важен, с глубокими морщинами, с бородой и суровостью Зевса; музыканту он показался прекрасным, настолько взгляд его был властен и подчинял себе взгляд встречный,

исключая саму возможность равенства; этот взгляд смотрел поверх вас, видя что-то свое, что его пленяло иль печалило; в нем сквозило неожиданное дружелюбие. Властитель взглянул на музыканта, музыкант ударил по струнам. Представление началось; Аларих пил вино; так продолжалось долго. Временами входил прислужник, неся новый кувшин, менял прогоревшие факелы и спешил укрыться в тень; его боязливая фигура казалась менее реальной, чем пустой взгляд царственного владыки, внемлющего бесплотной музыке. Танцовщицы, ошеломленные, испуганные, двигались точно сомнамбулы; вот одна оступилась и упала, поднялась и в отчаянье пыталась вновь вписаться в рисунок танца и, наконец, залилась слезами. Взгляд Алариха скользил по всему, что перед ним происходило, как взгляд быка по зеленому лугу, но неизменно в этом взгляде читалась властная, величавая любезность. Музыкант в изумленье обнаружил, что играл ради этого взгляда, и не только теперь, но и прежде. Решив, должно быть, положить конец мучениям танцòвщиц, Аларих изъявил желанье послушать еще раз поэмы. Труппа вновь исполнила песнь, повествующую о падении Трои: хитроумный царь Итаки осуществлял коварные замыслы, свергая могучих правителей, пленяя прекрасных цариц. Музыканту казалось, что он впервые исполняет эту поэму. Меж тем забрезжил рассвет; Аларих много выпил, его начал одолевать сон. Он сделал движенье рукой, словно кладя конец сражению — жест перемирия, — после чего учтиво поблагодарил актеров; в словах его сквозила сердечность, речь струилась складно и плавно. Стоя на пороге шатра, сжимая ставшую тяжелой лиру, музыкант вдыхал полной грудью небо — как в Антиохии, когда-то. Днем ему сообщили, что Аларих, царь всех гóтов, берет его на службу, суля солидное вознаграждение.

Он рассказал все это разом, как делают важное признанье. “Аларих в залог договора вручил мне тогда этот крест. Я ношу его с тех пор не снимая вот уж двадцать шесть лет”, — он добавил. Волненье сжало ему горло; простившись, он исчез во тьме; должно быть, на крутой тропинке он поминутно останавливался, всякий раз переводя дыхание, прижимая уцелевшие пальцы к варварскому кресту на груди, под которым глухо стучало его старческое сердце. Я же отправился в лагерь по самому берегу моря. Местные жители говорили, что, судя по некоторым признакам, Стромболи должен вот-вот проснуться и, вступив в умеренную фазу, зажечь средь морских просторов в ночи искрящийся факел; но все вокруг было тихо: лишь темная мертвая гора посреди графитного моря. Мыслями я все время возвращался в тот шатер, в ту другую

ночь, задолго до моего рождения, когда прекрасной наружности сириец, облаченный в дорогую далматику, предстоял пред сидящим колоссом в наброшенной на плечи шубе, не сводившем с него глаз, и что-то меж ними произошло; это что-то обрело форму музыки, дерзко противостоящей власти или к власти обращенной; музыки более сильной, быть может, чем то, к чему она обращалась и чему противостояла; а может, она сама стала властью, самой грубой ее формой, воплощением власти перед лицом властителя. Я чувствовал, то была игра, брошенный в лицо вызов, смертельный неравный бой. Это было до моего рождения. Тот человек в шубе с густой бородой Зевса, царь, исполненный противоречий, с ладно льющимися словами — к нему привела судьба музыканта, покинувшего Антиохию, — он был тем, о ком много позже, изо всех моих детских сил, вопреки здравому смыслу, я мечтал как об отце; мое сердце бешено стучало, когда при мне о нем говорили, произносили вслух его имя. Его портрет, только что описанный всеми забытым стариком, каким бы театральным он ни был, не обманул моих ожиданий, быть может, именно из-за своей театральности — иль потому, что был правдивым. Этого невозмутимого безразличия, этой безысходной страстности — именно их мне не хватало в Паннонии, пока с божественной небрежностью он крушил Священную империю и не моргнув глазом проглотил бродячего сына Аполлонова, одарив его крестом, шутки ради, в знак расположенья иль вовсе без причины. Манихеи[1] утверждают, что Отец жесток, мрачен и глух. До сирот ему нету дела, а возлюбленных своих сыновей, он посылает на крест. Потерявшая сына мать улыбается среди звезд, а на мысу Монтероза всеми забытый старик забылся сном младенца.

На следующий день он к скамье не пришел. Я не стал его дожидаться, а направился вверх по склону к вилле, подле которой изредка бывал прежде. Здесь не было даже подобия галльских кущ, лишь стояли то тут, то там одинокие кипарисы; зато по стенам виллы карабкался вьюн, вспыхивая голубыми цветами, что в вышине сливались с ослепительной синевой неба. У *него* в услуженье были два местных раба, два изрядно ленивых и непослушных мальчишки, на которых управу никак он найти не мог; их тела, худые и смуглые, заменяли ему, быть может, ос-

1. Сторонники дуалистического религиозного учения периода поздней античности, манихейства, состоявшего из вавилонско-халдейских, иудейских, иранских и других представлений о борьбе света и тьмы, добра и зла и созданного персидским пророком Мани (216–273 гг., Вавилония).

тавшуюся где-то в прошлом пышную наготу патрицианок, когда их платье цвета серы соскальзывало с плеч в зарослях жасмина. Кучерявый мальчишка встретил меня на пороге, исподтишка хихикая: хозяин в атриуме черное пил вино. Дворик был озарен лучами садившегося солнца; свет и струящийся по лбу пот ослепили меня; я долго моргал, прежде чем сумел что-то разглядеть: *он* сидел в дальнем углу, прямо на плитах, поджав ноги и склонив голову, будто задумавшись, подперев лысую голову тремя пальцами. Я подумал не без иронии, что настал мой черед стоя смотреть на человека, пьющего вино. Мне захотелось его задеть, вывести из себя, подойти ближе, но я все стоял в лучах яркого света, и тогда я решился его спросить без обиняков, где умудрился он потерять указательный и большой пальцы, нужные для того, чтобы держать плектр, указывать на то, что хочешь, и что хочешь брать. Мгновенье глядел он потерянно, потом сказал: "Случайность, чистая случайность. Удар меча..." — и отмел все остальное движеньем руки. Потом же без перехода продолжил рассказ:

"Я покорно следовал за ним до самого конца. Верней, он забрал меня с собою, как свое добро, и та сила, что все время гнала его вперед, дала мне роздых от той силы, что привела к нему. А может быть, просто он бежал от самого себя. Про него много лгут, но правды не знает теперь никто. Говорят, царю Иегу[1] и Навуходоносору он был подобен; 'бич Божий' — так называли его народы; и это возможно; никто из них никогда не видел его большую голову с выраженьем насупленного ребенка; крепок в кости, губы цвета запекшейся крови, красен лицом, борода же черна и мешки под глазами; во всем его облике было что-то дремуче-ночное, и меньше всего от него ожидать можно было печали, а уж к музыке расположения и подавно. Он насмехался, казалось, над всем и над всеми, но, как знать, быть может, всех больше — над самим собою. И то правда, что в ответ посланникам бледнолицего Гонория, дрожавшего от страха, но грозившего ему сражением с прекрасно обученными бесчисленными легионами, носящими славные имена Юпитера, Геркулеса, батавов[2], — как будто все эти старые тела, закованные в латы, изрубленные в куски, втоптанные в грязь со времен Траяна, из земли германской могли подняться, восстать, воскреснуть и римским воинам прийти

1. В Библии — Иигуй (842—814 до н. э.) — десятый израильский царь, известный своей жестокостью и вероломством.
2. Одно из германских племен, обосновавшееся в римской провинции Белгика; по сведениям летописцев, отличные наездники и пловцы, мужественные и целеустремленные воины.

на помощь, мрачные, зловещие, — на угрозы Гонория он отвечал, что от души желал бы, чтобы римские легионы численностью своей были поболе, потому как известно: чем гуще трава, тем легче косьба, а он косарь на все племена, на все времена. Но мало кто знал, как любил он мерный посвист косы утром весенним, как незатейливый сельский труд близок был сердцу его и наполнял тоской душу его одинокую, точно он был беглым рабом иль разбойником с дальних дорог; часто меня он просил, чтобы лира моя спела ему про тяжесть зрелых хлебов, про жатву, про жаркий и душный полуденный сон в тени нагретых солнцем душистых стогов, про то, как в кудрявых рощах, отдохнув от забот, сельские боги, воспрянув, встают ото сна.

Рассказывали, что, когда он неодолимой волной шел на ослабевший, готовый сдаться Рим, где-то в районе Римини навстречу ему вышел монах-отшельник. Воздев крест и выкрикивая издалека бессвязные фразы и слова увещевания, именем Пресвятой Троицы заклинал он царя остановиться и предавал анафеме на все четыре стороны света, призывая в помощники Отца, и Сына, и Святого духа, и скреплял все сказанное громогласным "аминь"; и тогда Аларих вышел перед своими знаменами и пошел к этому маленькому грязному человеку, изрыгающему проклятия, и как ни в чем не бывало взял святого под руку и, смеясь, стал объяснять, что он и рад бы не идти дальше, но это не зависит от его воли, что неведомая сверхъестественная сила толкает его к Риму, ногами пихает в эту бездну, насильно сажает его на трон и впивается ему в плечи, как злая гарпия. Именно сила, а не чье-то веское слово. В этой силе не было ничего, похожего на музыку, на хор ангелов, звучащий откуда-то с небес, с плывущих мимо облаков; оркестр, к которому он всю жизнь прислушивался, играл мелодию, которая всегда от него ускользала, летела вдаль, за тополя, за реку, а потом еще дальше, за холмы и долы, и останавливалась только над полыхающим храмом, трепеща в языках бушующего пламени, в криках о помощи, — но вот уже снова она устремлялась за дымом и влекла его за собою: туда, где Рим. И когда его воины, распевая псалмы и рубя направо-налево, взяли наконец Рим во имя Троицы (но совсем другой, нежели Троица отшельника), когда под разрушенными церковными алтарями и расплавленными дароносицами, под шелковыми накидками патрицианок, укрывшими спины лошадей, под мраморными сводами залитых мочой дворцов Аларих пытался услышать путеводную мелодию и напрягал слух, до него доносились лишь вопли насилуемых дев, рыдания матрон и стенания тех, кто

еще оставался в живых; он понял тогда, что мелодия, которую он тщится услышать, скрывается не в пурпуре, не в новом высоком титуле 'Верховный главнокомандующий войск Западной империи', который он себе присвоил, и не в холодном злате империи, принадлежавшем теперь ему; сотни раз хриплый рог звал эту мелодию прозвучать над побежденным Капитолием, но в ответ зазвенела какая-то песенка и полетела над Форумом, над пепелищем, вылетела за городские ворота и устремилась на юг; Аларих последовал за ней. Не страсть к золоту влекла его за собой и не жажда крови, и не стремление властвовать над всеми; то был едва различимый напев, неуловимый и эфемерный, летящий под облаками и перестающий дразнить только с приходом смерти. Вот чего ему не хватало, что толкало его вперед и составляло его мир. И для этой ненасытной прорвы я играл на лире".

Солнце почти что село; в дальнем углу атриума последний блик света играл еще на камнях, в луче танцевали пылинки, едва различимые для глаз, не имеющие названия, обреченные на исчезновение, как, возможно, и песенка Алариха. Я сидел около имплювия и чувствовал спиной свежесть воды; я тоже стал пить вино, разбавляя его водой, *он* же пил его, не разбавив. Но не вино развязало ему язык: в имени Алариха крылась для него особая магия, особая музыка; он о себе не говорил с таким волнением, с каким вспоминал своего повелителя, и в голосе его звучали восхищение и неодолимый гнев; он хватался за голову двумя руками, сдерживая что-то, что рвалось наружу, но губы его были быстрее, неосторожней и с легкостью выбалтывали сокровенные тайны. По седой бороде текло вино; иногда он замолкал и смотрел на меня, сам изумляясь тому, что́ он такое знает и что́ каким-то чудом вырвалось из его уст, перед невесть откуда взявшимся декурионом[1], почти ребенком, которого он едва знает, пусть даже в детстве этот юнец боготворил образ Алариха. Мальчишка-прислужник с заячьей губой — не тот, кудрявый, а его напарник — кривлялся что есть мочи за спиной старика, пытаясь повторить "Аларих, Аларих", но слово давалось ему с трудом по причине его физического ущерба и оттого, что наречье его не знало подобных созвучий: выходившее из его уст напоминало скорее гортанный крик нелепой, упрямой птицы. Старик поднялся тяжело и устало и прогнал его жестом, как гонят собаку. Мальчишка исчез в зарослях вьюнка, и неузнаваемое имя готского царя еще долго звучало в глубинах дома.

1. В Римской империи — член городского совета или сената.

"То была битва, — старик продолжал. — Меня он вызывал по своей прихоти и так же удалял, когда во мне не нуждался; я был для него диковинной разновидностью какой-то неведомой музыки, звучащей, где ей заблагорассудится, неизбежным и недостаточным ее отблеском, тусклым масляным светильником, теплящимся в ночи, в то время как его мятущаяся натура не признавала иного светила, кроме солнца. Только к солнцу он был устремлен, только этот жар мог его успокоить; от меня он требовал солнца, хотя знал прекрасно, что из рукава я его не достану, но зато мое маленькое пламя горело ярко и чисто, поднимаясь с каждым днем все выше, и каким бы несовершенным оно ни было, я вкладывал в него всего себя, все, что меня переполняло. Я сам, моя песнь, моя жизнь были для него факелом, он снисходительно наблюдал, как я горю и сгораю; всякий раз он благодарил меня учтиво и терпеливо — так с осторожностью благодарят тех, кто не справился с задачей, но не с такой задачей, с коей справиться возможно, а с такой, какая никому не под силу: как если бы он приказал, чтоб на коней навьючили бревна или поставили его шатер на размытой глине, и его не удивил бы плачевный итог, и он отблагодарил бы старателей, несмотря на сломанные лошадиные спины, на шатер, смытый водою, потому что работники сделали что могли, а он — царь и лишь перед собой в ответе. Но случалось, солнце готово было подняться, и тихая песенка Алариха, казалось, вот-вот зазвучит под моими пальцами — и тогда я чувствовал себя счастливым, но не потому, что достиг чего-то, а оттого что силюсь чего-то достичь и есть к чему стремиться. Возможно, так и Сын, в отчаянье, оттого что он лишь отражение света, но к источнику этого света исполненный любви, тщетно силится сиять подобно Отцу и быть хоть сколько-нибудь его достойным, и эта заранее проигранная битва — его единственный шанс. И тогда сквозь сияние креста, терний и крови, раздробленных костей, сквозь бред удушья он вдруг смеется и думает, что это он сияет, это он царит над миром, подобно золотому гвоздю, вбитому в стену; он, а не солнце, лучами жгущее затылок, разрывающее рот, слепящее глаза". Меж тем наступила ночь; ветер приносил крики чаек; какая-то безумная птица, а может, мальчишка-прислужник, выкрикивала три слога, укрывшись в цветущей роще.

Старик позвал кудрявого мальчишку, который лениво подошел, босыми шаркая ступнями по пыльным плитам; велел нести еще вина и что-нибудь поесть. По-прежнему с ленивым безразличием, как будто исполняя порученье, негожее для статуса его, кудрявый раб принес чуть-чуть оливок, бобов и сыра, и большой кувшин вина. Потом он занял место

рядом с нами, и мы за трапезу взялись все трое. Другой мальчишка, с заячьей губой, из тени вышел тихо и украдкой к нам подошел, и тоже сел на плиты, и начал с шумом косточки плевать в имплювий, где подрагивали звезды. Так мы сидели вчетвером, во тьме не различая лиц, хватая с жадностью еду и быстро осушая чаши, как все едят, когда темно; иль как живут — на ощупь, торопливо. Вдруг ссора вспыхнула меж двух мальчишек, уже изрядно захмелевших; они сквозь зубы начали друг друга обзывать, потом вскочили разом и исчезли, топча цветы и сыпля наугад удары, в меандрах комнат. Деревянная плошка, перевернутая ими впопыхах, долго стучала по плитам, как опрокинувшийся волчок иль как упрямый рот, твердящий всё слова одни и те же, одну и ту же тупую фразу, скороговорку, все слабее, тише, пока его не одолеет сон. Старик есть перестал, но я услышал, как он налил себе еще вина; я угадывал впотьмах, как левой рукой он сжимает чашу, а правой, не способной больше помочь утолить жажду, годящейся лишь касаться чего-то ненужного, бесполезного, давнишнего, он поглаживает нагрудный крест Алариха. Внезапно он снова начал говорить, с горячностью, как будто хотел покончить с чем-то: “Потом он умер. Но прежде песенка его пролетела над Лацием, таща за собой нескончаемый караван, который царская воля подняла с места и влечет за собой, в котором смешалось все: повозки, священные олени, епископы со своими псалмами, призывы хриплого рога, гул перемешавшихся языков, непрекращающиеся раздоры между наемниками — аланами, гуннами, германцами — вся Скифия снялась с места и вопреки своей воле, как река, отведенная в сторону, строптивая, но покорившаяся, хлынула за могучей фигурой в шубе, прислушивающейся к неуловимому. Песенка летела над Лацием и Кампанией, ненадолго повисла над Неаполем, Пестумом и Капуей, затем, не ведая жалости, потянула царя к югу, — туда, где мы теперь, — вынуждая его совершать форсированные марши, и, наконец, довела до Сицилии, где он надеялся беглянку поймать, прижать ее к сердцу и, быть может, отдохнуть от походов в ее широко распростертых материнских объятиях. Сицилия: он думал, что там ангелы сжалятся над ним, и остановятся, и спустятся к нему по огромным шелковым лестницам, перекинув арфы через плечо, распрастав шумные крылья, и из их златых уст польются благие для слуха псалмы. Сицилия, где, могло сбыться то, чего он желал: жена, другой музыкант, высокий титул, успокоение, возможно, сын, которого он так и не дождался. Когда мы прибыли в Луканию, им овладело беспокойство; дни на-

пролет мы шли через леса, без передышек и без остановок, а вечером готовились наутро вновь выступить в поход; в палатке он редко отдыхал, а чаще попросту валился на траву всей царственной своей фигурой, и я ему играл. Благорасположение его ко мне столь было велико, что, казалось, возьми я вместо систра простые сучья иль натяни веревку меж бычьими рогами, чтоб лиру заменить, он бы и это принял благосклонно. Но я играл день ото дня все лучше. В Лукании меж тем была весна; холмы и горы дубовыми кудрявились лесами, как в Галлии вблизи Отёна. Движенье нашей армии срывало с деревьев покрывало листьев, гнуло цветущие жасминовые ветви, сбивая с них утреннюю росу; пышная зелень тешила глаз, а под ногами ковром стелился мягкий мох; в благоговенье мы шли под девственными сводами, чувствуя себя избранниками судьбы, призванными увидеть эту красоту; как вдруг однажды утром олени, завидев меж деревьями просвет, в него нырнули, зависли на мгновенье и исчезли; и вслед за ними полетела колдовская мелодия, увлекая за собой вождя воинственных племен. Ребенком будучи, Аларих ее впервые услыхал в чащобах Скифии, похожих на кущи здешних мест; порою в диких зарослях дерев распахивались неожиданно пространства, где в глубине вставали лесные божества — то воины, то музыканты, а иногда те и другие вместе, — и воздух наполнялся пеньем птиц; те божества меняли облик свой, порою были они светом, играющим меж листьев, другой раз обращались в темную листву тенистых уголков; когда ж испуганный ребенок к ним приближался, распахивая широко глаза, раздвинув ветки исцарапанными в кровь руками, готовясь увидеть на грубо вытесанном троне величественную и страшную фигуру, то взору открывался лишь засохший ствол, могучий и корявый, увенчанный плющом, и больше ничего. Царь гóтов вздрагивал, как в детстве, хотел бежать и снова шел вперед, и торжествующий его поход на бегство был похож. Но бегство ли, триумф ли — конца не миновать. В Лукании, во глубине лесов, глухие есть болота, где гниют поваленные деревья, утопающие в зловонной трясине; там безобидные с виду комары берут у вас капельку крови, а взамен дают смерть. Эти крошечные твари вкусили густой и горячей крови Верховного главнокомандующего войск Западной империи, и колосс оказался повержен. Так, во всяком случае, говорят. Но возможно, он просто не захотел идти дальше. Сицилия... зачем?"

Старик коротко засмеялся. Мне показалось, что искалеченной рукой, рукой усталой, пережившей больше, чем другая, отмахивался от чего-то он во тьме: от слов несказанных,

от чащ луканских, воскресших в памяти, неузнаваемых, от предсмертного хрипа царя, его улыбки, напоследок обращенной к другу, — но, может, то был бред, и царь принимал его за другого. Мы осушали чаши раз за разом, не утоляя жажды. И вот, словно из имплювия, в котором дрожали, отражаясь, звезды, или, может, из темного квадрата неба над ним, где они сверкали столь же ярко, — иль нет, из старческого рта — вдруг снова донесся голос: "Потом он умер. Продолжение известно. Все знают, что́ он повелел и как был похоронен. Река текла чрез те края, густая, черная, с гниющими стволами по берегам, Бузент ее названье. Три дня кочующая Скифия, скорбя, сражаясь с тучей алчных комаров, лопатами, мечами и щитами канал неистово копала, чтоб реку отвести; все перепутав языки, до чресел увязая в иле, лихие воины рогатыми шлема́ми сгребали землю и дубы рубили, и гимны пели в память о царе, что спал последним сном, уставив в небо лик. Эту борющуюся с илом армию уж никогда не поведет за собою еле слышный напев, и самый главный подвиг она свершала в тот момент. Когда, бурля, поток по новому рванулся руслу, освободив речное дно, где на безводье дохли карпы и корни ив впервые дневной узрели свет, вся Скифия, рыдая и стеная, на дно спустилася: так воины германцев, восстав из мертвых после гибели в бою, в свои родные возвращаются болота. И скифы вырыли на дне огромную могилу и, положив в нее военные трофеи, награбленное римское добро, изваянные образы богов, предметы обихода, когда-то дорогие карфагенянам, грекам, сабинянам, бросили вослед им священный лабарум — знамя императора Константина, принесшее Риму семивековое могущество, а сверху опустили тело великого царя, как если б это был мешок, набитый золотом и мехом; оно плавно погрузилось в зыбь вверх животом и вскоре исчезло под скопищем разбуженных карпов. И тогда голоса, поющие псалмы, зазвучали громче, точно шли на последний приступ, и кто мечами, кто голыми руками, скифы стали ломать недавно возведенную плотину, и вся скопившаяся вода с ревом устремилась в привычное русло, погребая тело скифского вождя, поправшего ногами камни Рима. На этом скорбном берегу я пел в последний раз".

Внезапно я странные услышал звуки: надтреснутый, плаксивый голос старика без всякой лиры затянул чуть слышно песнь, похожую скорей на бормотанье. Он пел по-гречески; я узнавал слова Улисса, вопрошавшего Эреба, который столь же черен, как Бузент, и охраняет сон множества царей, великих и болтливых: чтоб их привлечь, Улисс овец зарезал, и пленники Эреба собрались на пир, по-стариковски жадно

пуская слюни и черную лакая кровь, и повели рассказ о злоключениях своих. Вот, значит, какие языческие строфы пел он тогда в Лукании, оплакивая христианского царя, обретшего покой на дне реки, владевшего оттуда миром и пребывавшего нигде, как и подобает Богу-Отцу. Хотя я изрядно выпил и был немного не в себе — но тот ночной голос звучал явственней самой яви, — мне показалось, что он фальшивил. Он стал петь о могуществе Агамемнона; никто про него не знает, вела ли его на штурм Трои какая-нибудь песенка, потому что он и сам давным-давно превратился в песню: и восстала могучая тень, и, насытившись черной кровью, принялась стенать и плакать, вопрошая, где его сын; и отвечал ему Улисс: "Зачем терзаешь, Атрид, меня вопросами? Не могу я сказать, жив ли он, умер ли. Что толку бросать слова на ветер?" Голос певца иссяк. Он пел для меня в тот вечер, как пел когда-то для упокоившегося на дне речном царя. Теперь он тихо плакал. Мне захотелось его обнять, прижать к груди. Я наполнил его чашу вином и неловким движением протянул ему; его пальцы коснулись моих, принимая чашу; они дрожали; он выпил вино громко, большими трудными глотками, как пьют старики и умирающие.

Наконец старик поднялся и, сделав несколько шагов, склонился над имлювием; он долго всматривался в тень свою, едва различимую во тьме, и то лишь потому, что там, куда она упала, не видно было звезд. Потом сказал: "Мне кажется, я с каждым днем все больше похожу на Алариха; должно быть, это заблуждение старческого моего рассудка: в левантийской физиономии, которую я вижу в зеркале, унылой и смиренной, нет ничего общего с нетерпеливым, полнокровным, опаленным солнцем лицом того, другого. Агония, быть может, придаст моим чертам запальчивый румянец, а смерть холодная покроет чернотою кожу; я превращусь в Алариха, когда меня уже не будет. Эта иллюзия дает мне силы жить: Сын никогда не будет равным Отцу; оба спешат вослед за мелодией, которой им не нагнать, оба спешат за Духом. А Дух... Отец отринул меня от лица своего, а сам теперь ест грязь под двадцатью саженями воды; он не распял меня; он бросил меня на этом острове, где я уже не пою, а просто ожидаю Духа, окончательную смерть, глядя на всегда одинаковое море, утомительное, как время, как полет птиц и как бряцанье оружия; море, в котором от Вечности не более, чем во всем остальном".

Три пальца сжали мое плечо. Геммы креста поблескивали в темноте. Старик сказал мне до свиданья. Я перешагнул через мальчишку с заячьей губой, заснувшего на пороге в

пятне лунного света, подобно Эндимиону[1]. Луна играла на листьях дубовой рощи, сквозь которую я шагал; одинокая ночная птица звала кого-то тихо и упорно; травы и кусты жили ночной жизнью — шорохами, прикосновеньями, ожиданием; в темноте мне чудились тени; но, как в Аполлоновой роще, как в лесах Лукании, как на дне реки и как, быть может, в небесах, усеянных звездами, там никого не было.

Насколько помню, вскоре после той ночи прибыли посланники из Равенны; мы узнали, что вандалы стремительно захватывают Испанию и что отряды, которые принято называть нашими легионами, наголову разбиты. Мы узнали, что сонное царство, которое именовали правлением Гонория, закончилось; умершего от водянки императора схоронили; теперь ожидали высочайшего решения досточтимых жен, василисс, упакованных в пышные ризы, — тех, что в танце считали па, а в борьбе отцов и братьев — удары, и втихомолку правили империей; в Восточной империи то была Пульхерия, в Западной — Плацидия, и только они решали, кому достанется власть, кто облачится в пурпур правителя Западной империи: Иоанн ли узурпатор или сын Плацидии Валентиниан; узурпатор был храбр, отпрыск же слаб и беспомощен, значит, в возвышении второго сомневаться не приходилось. Все это заставило нас немедленно отбыть в Рим. Ночь нам предстояло провести на корабле, с тем чтоб на рассвете сняться с якоря. Я не успел попрощаться с моим другом; вечером же увидел на берегу кудрявого раба-мальчишку, он лениво шаркал босяком по набережной, куда ходил покупать рыбу; я окликнул его и велел сообщить о моем отъезде хозяину. Опасаясь, что он забудет, я бросил ему несколько биллонов, дабы укрепить его память. Когда забрезжил день, пьянящий голубым сиянием, свежестью и новизной, мы подняли якоря. Вода была прозрачна, и дно как на ладони, и морская гладь предсказуема, словно юная дева; за безоблачным горизонтом меня ждало прекрасное будущее и уже простирало ко мне свои щедрые руки. Триремы заскользили по зеркалу вод, ловко вошли в пролив, приближаясь к мысу Монтероза. Солнце играло, как плектр по струнам, на всем, что попадалось на пути: оливы и паруса, маленькие ослики и огромные чайки превратились в единый оркестр, по-

1. В греческой мифологии — знаменитый своей красотой царь Элиды (по другим версиям, пастух или охотник), в которого влюбилась богиня луны Селена и от которого у нее родилось пятьдесят дочерей. Был погружен в вечный сон (по разным версиям, либо Зевсом — в наказание за любовь к Гере, либо самой Селеной, которая хотела поцеловать красивого юношу, дабы обрести вечную молодость).

слушный воле музыканта. На высокой скале над берегом я увидел знакомую виллу под сенью кудрявых дубов. Ощетинившись взмахами весел, весело пеня вкруг себя брызги, триремы шли, минуя мыс Монтероза: а там, на низкой скамье, сидел, глядя в море, старик. Сердце едва не выпрыгнуло из моей смятенной груди, я отстегнул плащ и изо всех сил стал размахивать им над головой, подпрыгивая и выкрикивая что-то, как юный бестолковый пес. На скамье под вечнозеленым дубом маленькая фигурка подняла руку в детском неловком жесте, старательном и уклончивом. Триремы понеслись дальше, взмахивая дружными веслами, вздымая густые брызги, сверкающие тысячью солнц; остров растворялся в дымке; плащ лежал у моих ног, и прыгать мне уж не хотелось; все дальше и дальше уплывала, становясь совсем неразличимой, потому что взор мой застили слезы, маленькая фигурка с прощальным жестом искалеченной руки, далекий дружеский взмах, последнее братское прости человека, с которым не увижусь и про которого мне было известно, что это Приск Аттал, бывший император Запада.

II

Про него я знал одно: Аттал родился на Востоке. Никому теперь не известно, как протекла его юность, были ль у него отец с матерью; никому не ведомо, из какой мечты — звуков лиры услышанных ли в роще, неопалимой ли купины, давшей ему законы и власть, или цветущего кустарника, сквозь который пылкая юность, снедаемая первыми желаниями, замечает манящую наготу; из какого волшебного виде́ния, из какого заветного стремления сотворил он свою реальность, свою жизнь; никто про то не знает, кроме разве что меня. Свою судьбу он нашел не сразу. Алариха он встретил между 400 и 410 годами по Рождестве Христовом; ему могло быть тогда лет сорок; некоторые считают, что в то время он уже играл на лире; другие, осведомленные лучше, но меньше достойные доверия, утверждают, что он был префектом в Риме, когда великий гот решил взять его к себе; им мне верить не хочется. Аларих же в те времена совершал набеги на Италию или Нарбоннскую Галлию и, может быть, подступил к Риму, а может, дошел лишь до лесов Отёна; в своей победе он не сомневался; ни одна армия была не в силах ему противостоять. Гонорий, укрывшись в Равенне, окруженной непроходимыми болотами, лениво предавался дреме и мнил себя императором. Аларих готовился к тому, чтобы захватить Рим, но от набожности или цинизма, а может, от неожиданной скромности, он

желал взять Рим, заручившись согласием Рима, словно бы по приказу императора. Он хотел, чтобы его армия, вся его кочующая Скифия, по мановению его шуйцы двинулась штурмом на Вечный город совершенно открыто, якобы по велению римского императора. Он был слишком горд, чтобы самому стать императором; а может — кто его знает? — хотел, чтобы его мелодию, пусть ненадолго, услышал кто-нибудь еще, а самому от нее отдохнуть. Выбор его пал на музыканта, то есть на префекта Рима, пришедшего к нему парламентером: это был Приск Аттал, сириец, красивый лицом и в придачу хорошо образованный. И как Отец, незримый для глаз, вместо себя посылает Сына, как еще не воплощенная музыка воплощается в звуках лиры, как неназываемое, явленное в слепящем свете, зовется у нас ангелами, так и Аларих решил свою волю диктовать через Приска Аттала. В ту глухую ночь, в лесной чаще, в самом сердце лагеря гóтов, в полыхании чадящих факелов, под бряцанье щитов и оружия, Приск Аттал стоял, окруженный пьяными легионерами, величавшими его Цезарем, Августом и Императором на тысяче языков; он принимал земные поклоны военачальников в рогатых шлемах, миропомазанье прелатов с Дуная и улюлюканья скопища скифов, мешавших приветствия с насмешками; а великан в мохнатой шубе, шепча ему на ухо шутки, клал на плечо ему панибратски руку, под которой Аттал сжимался. Так началась для сирийца новая жизнь, сулившая власть и богатство, а может, веревку на шее, но в ту ночь, так или иначе, он облачился в пурпур и надел на голову диадему.

Царствование его было недолгим. Известно, что одним из первых его указов было возведение Алариха в ранг Верховного главнокомандующего войсками Западной империи; пока Аларих занимал этот пост, Скифия невероятным образом сумела превратиться в империю, подавившую Запад. Мне приятно думать, что отец мой, Гауденций, от чьего слова зависела моя жизнь, должен был и словом, и делом держать ответ перед этой парой. Над таким положением вещей они, возможно, смеялись, но я полагаю иное; я склонен скорее думать, что по окончании торжественной церемонии они укрылись в шатре Алариха; один скинул шубу, а другой — пурпурный плащ, и оба всей душой предались музицированию, и новоиспеченный император стал петь для своего военачальника небылицы о похождениях Улисса: о том, как, желая поглумиться над ослепленным циклопом, тот принялся кричать во все горло, что имя ему Никто; как в другой раз он нарядился в безъязыкого немощного бродягу, чтобы легче было убрать соперников, женихов Пенелопы, поносив-

ших хозяина дома; повторяя в сотый раз эти песни иль им внимая, император и главнокомандующий были донельзя серьезны и всем сердцем страдали за Гомерова героя. Говорят, редкие речи императора были путанны, витиеваты и напыщенны; это весьма похоже на правду: он был начисто лишен дара строгой лаконичности политиков, и складные убедительные слова, исполненные гражданского пафоса, были ему не по плечу; меж тем слово он любил, правда, и боялся одновременно, боялся его высокопарности, его звучного пустого могущества. В Риме Аттала презирали; и я этому склонен верить. Говорят также, движимый тщеславием, он адресовал ультиматум Гонорию, такому же мнимому императору, как и он сам, предлагая ему отречься от власти, с тем чтобы спокойно окончить свои дни на далеком спокойном острове вблизи какого-нибудь вулкана. Я не вижу в том никакого тщеславия, разве что великодушие и полное отсутствие веры в величие императорского титула.

Аларих и сам не придавал никакого значения титулам. Годом позже, в Римини, великий гот собственными руками отобрал у Аттала пурпур и снял с него диадему. Мотивы действий этого властителя были и остаются загадкой; мне представляется, что он лишил Приска императорского титула лишь потому, что, на его взгляд, в мире было слишком много императоров и недостаточно музыкантов. И тогда развенчанный император добился у Алариха созволенья играть на лире в лагере гóтов, как играл он в памятную ночь своего воцарения в Риме; прекраснодушные ханжи, политики и пустословы усматривают в этом трусость, но если даже они что-то понимают в величии Рима, в тщеславном почитании себя и других, то песенку, за которой, не думая о почестях, гнались Аларих и его музыкант, им уловить не дано. Они забыли, как умер Сын, — ради того, чтобы единственно верная мелодия, впитав в себя Его позор и унижения, стала от этого чище и, на третий день после смерти, сотворила Ему новое мелодичное естество, подчинив себе и освободив толпы до скончания времен. Мне хочется верить, что для Аттала, слышавшего только музыку, было совершенно неважно, император он или нет.

Начиная с этого времени он поочередно становился то императором, то музыкантом. Аларих возводил его на трон, а вслед за тем лишал власти. Ему нужен был то музыкант, то послушный ему правитель, за чьей спиной удобно прятаться; изменения происходили в зависимости от нужд момента или по прихоти великана. Потом Аларих скончался; считают, что с той поры Аттал уже больше не пел, но занимал при готском дворе доходную и спокойную должность — то ли на-

чальника слуг, то ли устроителя церемоний. Впрочем, доподлинно известно, что на пышном бракосочетании Атаульфа с Галлой Плацидией он пел гимны Гименею. Мне хочется думать, что это была своего рода улыбка; и делал он это в память о том, чьей тенью являлся; то была прощальная песнь, обращенная бывшим музыкантом к бывшему властителю мира, над миром уже не властвующему; должно быть, Аттал надеялся, что вот-вот в какой-то миг, из загробного мира на него устремится взгляд благосклонный и слегка ироничный не ведающего спокойствия царя.

Потом готы отступили, и Аттал оказался в плену у императора Гонория, который, прежде чем сослать бывшего приближенного Алариха на тот самый остров, куда сам едва не попал, велел отрубить музыканту два пальца на правой руке, сопроводив публичную казнь традиционной позорной церемонией, на которые так падки слабохарактерные правители, заполучившие власть. Я не знаю всей правды касательно Приска Аттала, но мне почему-то думается, что, когда из-под топора упали на землю его кровоточащие пальцы, уже не являвшиеся частью его тела, он вспомнил улыбку своей матери, которая, когда он был младенцем и умел лишь плакать и смеяться, брала эти пальчики в рот, кормя его грудью — там, в далекой Антиохии, неподалеку от рыбного рынка, где шумела лавровая роща. Еще он подумал, что теперь все наконец-то оставят его в покое и ему не придется более играть роль императора или придворного музыканта; не придется быть кем-то помимо себя. Государство, слепой механизм, предоставляло ему убежище и пансион на старость: чего же еще желать, кроме как уйти от мира и предаться воспоминаниям, придумывая, как все было?

Сегодня на Каталунских полях[1] все мои мысли — о нем. Занимается день, в рощах затаились скифские лучники, кроны деревьев вздрагивают, птицы пробуют голоса в первых лучах рождающегося дня. Вся Европа здесь, на полях. Всё поет. Всё молчит. Я готов к сражению: я должен сегодня одо-

1. Место нескольких исторических сражений в современной французской провинции Шампань, первое из которых произошло в 274 г. между римлянами (император Аврелий) и галлами и закончилось окончательным подчинением Галии Риму. Второе, так называемая битва народов, о которой идет речь, произошло в 451 г.: соединенные галло-римские войска под предводительством Аэция, в союзе с армией Тулузского королевства вестготов, остановили нашествие варварских племен гуннов и германцев под началом Аттилы; это было крупнейшее сражение в истории Западной Римской империи.

леть этого нового Алариха, Аттилу, вместе с которым ребенком учился ездить верхом. Он тоже хотел всего, хотел свежего ветра в лицо; и песенку, что его зовет, надо остановить здесь, она не должна лететь дальше. Он ли падет от моей руки, я ли паду от его — жажды своей он не утолит, разгадку тайны не узнает. Не узнаю и я — патриций Аэций, командующий войсками Западной Римской империи, властитель и игрушка в руках фиктивного императора; я не более велик, чем тот, кто гниет в реке; я не более слаб, чем был Приск Аттал, всеми презираемый император и весьма посредственный музыкант, закончивший свои дни в обществе двух мальчишек, возможно, теперь оплакивающих его на вилле, увитой вьюном; Аттал, чье слово живет во мне, чья судьба продолжается во мне, через меня сегодня победит непобедимого Алариха.

На Каталунских полях закончится целая эра. И да свершится то, чего нельзя миновать: отец на сына, брат на брата поднимут сегодня меч, не держа друг на друга зла, и к вечеру одесную Отца не разнимут крепких объятий. Да погибнет мой брат Теодорих, сын Алариха, командующий готами, моим правым крылом, от руки другого моего брата, храброго и могучего Аттилы. Я смертельно от этого устал. Но все должно свершиться. Пусть же начнется битва! Лошади несутся, как стрелы, стрелы стремительны, как ибис. Надеваю на голову шлем и тебе вверяю себя, мой конь. Надо мною небо Липари, которое я тридцать лет не видел, такое же, как тридцать лет назад; а там, на острове, рассказывают, временами просыпается вулкан. Однажды с этих островов, где царствует вольный Эол, подует свежий ветер и принесет тихую песенку, и снизойдет на Землю Дух Святой, и покончит с этой историей между Отцом и Сыном. Но нас тогда уже не будет.

Из книги Псалмов

Перевод с древнееврейского, комментарии и вступление А. Э. Графова

Наша речь и весь (остающийся) культурный контент нашей жизни в огромной мере сотканы из Библии. Не только в моральном плане (это особая тема), но и лингвистически. Мы говорим словами Библии, сами того не замечая (как прозой). Вполне заурядные обороты литературного языка (например, "лицом к лицу", "с лица земли") на поверку оказываются калькам с древнееврейского. Наша цивилизация (исторически — христианская, противопоставленная исламскому, индийскому и китайскому "мирам", ныне — глобальная) основана на Библии. Это способны признать все, в том числе и агностики, и атеисты. Осознание людьми Библии как своей "исторической родины" могло бы стать предпосылкой для интеллектуального консенсуса.

* * *

Библейские переводы издревле, начиная с Септуагинты, следовали буквалистическому вектору. Такой подход, вообще характерный для первых шагов перевода, был обусловлен также и уважением к сакральности библейских текстов. Это в полной мере относится и к русскому Синодальному переводу (1876).

В XX веке получили распространение и другие, "небуквальные" переводы Библии (их еще называют динамическими). Эта парадигма имеет целью создать художественный текст, а не кальку или подстрочник; такие переводы стремятся также отражать новейшие достижения лингвистической и исторической науки. При этом переводчикам следует остерегаться ухода в противоположную крайность — в пересказ (из стремления к "литературности", при реализации тех или иных научных решений и т. п.).

На русском языке динамический подход представлен Библией Российского библейского общества (Библия. Современный русский перевод. — М.: РБО, 2011), к которой я имею непосредственное отношение: половина Ветхого Завета в Библии РБО — это тексты, переведенные или отредактированные мною. Но публикуемые ниже переводы псалмов — мой личный проект, начатый более десяти лет назад (некоторые из этих псалмов, в первоначальном варианте, были напечатаны в журнале "Страницы" в 1998—1999 годах).

© А. Э. Графов. Перевод, комментарии, вступление, 2012

Язык еврейской Библии, то есть Ветхого Завета (древнееврейский, иначе — библейский иврит), специфичен своей "неупорядоченностью", на фоне "стандартизованных" позднейших языков — таких, как новозаветное греческое койне, еврейско-арамейский язык Таргума Онкелоса-Йонатана, мишнаитский иврит. Это касается как лексики, так и морфологии. Кроме того, ветхозаветные тексты сильно испорчены древними переписчиками. Некоторые места просто непереводимы, будучи бессмысленными сочетаниями букв и огласовок. Поэтому при переводе часто приходится делать *конъектуру*, то есть предлагать исправление того или иного слова, на уровне букв и на уровне огласовок, с целью реконструкции исходного еврейского текста (ранние конъектуры, так называемые *кере́*, были сделаны еще в начале средних веков *масоре́тами*, еврейскими филологами, от которых до нас и дошел общеупотребительный текст еврейской Библии — *масоретский текст*). Предлагая конъектуры, ученые стремятся учитывать древние источники, прежде всего Септуагинту (созданный в III — II вв. до н. э. перевод еврейского Писания на греческий язык).

Мои комментарии (минимальные, исходя из журнального формата) посвящены в основном лингвистическим вопросам — пояснению конъектур, а также уточнению смысла еврейских слов, не вполне передаваемого их традиционными русскими эквивалентами (например, евр. *не́феш* и рус. *душа* — далеко не одно и то же). Как правило, слово комментируется при первом его появлении в данной подборке.

Для большинства псалмов нумерация в русской Синодальной (и церковнославянской) Библии отличается от еврейской Библии на один псалом. Я указываю номер псалма по русской Библии, а в скобках — его номер по еврейской Библии. Нумерация стихов в псалмах у меня еврейская (в ряде мест она не совпадает с русской).

Важное отличие древнееврейской поэзии от прозы — параллелизм стихотворных строк ("и возликует Иаков, // возвеселится Израиль"). У меня это отражено сдвигом второй (параллельной) строки вправо. Деление на строфы достаточно условно. Перевод сделан с масоретского текста, по изданию: Biblia Hebraica Stuttgartensia. — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1990.

* * *

Перевод, чаще всего, открыто или имплицитно претендует на статус "окончательного". Но разумнее было бы сказать, что перевод есть процесс, а переводчики и их труды суть лишь детали этого процесса. Что же касается библейских текстов, то их перевод завершится лишь вместе с той цивилизацией, которую эти тексты породили.

Псалом 3

[1]Песня Давида (когда бежал он от сына своего Авессалóма).

[2]Господь!* Как много у меня врагов!
Многие против меня поднялись.
[3]Многие говорят обо мне:
"Бог его не спасет". *Selah**

[4]Но ведь Ты, Господь, мой щит!
Ты слава моя*, Ты меня вознес.
[5]Громко Господа я зову,
и Он отвечает с горы Своей святой. *Selah*

[6]Лягу спать – и наутро проснусь,
ибо опора моя – Господь.
[7]Не боюсь многотысячных войск,
которые окружили меня.

3:2. *Господь.* – В оригинале стоит יהוה, личное имя божества древнеизраильских племен, ставшего Богом библейской традиции. Это адресат псалмов и главное действующее лицо еврейской Библии. Имя יהוה (часто обозначаемое как Тетраграмматон – Четырехбуквие), скорее всего, представляет собой "застывший" – то есть приобретший значение причастия – имперфект семитского глагола "быть": существующий, живущий. Другие примеры застывшего имперфекта, ставшего именем: Йицхáк (Исаак), Яакóв (Иаков).
Еврейская традиция считает, что имя יהוה обладает магической силой, и потому у евреев, начиная с древности, постепенно сформировался запрет на произнесение этого имени вслух. Уже Септуагинта (греческий перевод) заменяет его словом "Κυριος" ("Господин"). Отсюда – "Dominus" в Вульгате и "Господь" в церковнославянской и синодальной Библиях. Слово "Господь", несомненно, стало фактом русского языка. В данном переводе оно выделено другим шрифтом, чтобы подчеркнуть его особость.

3:3. *Selah* – музыкальный или певческий термин (значение неясно). Своего рода пометка, встречающаяся в тексте псалмов 71 раз.

3:4. ...*слава моя.* – Еврейское слово *кавóд* традиционно переводится как "слава"; представляется правильным сохранить такой перевод. Но следует отметить, что рус. "слава" – это почетная известность (БТС), тогда как евр. *кавод*, происходящее от корня כבד "быть тяжелым", может означать: весомость, богатство, значимость и т. п.

[8] Восстань, Господь!
Спаси, мой Бог!
Моих врагов Ты бьешь по лицу,
зубы злодеев дробишь.

[9] Спасение — от Господа.
Благослови Свой народ! *Selah*

Псалом 8

[1] Начальнику хора — на гиттѝт*. Песня Давида.

[2] Господь, Владыка наш!
Великое имя Твоё известно на всей земле!
Твоя слава превыше небес!
[3] Устами детей и младенцев Ты силу воздвиг
против недругов Своих,
врага Своего и мстителя Ты смирил.

[4] Гляжу на небо, творенье перстов Твоих;
луну и звезды утвердил Ты там.
[5] Что есть человек? Но Ты помнишь о нём!
А люди? Но Ты печёшься о них.
[6] Ты почти приравнял человека к богам*,
славой и блеском его увенчал.
[7] Ты дал ему власть над созданьями рук Твоих,
так что к его ногам склонились все:
[8] овцы, быки, полевые звери,
[9] птицы небесные, рыбы морские,
чей путь пролегает в глубинах.

[10] Господь, Владыка наш!
Великое имя Твоё известно на всей земле!

8:1. *Гиттѝт* — происходящая из Гата (мелодия или музыкальный инструмент). Гат — филистимский город.
8:6. *...к богам.* — Евр. *элохѝм*: "боги" или "Бог". В Синодальном переводе — "ангелы".

Псалом 10 (11)

[1]Начальнику хора. [Песня] Давида.

Господь – прибежище мое.
Зачем же вы говорите мне:
“Улетай, как птица, на гору свою”?

[2]Натягивают злодеи лук,
прикладывают к тетиве стрелу,
чтобы в честного выстрелить из тьмы.
[3]Разрушено до основанья всё,
а праведник – что делать ему?

[4]Господь – Он в Храме Своём святом!
Господь – на небе Его престол!
Глаза Его зрят,
Его очи всматриваются в людей.
[5]В праведных всматривается Господь,
а злодеев, привыкших к разбою, – их ненавидит Он.
[6]Шлёт Он на злодеев, как дождь, горящие угли и серу.
Их доля, чаша их – познать всю ярость ветра!

[7]Ибо Господь справедлив,
и праведность любит Он.
Лишь праведным дано увидеть Его лицо.

Псалом 13 (14)

[1]Начальнику хора. [Песня] Давида.

Глупец* сказал себе: “Бога нет!”
Развратились люди, мерзость творят,
добра не делает никто.

[2]Господь с небес взглянул на людей:
есть ли средь них разумный?
Хоть кто-нибудь ищет Бога?*

14:1. *Глупец.* – Евр. *навáл* означает “глупый, дрянной, нечестивый”. Но ни в коем случае не “безумец”, как в Синодальном переводе.

14:2. Под *дорéш эт Элохúм* (“...ищет Бога”) здесь может иметься в виду “просить, вопрошать, исповедовать определенный культ”, но не психологическое “богоискательство”.

[3] Все свернули с пути,
все погрязли в пороке!
Добра не творит никто,
ни один человек.

[4] Они не знают, что делают зло?
Пожирают народ Мой, словно хлеб!
Господа не призывают.

[5] Нагрянет ужас к ним,
ведь с праведными — Бог!
[6] Презрели вы чаянья бедняка,
но его прибежище — Господь.

[7] Когда же с Сиона придет к Израилю спасенье?
Народу Своему Господь былое счастье вернет* —
и возликует Иаков,
возвеселится Израиль!

Псалом 15 (16)

[1] Михта́м* Давида.

Храни меня, Боже!
Прибежище мое — у Тебя.
[2] Господу я говорю: "Владыка!
Всё благо моё — в Тебе".

[3] К Святым на земле, к Великим* —
лишь к ним меня влечёт.
[4] А кто спешит к другому* —
умножит свою скорбь.

От меня возлияний кровавых не дождутся они*.
И даже имен их не упомянут уста мои.

[5] Доля и чаша моя — Господь!
Ты — опора в судьбе моей.

14:7 ...*былое счастье вернет* — См. примечание к 126:1.

16:1. Значение евр. *михта́м* неясно.

16:3. *К Святым на земле, к Великим* — скорее божества, чем люди.

16:4. ...*спешит к другому* — поклоняется другому богу.
Они — иные боги.

[6] Отмерен надел мне на землях желанных.
Как прекрасны мои владенья!

[7] Благословен мой Наставник – Господь!
И ночью мне сердце* советы даёт.
[8] Живу – и Господь всегда предо мной.
Он справа стоит, и не дрогну я.

[9] Веселится сердце, язык мой* ликует,
и плоти моей ничто не грозит!
[10] В Шеóл* не отправишь Ты меня,
за верность мою от могилы спасёшь.

[11] К жизни путь укажи!
Полная радость – с Тобой!
В руке Твоей – счастье навек.

Псалом 17 (18)

[1] Начальнику хора. [Песня] раба Господнего Давида, которую он пропел Господу, когда Господь спас его от всех врагов (и от Саула). [2] И запел [Давид]:

Люблю Тебя, Господь, Ты – сила моя!

[3] Господь – скала моя, твердыня, Избавитель!
Мой Бог – скала. Укроюсь на ней!
Мой щит, рог спасенья, высокий оплот!
[4] Воззову я: "Славен Господь!" –
и спасусь от врагов.

16:7. *Сердце.* – В оригинале стоит *кильотáй*, буквально: "мои почки". В еврейской Библии почки, наряду с сердцем, – средоточие эмоций и мудрости.

16:9. *...язык мой.* – Конъектура по Септуагинте. В евр. масоретском тексте – *кеводи́* ("моя слава").

16:10. Евр. *Шеóл* – это царство мертвых, нижний мир, просто могила. В Шеоле "нет ни действия, ни разуменья, ни мудрости, ни знанья" (Экклезиаст 9:10). Перевод "ад, преисподняя" (то есть место вечных мук, уготованное грешникам) неприемлем.

[5] Путы смерти кругом!
Гибельные потоки страшны.
[6] Путы Шеола вокруг!
Смертельные силки впереди.

[7] В скорби к Господу я воззвал,
к Богу — чтобы спастись!
И в Храме Своём услышал Он,
внял зову моему.

[8] И дрогнула, закачалась земля,
основания гор сотряслись,
содрогнулись от гнева Его.
[9] Дым восходил из Его ноздрей,
огнь пожирающий — из Его уст,
раскалённые угли летели!
[10] Склонил Он небеса и сошёл,
под ногами Его простерлась мгла.
[11] На херувиме Он полетел,
на крыльях ветра ринулся вниз!
[12] Укутался Он в тьму,
укрылся в тучах — они темны и полны воды.
[13] Из сияния, что перед Ним, облака поплыли,
град полетел, раскаленные угли!
[14] Господь в небесах громом гремел:
голос Вышнего зазвучал,
град полетел, раскаленные угли!
[15] Своими стрелами Он рассеял врагов*,
молниями Он в бегство их обратил.
[16] Стали видны все русла вод,
до оснований обнажился мир —
от грозного оклика Твоего, Господь,
от дуновенья Твоих ноздрей!

[17] С высоты Он руку простер — и подхватил меня,
поднял меня из большой воды!
[18] От врага могучего Он меня спас,
от недругов моих, что были меня сильней.
[19] Напали на меня в день беды,
но Господь мне опорой стал!
[20] Вывел Он меня на простор,
спас, ибо я угоден Ему.

18:15. *Врагов.* — В оригинале — "их".

[21] За праведность воздает мне Господь.
Чисты мои руки — и Он мне воздал.
[22] Держался я Господних путей,
не уклонялся от Бога к злу.

[23] Повеленья Его всегда со мной,
законы Его не отброшу прочь.
[24] Непорочен я пред Ним,
остерегаюсь греха.

[25] За праведность Господь мне воздал,
видя, что руки мои чисты.
[26] Если верен кто — Ты верен ему,
с непорочными непорочен и Ты.
[27] С чистым Ты будешь чист,
а с лукавыми будешь хитрить.
[28] Бедняков Ты спасёшь —
и потупятся гордецы.

[29] О Господь! Ты зажег светильник мой.
Во тьме мне сияет мой Бог.
[30] С Тобою отправлюсь в набег,
с моим Богом — взберусь по стене!

[31] Бог! Непорочен Его путь,
слово Господа очищено в огне.
Он — щит для всех, кто искал прибежища у Него.

[32] Кто же Бог, как не Господь?
Кто же Скала, как не Бог наш?
[33] Это Бог, что силой меня наделил
и ведёт непорочным путём.
[34] Он сделал меня быстроногим, как лань,
и на высоты возвёл.
[35] Он учит меня воевать,
натягивать медный лук.

[36] Ты дал мне Свой спасительный щит,
рукой Своею меня поддержал.
Ты отозвался* — и я стал велик!

18:36. *Ты отозвался.* — Конъектура. Перевод масоретского текста: "смирение твое".

[37] Ты позволил мне шагать широко,
тверды мои шаги.

[38] Погонюсь за врагами, настигну их,
не вернусь, пока всех не перебью!
[39] Буду их бить — и не встанут они.
Под ноги мне упадут!

[40] Ты силой меня наделил для войны,
предо мной на колени ставишь врагов,
[41] обращаешь их в бегство, прочь от меня!
Моих недругов я истребил.
[42] Кричали они, но никто их не спас.
Звали Господа — не ответил Он!
[43] Пылью по ветру я их пустил,
как грязь на улице, их растоптал!*

[44] От борьбы с народом Ты избавил меня,
поставил меня во главе племён.
Народ, незнакомый мне, делает, что я велю.
[45] Покорились, едва услыхав обо мне:
чужеземцы заискивают предо мной!
[46] Чужеземцы уже сдались:
дрожа, выползают из нор своих.

[47] Жив Господь! Он благословен: Он — Скала моя!
Да будет превознесён Бог, спасший меня!
[48] Бог — Он за меня отомстил,
народы поверг предо мною ниц.

[49] Избавил от врагов,
над недругами вознес,
от творящих разбой Ты спас меня!
[50] Средь народов прославлю Тебя, Господь,
воспевать буду имя Твоё.

[51] Победы великие дарует Он царю,
Он верен помазаннику Своему —
Давиду, и потомкам его, вовек!

18:43. *Их растоптал!* — Конъектура по аналогии с 2 Самуила (рус. 2 Цар.) 22:43.

Псалом 22 (23)

[1]Песня Давида.

Господь меня пасет,
и ни в чем не нуждаюсь я.
[2]Дает Он мне отдохнуть на зеленых лугах,
приводит к тихой воде.
[3]Укрепляет Он меня,
путями праведными ведет,
ради имени Своего.

[4]Даже когда иду долиною тьмы*,
не страшусь никакого зла,
ибо со мною — Ты.
Твой жезл и посох даруют мне покой.
[5]Приготовил Ты мне стол на глазах у моих врагов,
голову мне умастил,
чаша моя полна!
[6]Благо и милость — удел мой на всю жизнь.
Снова и снова в Храм Господа буду я приходить!

Псалом 28 (29)

[1]Песня Давида.

Хвалите Господа, все боги*,
хвалите Господа — славу и силу Его!
[2]Хвалите славное имя Господне,
склонитесь пред Господом в святыне великолепной!

23:4. ...*долиною тьмы.* — Перевод масоретского текста: "долиною тени смертной". Но, скорее всего, масоретская огласовка слова *цалма́вет* ("тень смерти") ошибочна. Исследователи предлагают читать те же буквы с другой огласовкой: *цалму́т* ("тьма").

29:1. ...*все боги* — букв.: "сыны богов". Выражение "сыны богов" означает "боги", как "дочь Иерусалима" — это Иерусалим, а "сыны певцов" (Неемия 12:28) — это певцы. Здесь речь идет о различных семитских божествах, низведенных до роли безымянных членов свиты еврейского Бога (согласно благочестивой экзегезе, это ангелы).

[3] Голос Господа – над водой,
Бог славы громом гремит,
Господь – над бескрайней водой!
[4] В голосе Господа – сила,
в голосе Господа – величье.
[5] Голос Господа кедры ломает!
Господь ломает ливанские кедры –
[6] и скачут они, как телята.
Скачут Ливан и Сирьо́н*, как дикие быки!
[7] Голос Господа высекает огонь!
[8] Голос Господа сотрясает пустыню,
сотрясает Господь пустыню Кадеш!
[9] Голос Господа прозвучит – разрешатся от бремени лани,
обнажатся леса!
А в Храме Его все воскликнут: "Слава!"

[10] Господь восседает над верхним морем,
восседает Господь, воцарившись навек!*
[11] Силу даст Господь народу Своему,
Господь благословит миром Свой народ.

Псалом 37 (38)

[1] Песня Давида. Для напоминания.

[2] Не гневайся, не карай меня, о Господь!
Не наказывай в ярости Твоей!
[3] Стрелы Твои пронзили меня.
Тяжела Твоя рука.

29:6. *Ливан* – горный хребет. *Сирьо́н* – другое название горы Хермо́н.

29:10. Евр. слово *маббу́ль* (традиционный перевод – "потоп") обозначает мифический "верхний океан", водный резервуар, расположенный над небесной твердью; в 7-й главе Бытия описано, как воды этого "океана" затопили всю землю ("всемирный потоп"). Однако в ряде мест (Бытие 9:15; 11:10) *маббуль* – не физический объект, а и в самом деле событие, то есть потоп. Глагол ישב qal ("сидеть") может также иметь значение "царствовать" – весьма актуальное для данного стиха. Таким образом, возможен другой смысл стиха: "Господь царствовал уже во время потопа – и будет царствовать вовек".

[4] Здорового места нет на мне —
из-за негодования Твоего.
В теле здоровья нет —
из-за моих грехов.
[5] С головой накрыли меня грехи —
этого бремени мне не снести.
[6] Смердят и гноятся раны мои —
моя глупость тому виной.
[7] Склонился я, совсем поник,
весь день оплакиваю себя.
[8] В пояснице — жестокая боль,
здорового места нет на мне.
[9] Ослабел я, совсем сокрушен,
прямо из сердца стоны идут.
[10] Ты знаешь, Владыка, чего я хочу!
Слышны Тебе вздохи мои.
[11] Сердце трепещет, силы уходят,
потемнело в глазах.

[12] Чураются моих бед приятели и друзья,
близкие стоят в стороне.
[13] Те, кто хочет убить меня, ставят ловушки.
Зла мне желают, гибель сулят,
целый день измышляют обман.

[14] А я не слышу, словно глухой!
Я — как немой, что вечно молчит.
[15] Я стал как тот, кто не слышит
и не может вступить в спор.

[16] На Тебя уповаю, Господь!
Ты отзовешься, Владыка, мой Бог!
[17] Прошу, пусть не радуются они!
Я оступился — они возгордились.

[18] Я вот-вот упаду,
ни на миг не стихает боль.
[19] Но грех свой я признаю,
скорблю о своей вине.

[20] Враги мои живы, сильны.
Меня многие ненавидят — за что?
[21] Платят злом за добро: на меня ополчились
за то, что я благо творю.

[22] Не покидай меня, Господь!
Не уходи, мой Бог!
[23] Поспеши на помощь мне,
Владыка, спасенье мое!

Псалом 62 (63)

[1] Песня Давида (когда был он в Иудейской пустыне).

[2] Боже! Ты Бог мой, Тебя я ищу!
Тебя жаждет моя душа,
по Тебе томится тело
в пустыне иссохшей, безводной*.

[3] Ведь я видел в Святилище Тебя,
видел силу Твою и славу!
[4] Милость Твоя* дороже, чем жизнь.
Уста мои будут Тебя хвалить.
[5] Благословлять Тебя буду всю жизнь,
призывать Твое имя, руки воздев.
[6] Как на пиру, насытилась душа*,
и радостно славословят мои уста.
[7] Помню я о Тебе, когда ложусь,
о Тебе размышляю в ночные часы.
[8] Ты приходишь на помощь мне —
я ликую в тени Твоих крыл!

63:2. *...душа ...тело // в пустыне иссохшей, безводной.* — Или: "...душа ...тело — как пустыня иссохшая, безводная" (beth essentiae). Ср. ниже Пс. 142(143):6.

63:4. *Милость Твоя.* — Евр. *хе́сед* традиционно переводится как "милость". Общее значение этого слова: "верность, выражающаяся в постоянно творимом добре".

63:6. *Как на пиру, насытилась душа* — букв.: "Как жиром и туком, насытилась душа". Евр. слово *не́феш*, обычно переводимое как "душа", изначально имело значение "горло, глотка". Отсюда — семантическое развитие: "сам" (я, ты, он). Употребляя перевод "душа", надо помнить: эта "душа" — просто "человеческое я", то есть совсем не то же самое, что бессмертная душа из позднейшего религиозного тезауруса. В ряде мест Ветхого Завета вполне допустимо и значение "глотка". Так — в данном стихе ("словно жиром и туком насытилась глотка"). Так — и в стихе 2 этого же псалма ("жаждет душа / пересохла глотка").

[9] К Тебе прильнула моя душа,
Твоя рука — опора мне.

[10] А те, кто хочет отнять мою жизнь,
сами лягут под землю, вглубь!
[11] Они все пойдут под меч,
станут добычей шакалов.

[12] Царь будет радоваться Богу!
Кто клянется Им — ликовать будет,
а лжецам придется умолкнуть.

Псалом 81 (82)

[1] Песня Асафа.

Бог стоит в собрании Божьем*,
средь богов вершит Он суд.
[2] "Доколе будете вы судить нечестно,
злодеям помогать? *Selah*
[3] Явите же правосудье бедному и сироте,
неимущих и слабых защитите!
[4] Спасите бедняков, угнетенных,
вырвите их из руки злодеев!"
[5] Не понимают, не разумеют,
блуждают они во тьме.
Дрогнули основанья земли.

82:1. *Бог стоит в собрании Божьем* — букв.: "Бог стоит в собрании Бога" (в первом случае "Бог" — евр. *Элохи́м*, во втором — *Эль*). По распространенной научной трактовке, речь идет о собрании (совете) богов, составляющих свиту Господа (см. примечание к Пс. 29:1). Однако в последующих стихах эти "божества из свиты" занимаются вполне человеческой деятельностью: выносят приговоры в земном суде, то есть выступают в роли правителей/судей — и оказываются бессовестными судьями, вынося приговоры против слабых и угнетенных, в пользу сильных и власть имущих. Далее говорится, что они, эти судьи, умрут, как умирают люди (в том числе и правители). Возможно, здесь имеет место игра смыслов: адресаты псалма — это и "божества из свиты", и люди, "сильные мира сего". По мнению некоторых исследователей, слово *элохим* ("бог/боги") имеет также значение "сила" (Иов 1:16) и даже "судьи" (Исход 22:8).

[6] Говорил Я: “Вы — боги,
все вы — сыны Вышнего”.
[7] Но умрете вы, как умирает человек,
как любому правителю, вам настанет конец!

[8] Боже, восстань, будь судьей всей земле!
Над всеми народами властен Ты.

Псалом 87 (88)

[1] Песнь (песня Кораха́итов). Начальнику хора: петь на мотив “Махала́т”. Мудрость Хема́на Эзраха́ита.

[2] Господь, Бог спасения моего!
Днём и ночью мой вопль — к Тебе!
[3] Прими молитву мою,
услышь мой скорбный зов.
[4] Страданьями я сыт,
живу у черты Шеола,
[5] подобен сходящим в могилу
и тому, кто лишился сил.
[6] Я словно оставлен среди мертвецов,
среди тех, кто убит и погребён;
Ты уже не помнишь о них,
они не в Твоей руке.
[7] В глубокую могилу меня Ты низверг,
в темную бездну!
[8] Тяготеет на мне Твой гнев:
Ты шлешь волну за волной. *Selah*
[9] Ты прочь удалил моих друзей,
сделал так, что они гнушаются мной.
Я как в тюрьме, и не вырваться мне!
[10] От горя слабеют глаза.
Каждый день зову Тебя, Господь,
простираю руки к Тебе.
[11] Для мертвых ли Ты творишь чудеса?
Восстанут ли тени славить Тебя? *Selah*
[12] Возвестят ли в могиле милость Твою,
в обители мертвых — верность Твою?
[13] Разве знают во мраке про Твои чудеса,
в стране забвенья — про справедливость Твою?

[14] А я взываю к Тебе, Господь!
По утрам моя молитва приходит к Тебе.

[15] Зачем отвергаешь меня, Господь?
Зачем скрываешь лицо?

[16] Страдаю с юных лет, смерть всегда надо мной стоит,
изнемогаю* от страхов, которые Ты шлешь.
[17] Твой гнев не раз захлестывал меня,
сломили меня ужасы Твои:
[18] весь день бурлят они кругом, как вода,
окружают со всех сторон!
[19] Ты прочь удалил моих приятелей и друзей.
Кого знал я — те скрылись во тьме.

Псалом 89 (90)

[1] Молитва Моисея, Божьего человека.

О Владыка! Во всех поколеньях убежищем был Ты для нас.
[2] И прежде чем горы родились,
прежде чем породил Ты землю, весь мир,
и от века до века Ты — Бог!

[3] Возвращаешь Ты человека в прах,
велишь: "О люди! В прах вернитесь".
[4] Тысячелетье для Тебя — как вчерашний день,
что уже миновал,
и как стража ночная*.
[5] Ты проливаешь их*. Они — как сон.
Уже утром они сгинут*, как стебелек:

88:16. ...*изнемогаю.* — Конъектура (вместо масоретского *афу́на* чит. *афу́га*, qal от корня פוג).

90:4. ...*стража ночная.* — Стража как единица измерения времени (ночь разделялась на три стражи).

90:5. *Ты проливаешь их* (евр. *зерамтáм*). — То есть людей. Образ человека как проливаемой жидкости см. в Пс. 21(22):15 и в Иов 10:10. Обычно предлагается другой перевод *зерамтам*: "Ты смываешь их [потоком, дождем]". Но единственное, кроме этого места, упоминание в Ветхом Завете глагола זרם — в Пс. 76(77):18, не в qal, как здесь, а в poel, — дает значение "лить", а не "смывать" ("облака лили воду").
...*сгинут.* — В оригинале стоит глагол в ед. ч.: "[человек] сгинет".

[6] утром расцвел — и сгинул,
к вечеру он — уже увядший, сухой.

[7] Гибнем от гнева Твоего,
ярость Твоя ужасает нас!
[8] Положил Ты пред Собою наши грехи,
наши тайны — пред светом лица Твоего.
[9] Наши дни кончаются гневом Твоим,
годы наши мимолетны, как вздох.
[10] Мы проживаем семьдесят лет,
кто крепок — восемьдесят лет.
Лучшие годы проходят в трудах и скорбях!
Быстро минуют — и мы улетаем прочь...
[11] Кто знает силу гнева Твоего?
Сильна Твоя ярость! Не зря трепещут пред Тобой.
[12] Научи нас правильно наши дни исчислять,
чтобы мудрыми стали наши сердца.

[13] Сжалься*, Господь! Доколе?
Помилуй рабов Твоих!
[14] По утрам даруй нам милость Твою сполна,
чтобы мы ликовали и радовались каждый день!
[15] Порадуй нас — за скорбные дни, что Ты нам послал,
за горькие годы, что видели мы.

[16] Пусть явится рабам Твоим дело Твое,
их потомкам — слава Твоя!
[17] Да будет милость Владыки, нашего Бога, с нами!
Делу нашему помоги,
помоги нашему делу!

Псалом 90 (91)

[1] Тот, кто под кровом Вышнего живет,
кто под сенью Сильного обитает*,

90:13. *Сжалься* — букв.: "вернись". Перекличка со стихом 3, где Бог говорит людям: "Вернитесь [в прах]".

91:1. Евр. *Эльо́н* ("Вышний") и *Шадда́й* ("Сильный") — неоднократно встречающиеся в Ветхом Завете имена Бога. Этимология имени *Шаддай* неясна, перевод "Сильный" — условен. ...*под кровом* — букв.: "в укрытии". ...*под сенью* — букв.: "в тени".

[2] тот скажет Господу*: “О прибежище, крепость моя!
Мой Бог — уповаю на Него!”

[3] Спасет Он тебя от сети птицелова
и от страшного мора.
[4] Крылом Своим Он прикроет тебя,
под Его крылами убежище ты найдешь.
Его верность — щит и стена!
[5] Не испугает тебя ни ужас ночной,
ни стрела, летящая днем,
[6] ни мор, что приходит во тьме,
ни болезнь, что свирепствует в полдень.
[7] Тысяча убитых возле тебя падет,
десять тысяч — совсем рядом,
но тебя не коснется беда.
[8] Ты будешь только смотреть,
узришь ты кару, что к злодеям придет!

[9] “О Господь, Ты прибежище мое!”*

Избрал ты Вышнего убежищем своим,
[10] и зло не постигнет тебя,
беда не приблизится к твоему шатру.
[11] Повелит Он ангелам Своим,
чтоб хранили тебя на всех путях,
[12] и они на руках тебя понесут,
так что ногу о камень ты не ушибешь.
[13] На льва и гадюку наступишь ты,
растопчешь льва и змею!

[14] “Любит он Меня — и Я избавлю его,
спасу его, ибо знает он имя Мое.
[15] Воззовет ко Мне — отвечу,
в горестях буду с ним.
Я спасу его и прославлю,
[16] пошлю ему долгую жизнь
и явлю спасенье Мое.

91:2. *Скажет.* — Конъектура по Септуагинте. Вместо масоретского *омáр* (“скажу”) чит. *йомáр* (“скажет”).
Господу — Или: “О Господе”.
91:9. *О Господь, Ты прибежище мое!* — Возглас праведника, повторяющий реплику в стихе 2.

Псалом 101 (102)

[1]Молитва несчастного, который изнемогает и изливает жалобы свои пред Господом.

[2]Господь, молитву мою услышь,
внемли зову моему!
[3]Не скрывай Свое лицо!
Услышь меня сейчас, когда тяжко мне,
сейчас я взываю — скорей ответь!

[4]Мои дни улетают, как дым,
стали кости мои как обгорелые головешки*.
[5]От болезни иссохло сердце, как трава,
забываю даже поесть.
[6]Стенаю так, что стал я — лишь кожа да кости.
[7]Подобен я сове, что в пустыне живет,
или гнездящейся в развалинах сове.
[8]Не сплю... Я как птица, что одиноко на крыше сидит.
[9]Весь день оскорбляют меня враги,
ненавистники присказкой сделали имя мое.
[10]Пепел пищей стал для меня,
смешано питье с моими слезами,
[11]ибо Ты, в негодованье и ярость придя,
поднял меня и бросил прочь.
[12]Мои дни — вечерняя тень,
сохну я, как трава.

[13]А Ты, о Господь, будешь царствовать вовек,
все поколенья будут Тебя призывать.
[14]Ты поднимешься и помилуешь Сион!
Уже время его помиловать, срок пришел.
[15]Дорожат рабы Твои даже камнями его,
даже пыль его любят они.
[16]Имени Господа устрашатся народы,
устрашатся славы Твоей все цари земли,
[17]когда Господь восстановит Сион
и явится в славе Своей!
[18]Он услышит молитву бедных,
их мольбою не пренебрежет.

102:4. ...*как обгорелые головешки.* — Букв.: "как костер". Вместо масоретского כמו־קד чит. כמוקד ("как костер").

[19] Запишут это для следующих поколений,
чтобы в будущем люди восхваляли Господа!*
[20] Взглянет Он с высоты Своей святой,
с небес посмотрит на землю Господь –
[21] и услышит стенанья попавших в плен,
и освободит обреченных на смерть!
[22] И провозгласят имя Господа на Сионе,
восхвалят Его в Иерусалиме –
[23] когда соберутся народы,
придя из всех царств, чтобы Господу поклониться!

[24] Изнурил Он силы мои посреди пути,
сократил мою жизнь.
[25] Скажу: в половине жизни не забирай меня, Бог мой!
Ведь Твои лета продлятся сквозь все поколенья.
[26] Ты некогда землю основал,
небо – творенье Твое,
[27] но они исчезнут, а Ты пребудешь.
Как одеянье, они обветшают,
как одежду, сменишь Ты их,
смениться им предстоит!
[28] А Ты – все тот же,
летам Твоим нет конца.
[29] Потомки рабов Твоих будут жить,
их род утвердится пред Тобой.

Псалом 102 (103)

[1] [Песня] Давида.

Благослови, о душа моя, Господа,
сердце мое, хвали имя святое Его!
[2] Благослови, о душа моя, Господа,
не забывай все то, что сделал Он для тебя.

[3] Он прощает тебе все грехи,
исцеляет от всех недугов,
[4] от могилы спасает тебя.
Увенчал Он тебя Своей милостью и любовью!

102:19. *...восхваляли Господа.* – Здесь в оригинале стоит не Тетраграмматон (יהוה), а его сокращенная форма: יה. В псалмах данной подборки форма יה присутствует также в Пс. 104:35; 115:17,18; 122:4; 148:1,14 (по еврейской нумерации).

[5] Он шлет тебе благо, исполняя желанья твои*.
Юность твоя возродится — как у орла!

[6] Господь поступает по правде,
Его суд — угнетенным защита.
[7] Он явил Моисею Свои пути,
израильтянам — Свои дела.
[8] Сострадателен и милосерден Господь,
терпелив и многомилостив Он.
[9] Спор Его с нами — не навсегда,
гнев Его — не навек.
[10] Не по мере нашей вины поступает Он,
не сполна воздает за грехи.
[11] Как высота небес над землей —
так безмерна милость Его к тем, кто чтит Его*.
[12] Как восток от запада удален —
так наши грехи удалил Он от нас.
[13] Как любит отец своих детей —
так любит Господь тех, кто чтит Его.

[14] Знает Он нашу суть,
помнит, что мы — лишь пыль.
[15] Человек... Его дни — что трава,
он цветет, как цветок полевой:
[16] подует ветер — и нет его,
и место, где был он, не вспомнит о нем.

[17] От века до века верен Господь тем, кто чтит Его.
Воздаст Он добром даже внукам тех,
[18] кто договор* с Ним соблюдал,
кто помнил и исполнял заповеди Его.

[19] На небе Господь утвердил Свой престол,
повсюду простер Свою царскую власть.

[20] Благословите Господа, ангелы Его!
Вы сильны, вы делаете, что велит Он,
внимаете Его повеленьям.
[21] Благословите Господа, воинства Его!
Вы служите Ему, творите волю Его.

103:5. *...желанья твои.* — Конъектура по Септуагинте. Вместо масоретского *эдъе́х* чит. *орге́х*, инф. qal от корня ערג.
103:11. *...чтит Его.* — Букв.: "боится Его".
103:18. *Договор.* — Евр. *бери́т*, традиционно переводимое как "завет".

[22] Благословите Господа, все Его творенья,
везде, где властвует Он!
Благослови, о душа моя, Господа!

Псалом 103 (104)

[1] Благослови, о душа моя, Господа!
Господь, мой Бог, о как Ты велик!
Величье и слава — одеянье Твое.

[2] Облачился Он в свет, как в плащ,
простер небеса, подобно шатру,
[3] вышние чертоги Свои возвел на воде*.
Он делает облака колесницей Своей,
на крыльях ветра летит.
[4] Ветры — посланники Его,
слуги Его — языки огня.
[5] На опорах поставил Он землю,
и не сдвинется она никогда, вовек!

[6] Поверх, как одеянье, бездну Ты распростер.
Выше гор поднялась вода*,
[7] но бежала, услышав грозный оклик Твой,
Твой гром услышав, устремилась прочь,
[8] перехлестнула через горы,
низверглась в долины,
туда, где Ты ей быть повелел.
[9] Ты дал ей предел — и она его не перейдет,
никогда она больше не затопит землю.

[10] В долины Он посылает ручьи,
и текут они меж гор.
[11] Все животные полевые пьют из них,
утоляют жажду дикие ослы.
[12] Птицы небесные обитают при них,
щебечут среди листвы.
[13] Поит Он горы из вышних чертогов Своих.
(Плодами дел Твоих насыщается земля!)
[14] Он растит для животных траву
и злаки — чтоб их возделывал человек,
чтоб рождался хлеб из земли.

104:3. ...*на воде.* — Имеется в виду мифическое "верхнее море" (см. примечание к 29:10).
104:6. ...*поднялась вода.* — Вероятно, речь идет о потопе.

15 Дает Он вино, веселя людские сердца,
и масло олив — чтоб сияли лица людей,
и хлеб — чтоб сердца укрепить.
16 Получают влагу Господни дерева —
кедры ливанские, что Он посадил.
17 Птицы вьют гнезда на них;
аист — на соснах живет.
18 Высокая круча — обитель горных козлов;
жилище даманов* — скала.
19 Луну Он сотворил, чтоб время отмерять,
и знает солнце час заката своего.
20 ...Шлешь Ты тьму — наступает ночь,
и рыщут звери в лесу.
21 Львы рычат — испрашивают добычу себе,
у Бога просят еды.
22 Встанет солнце — они уйдут,
спрячутся в логове своем.
23 И выйдет человек, и примется за работу,
до вечера будет трудиться.

24 Как многочисленны творенья Твои, Господь!
Мудро сотворено Тобою всё,
земля полна созданий Твоих.
25 Вот великое море, бескрайний простор!
Там — малые и большие существа, без числа.
26 Там плывут корабли,
там левиафан — Ты его сотворил, чтобы с ним играть*.
27 Они все надеются на Тебя,
ждут, что еду Ты дашь им в срок.
28 Ты дашь им — они подберут,
руку раскроешь — благо вкусят,
29 а скроешь лицо Свое — испугаются они,
отнимешь у них дыханье — умрут,
вернутся в прах.
30 Но шлешь Ты дыханье Свое* — и вот они созданы вновь!
Ты обновляешь лицо земли.

104:18. *Даманы* — разновидность млекопитающих.

104:26. *Левиафан* — морское чудовище (но здесь, возможно, кит или дельфин). Поиграть с левиафаном Бог предлагает также Иову (иронически), в Иов 40:29. Правда, этот (из 40-й главы книги Иова) левиафан скорее напоминает крокодила.
Другое понимание: "...там левиафан — Ты его сотворил, чтобы он играл/резвился в нем [в море]".

104:30. *...дыханье Свое.* — Параллель с "дыханьем" из предыдущего стиха. Значения евр. *руах*: дыхание, дуновение, ветер, дух. Многозначность этого слова актуальна уже для Быт. 1:2 ("дух Божий летал над водой").

[31] Пусть славится Господь вовек!
Пусть радуется Господь твореньям Своим!
[32] Он взглянет на землю — она задрожит,
коснется гор — и дымятся они.
[33] Всю жизнь я буду Господу петь,
буду Богу моему петь хвалу, пока я жив!
[34] Да будет приятна Ему эта песнь!
Господу радуюсь я.
[35] А грешники пусть исчезнут с земли,
пусть злодеям придет конец!
Благослови, о душа моя, Господа!
Хвалите Господа!*

Псалом 113 (114 и 115)

[1] Когда ушел Израиль из Египта,
род Иакова — от народа, чья речь непонятна,
[2] то стала Иудея святыней Его*,
Израиль — владеньем Его.

[3] Море увидело — и убежало,
Иордан обратился вспять.
[4] Скакали горы, как барашки,
холмы — как ягнята.

[5] Что с тобою, море? Почему ты бежишь?
Почему, Иордан, обратился ты вспять?
[6] Почему вы, горы, скачете, как барашки,
и вы, холмы, — как ягнята?

[7] Трепещи, земля, пред Владыкой —
пред Богом Иакова!
[8] В озеро превратил Он скалу,
камень в родник превратил.

104:35. *Хвалите Господа!* — Евр. הללו יה (отсюда — рус. "аллилуйя"; об имени יה см. примечание к Пс. 102:19). Далее в псалмах этой подборки формула הללו יה дана в Пс. 115:18; 148:1,14 (по еврейской нумерации).

114:2. *Его* — Господа.

С этого места в еврейской (масоретской) Библии начинается псалом 115; номера его стихов даны в скобках.

9 (1) Не нас, о Господь, не нас,
а имя Свое прославь,
по милости и верности Своей!
10 (2) Пусть народы не говорят:
"Где же их Бог?"
11 (3) Бог наш — на небесах;
что пожелает, то и сделает Он.
12 (4) А идолы их — серебряные, золотые,
творение рук человека:
13 (5) есть рот — и не говорят,
есть глаза — и не видят,
14 (6) уши есть — и не слышат,
есть нос — и не обоняют,
15 (7) есть руки — и не осязают,
ноги есть — и не ходят,
и гортань их безмолвна.
16 (8) Пусть станет таким и тот, кто делает их,
всякий, кто уповает на них!

17 (9) Израиль, на Господа уповай!
(Он для них — помощь и щит.)
18 (10) Род Аарона, на Господа уповайте!
(Он для них — помощь и щит.)
19 (11) Все, кто Господа чтит, на Господа уповайте!
(Он для них — помощь и щит.)
20 (12) Господь нас помнит — и благословит нас!
Благословит Он род Израиля,
благословит Он род Аарона,
21 (13) благословит всех чтущих Господа,
и малых, и великих.
22 (14) Пусть даст вам Господь еще больше,
и вам, и детям вашим!
23 (15) Благословлены вы Господом,
сотворившим небо и землю.
24 (16) Небо есть небо Господне,
а землю Он отдал людям.
25 (17) Не мертвые будут Господа хвалить,
не те, кто сошел в Безмолвие.
26 (18) Господа благословлять будем мы,
отныне и вовек!
Хвалите Господа!

Псалом 121 (122)

[1]Песня восхождения. [Песня] Давида.

Возрадовался я, когда сказали мне:
"В Храм Господа мы пойдем!"
[2]Наши ноги ступили во врата твои, Иерусалим.

[3]Иерусалим построен как единая твердыня.
[4]Сюда восходят племена, племена Господни.
У Израиля заповедь – имя Господа славить*.
[5]Здесь стоят престолы для суда,
престолы потомков Давида.

[6]Молитесь о мирной жизни для Иерусалима:
"Пусть вкушают покой все, кто любит тебя!
[7]Пусть меж твоих стен царит мир,
в башнях твоих – покой!"
[8]Ради родных и друзей
скажу я: "Мир тебе!"
[9]Ради Храма Господа, нашего Бога,
блага тебе желаю.

Псалом 122 (123)

[1]Песня восхождения.

К Тебе я обращаю взор,
о Восседающий на небесах!
[2]На руку господина глядят неотрывно рабы,
рабыня – на руку своей госпожи,
а мы устремляем взор к Господу, нашему Богу,
ждем, что Он помилует нас.

[3]Помилуй, о Господь, помилуй нас!
Уже нет сил оскорбленья терпеть,
[4]терпеть насмешки от тех, кто горя не знал,
и оскорбленья от гордецов.

122:4. Другой перевод этого стиха: "Сюда восходят племена, племена Господни, // чтобы, по заповеди, [данной] Израилю, имя Господа славить".

Псалом 123 (124)

[1]Песня восхождения. [Песня] Давида.

Если бы не был за нас Господь –
пусть Израиль скажет так! –
[2]если бы не был за нас Господь,
когда люди ополчились на нас,
[3]они бы нас проглотили живьем,
в неистовой злобе своей.
[4]Вода затопила бы нас,
поток бы нас захлестнул,
[5]захлестнула бы яростная вода!

[6]Благословен Господь,
не давший им нас растерзать!
[7]Мы спаслись, как птица из силков.
Силки порвались – и мы спасены!
[8]Имя Господа помогает нам,
имя Творца небес и земли.

Псалом 125 (126)

[1]Песня восхождения.

Когда Господь Сиону былое счастье вернул*,
нам казалось, что это сон.
[2]Ликовали наши уста,
языки наши радостно пели.
Говорили народы:
"Великое дело сотворил ради них Господь!"
[3]Да, великое дело Господь ради нас сотворил!
Как же радовались мы!

126:1. ...*былое счастье вернул.* – Вместо масоретского *шивáт* чит. *шевúт* или *шевýт* (см. кетив и кере в стихе 4). Сочетание שבית/שבות с глаголом שוב (qal или hif.) может означать "вернуть пленников на родину" (как, например, в Иеремия 30:3), но также и "вернуть былое благополучие" (в Иов 42:10 – ведь Иов, как известно, в плену не был). В данном псалме никакие реалии, связанные с пленом или возвращением из плена, не упомянуты, и потому перевод "когда Господь Сиону былое счастье вернул" представляется более правдоподобным. Но и вариант "когда Господь на Сион пленников вернул" отнюдь не исключен.

[4]О Господь, пусть вернется наше счастье,
как ручьи, что бегут через Негев!
[5]Сеявшие со слезами
за жатву примутся с радостным пеньем.
[6]Кто плача шел и сеял* семена,
тот придет напевая, со снопами в руках!

Псалом 136 (137)

[1]У рек вавилонских сидели и плакали мы,
вспоминая Сион;
[2]на тополях мы повесили арфы свои.
[3]Взявшие нас в плен велели теперь, чтоб мы пели,
те, кто нас в плен угнал*, возжелали веселья:
"Пойте нам песни Сиона!"
[4]Как же нам петь Господню песнь на чужбине?

[5]Если забуду тебя, Иерусалим,
пусть усохнет* десница моя!
[6]Пусть прилипнет к нёбу мой язык,
если не буду я помнить тебя,
если не будет Иерусалим высшей радостью моей!

[7]Припомни же эдомитянам, Господь,
тот день, когда пал Иерусалим!
"С землею его сровняйте!" — кричали они.

[8]О разрушительница*, дочь Вавилона!*
Счастлив тот, кто отплатит за все, что ты сделала нам!
[9]Счастлив тот, кто схватит твоих детей
и о камень их разобьет!

126:6. ...*сеял* — Масоретское *ме́шех* можно понять как "кожаный мешок" (с семенами). Лучше, однако, вместо *ме́шех* прочесть *мошéх* "сеющий" (משך qal прич.). Ср. Амос 9:13.

137:3. *Угнал.* — Конъектура по Септуагинте. Вместо масоретского *тола-ле́ну* чит. *молихе́ну* (прич. hif. от корня הלך).

137:5. ...*пусть усохнет* — Конъектура. Вместо масоретского תשכח чит., с метатезой, תכחש (юссив qal от כחש). Ср. כחש qal в Пс. 108(109):24.

137:8. *Разрушительница.* — Конъектура. Вместо масоретского *шедудá* чит. *шодедá* (то есть не пассивное причастие, а активное).
Дочь Вавилона — персонификация Вавилонской империи.

Псалом 142 (143)

[1]Песня Давида.

Господь, услышь молитву мою!
Ты верен — внемли мольбе!
Ты справедлив — ответь!
[2]Не зови меня, раба Твоего, на суд:
пред Тобою виновны все.
[3]А меня преследуют враги:
в землю втоптали жизнь мою,
низвергли меня во тьму,
как тех, кто умер давно.
[4]Мой дух ослабел,
онемело сердце.
[5]Вспоминаю прежние дни —
думаю о свершенном Тобой,
размышляю о делах Твоих рук.
[6]Простираю руки к Тебе:
душа моя жаждет Тебя, как иссохшая земля! *Selah*
[7]Скорее ответь мне, Господь!
Дух мой уже изнемог.
Не скрывай Своего лица,
чтоб не стал я как те, кто в могилу сошел.
[8]Возвести мне утром милость Твою!
На Тебя лишь надеюсь я.
Покажи мне, каким путем идти.
Устремляюсь я ввысь, к Тебе!
[9]Спаси от врагов, Господь,
Ты — прибежище мое*.
[10]Научи Твою волю творить,
ибо Ты — мой Бог!
Пусть дух Твой благой меня выведет на равнину.
[11]Ради имени Твоего, Господь, сохрани мою жизнь!
Ты справедлив — вызволи из беды!
[12]Ты верен — сокруши же моих врáгов,
недругов моих истреби,
ибо я — раб Твой!

143:9. ...*прибежище мое.* — Конъектура по Септуагинте. Вместо масоретского *киссúти* чит. *нáсти* (перф. qal от корня נוס).

Псалом 148

[1] Хвалите Господа!
Хвалите Господа с неба,
хвалите Его на высотах!
[2] Хвалите Его, все ангелы Его,
хвалите Его, все воинства Его!
[3] Хвалите Его, солнце с луной,
хвалите Его, все светлые звезды!
[4] Хвалите Его, небеса небес,
и воды, что над небесами!

[5] Пусть все они имя Господа хвалят:
Его веленьем сотворены они.
[6] Он поставил их навсегда, навек,
дал им всем непреложный закон.

[7] Хвалите Господа с земли,
о твари морские и вы, все бездны,
[8] огонь и град, снег и туман,
бурный ветер, что волю Его творит,
[9] горы и все холмы,
деревья плодовые и все кедры,
[10] все звери, все животные,
и мелкие существа, и птицы крылатые,
[11] цари земные и все народы,
правители, все властители земные,
[12] юноши, девицы, стар и млад!
[13] Пусть все они имя Господне хвалят,
ибо только Его имя превознесено:
славен Он на земле и на небесах.

[14] Он возвысил рог* народа Своего,
увенчал хвалою всех верных Своих,
сынов Израиля — народ, близкий Ему.
Хвалите Господа!

148:14. *Рог* — символ могущества. Ср. выше Пс. 17(18):3.

Марина Ефимова

Женщины Хемингуэя. Прототипы и персонажи

Друзья Хемингуэя говорили, что для каждого нового произведения ему была нужна новая женщина. Если это была шутка, то она недалека от истины.

Его первая любовь и его последняя любовь породили героинь романов "Прощай, оружие!" и "За рекой в тени деревьев". Первая его любовная страсть дала жизнь Брэтт Эшли в романе "Фиеста". Тайная возлюбленная (которую он долго скрывал от второй жены) преобразилась в героиню рассказа "Короткое счастье Фрэнсиса Макомбера". А сама вторая жена попала (или лучше сказать — угодила) в рассказ "Снега Килиманджаро". Третья жена вдохновила роман "По ком звонит колокол", первая попала в книгу "Праздник, который всегда с тобой". Только четвертая, последняя жена осталась за бортом написанного при ней великого произведения "Старик и море". Как персонаж она появляется только в письмах Хемингуэя и в его шутках — часто злых. (Зато ее увековечил Ирвинг Шоу — в образе Луизы в романе "Молодые львы".)

Женщин было так много, что им посвящена отдельная 500-страничная книга — "Женщины Хемингуэя"[1]. Однако третья жена писателя, Марта Геллхорн (сама писательница и журналистка), предлагала автору — Бернис Кёрт — назвать эту книгу "Жены Генриха Восьмого Тюдора-Хемингуэя".

Но в каком-то смысле он был консервативен и традиционен, — считает редактор Полного собрания писем Хемингуэя профессор Сандра Спэниар. — Первая жена, а потом и кто-то из друзей, говорили о Хемингуэе: "Его проблема — в том, что он считает необходимым жениться на каждой женщине, в которую влюблен"[2].

Не на каждой. Героиней "Фиесты" — первого романа Хемингуэя, принесшего ему мировую славу, стала не тогдашняя жена Хэдли Ричардсон, а молодая англичанка Дафф Твисден — экстравагантная, окруженная поклон-

1. Bernice Kert. Hemingway Women. — NY-London: W.W. Norton & Company, 1983.
2. Здесь и далее из интервью Сандры Спэниар, данного М. Ефимовой в октябре 2011 г.

© Марина Ефимова, 2012

никами красавица, чья жизнь в Париже 20-х представляла собой трагический, но красочный хаос, к которому как нельзя больше подходили слова Гертруды Стайн, взятые Хемингуэем для эпиграфа к роману — "Все вы — потерянное поколение". Ревнивая влюбленность Хемингуэя в леди Дафф была первым испытанием для "парижской" жены Хэдли. Ей пришлось стать свидетельницей этой страсти во время поездки в Памплону в 1926 году, которая из веселого путешествия друзей превратилась в яростное соперничество мужчин за любовь леди Дафф. В реальности отношения Хемингуэя и Дафф Твисден ни во что не вылились, но тут же в Испании легли в основу романа "Фиеста", написанного в Мадриде за два месяца.

Писание было для Хемингуэя терапией, — считает профессор Джон Берри, директор мичиганского музея Эрнеста Хемингуэя. — У него была тяжелая наследственность от отца — неустойчивость психики, резкая смена настроений, склонность к депрессиям. Есть много свидетельств, что своей литературой он залечивал сердечные раны или "выписывал" из себя тягостный опыт. Он сам себе был психологом и психиатром[1].

Причем в описаниях любви Хемингуэй часто преображал реальность так, чтобы это не ранило его самолюбие. Достаточно вспомнить неумирающую (хоть и безнадежную) любовь Брэтт Эшли в романе "Фиеста", сладостную и безоглядную любовь Кэтрин в романе "Прощай, оружие" и Марии в романе "По ком звонит колокол". Любопытно, что при нестабильности собственной психики, Хемингуэй не терпел этого в женщинах. Он не без гордости писал, что все его жены были "счастливыми, здоровыми и стойкими, как кремень". И первым таким примером была "парижская жена" — Хэдли Ричардсон.

В посмертно изданной книге Хемингуэя "Праздник, который всегда с тобой" — о Париже 20-х годов — есть фраза, которая всех нас в молодости растревожила. После ностальгического описания счастливой жизни с Хэдли он пишет: "А потом пришли богатые". (И как бы разрушили их счастье.) Судя по всему, это в первую очередь относилось к американке, сотруднице журнала "Вог", другу семьи Полин Пфайфер, которая стала новой (сперва тайной) любовью Хемингуэя. О начале их романа он через много лет писал:

Куда бы мы ни ходили с ней в Париже, чем бы ни занимались, в этом во всём было непереносимое счастье и щемящая боль... Непобедимый эгоизм и вероломство во всем, что мы делали... нестерпимые угрызения совести.

Однажды жена не выдержала, заплакала и попыталась выяснить, что происходит между мужем и Полин. И Хемингуэй сказал ей в сердцах: "Зачем ты заговорила об этом?! Зачем вы-

1. Здесь и далее из интервью Джона Берри М. Ефимовой, ноябрь 2011.

тащила это на свет?!". В это время он уже практически жил с двумя женщинами и питал несбыточную надежду сохранить обеих. Хэдли переехала на три дня в отель, все там обдумала и потребовала развод. Она ужасно страдала, она писала друзьям: "Время мое занято, а жизнь пуста". Она еще не знала, каким спасительным было ее решение.

Письмо, написанное в то время Хемингуэем отцу, несмотря на легкий самообман и мелкие передергивания фактов, трогает искренностью чувств и оставляет ощущение непобедимости его любовного пыла:

> Тебе повезло быть влюбленным только в одну женщину всю твою жизнь. А я целый год любил двух женщин, оставаясь при этом верным мужем. Этот год был для меня адом. Хэдли сама попросила меня о разводе. Но даже после этого, если бы она захотела, чтобы я вернулся, я бы остался с ней. Но она не захотела. У нас давно были трудности, о которых я не могу тебе рассказать. Я никогда не разлюблю Хэдли и никогда не разлюблю Полин Пфайфер, на которой женат я сейчас....Прошлый год был для меня трагичным, и ты должен понять, как тяжело мне писать об этом[1].

В книге "Смерть после полудня" Хемингуэй напишет: "Лучше переболеть оспой, чем влюбиться в другую женщину, когда любишь ту, которая у тебя есть".

В трагичный для него 1926 год Хемингуэй совершил несколько резких поступков: он написал пасквиль на Шервуда Андерсона, замечательного писателя, у которого сам многому научился... и порвал отношения с Гертрудой Стайн. Об этих отношениях – профессор Берри:

> Говоря о женщинх Хемингуэя, нельзя не назвать Гертруду Стайн. В Париже она поначалу играла роль его второй матери, его ментора. Стайн пристрастила его к миру современной живописи, открыла ему глаза на Матисса, Пикассо, Сезанна. Это она сказала ему: "Попробуйте писать так, как они рисуют". Потом он говорил, что старается "писать под Сезанна". Стайн повернула его от классики к модерну, к новому восприятию мира, принятому Парижем 20-х годов.

Конечно, Хемингуэй, как прозаик, перерос теоретизирования Стайн. Он начал дразнить ее и переиначил ее знаменитый пример модернистской прозы: "Роза есть роза есть роза". Он говорил: "Роза есть роза есть роза есть луковица". И это был еще наименее обидный вариант.

Из семейных записей о детстве Хемингуэя, – рассказывает профессор Берри, – видно, что он был обычным американским мальчиком из хорошей семьи, воспитанным в духе Викторианской эпохи и попавшим, как кур в ощип, сначала в чудовищную реальность Первой мировой войны, а потом в модерный, требовательный мир Парижа. Хемингуэю

1. Ernest Hemingway. Selected Letters, 1917–1961 / Edited by Carlos Baker. – Charles Scribner, 1981.

пришлось выдержать много экзаменов, чтобы стать тем, кем он стал, — ведущим писателем-модернистом.

Действительно, Хемингуэй писал о своем юношеском представлении о войне: "Я думал, что это спортивное состязание. Мы — одна команда, а австрийцы — другая". Тем не менее война не сломала его, а закалила. Сам тяжело раненный, он вынес из огня товарища. По пути его снова ранило, но он дотащил друга до укрытия и только тогда потерял сознание. Читаем в книге Бернис Кёрт "Женщины Хемингуэя":

Его привезли в Миланский госпиталь — с перебитыми ногами. Ему только-только исполнилось 19 лет. Первая же медсестра — пожилая женщина — была покорена его мужеством, широкой улыбкой, веселым апломбом и ямочками на щеках. Все итальянцы в госпитале его полюбили, без конца навещали и спаивали. Медсестры его баловали, и он с ними перешучивался. Но он был серьезен с Агнес фон Куровски — красавицей и одной из лучших армейских медсестер. Эрнест писал ей письма — на другой этаж. "Он не флиртовал, — вспоминала Агнес. — В юности он относился к тем мужчинам, которые любят только по одной женщине за раз".

В прелестной медсестре Агнес фон Куровски не было ни капли сентиментальности, но война, Италия, влюбленный мальчик... "Я люблю тебя, Эрни, — писала она ему из Флоренции. — Я совершенно потеряна без тебя — наверное, из-за дождя... Я плакала от радости, узнав, что мы возвращаемся в Милан, и я снова тебя увижу".

К сожалению, сохранилось очень мало писем Хемингуэя к женщинам, сыгравшим особенно важную роль в его жизни, — рассказывает профессор Спэниар. — Из переписки с Агнес фон Куровски остались только ее письма к нему. А его письма Агнес сожгла по требованию итальянского офицера, с которым у нее начался серьезный роман после отъезда Хемингуэя в Америку. Это же случилось и с его письмами к первой жене — Хэдли, — она сожгла их после развода. И третья жена — журналистка Марта Геллхорн — сохранила немногое. Она испытывала такие горькие чувства к Хемингуэю, что даже запретила упоминание его имени в комментарии к ее книге. И это при том, что не он от нее ушел, а она от него.

Что же сам Хемингуэй писал о любви? "Мужчины, — говорит в "Снегах Килиманджаро" жена голливудского режиссера, — всегда хотят новую женщину: ту, что моложе, или старше, или ту, которой у него еще не было. Если вы брюнетка, они хотят блондинку, если вы блондинка, они хотят рыжую. Они так созданы, и вы не можете их за это винить. Им нужна куча жен, и это чертовски трудно для одной женщины — быть кучей жен". Текст этот отдан персонажу, но явно принадлежит автору. И его не назвать романтиком. Правда, профессор Сандра Спэниар не готова с этим согласиться:

Самые замечательные романы Хемингуэя написаны о любви: "Прощай, оружие" и "По ком зво-

нит колокол". И образы женщин в этих романах вечно критикуют именно за романтизм, особенно Кэтрин Баркли из "Прощай оружие", прототипом которой стала Агнес фон Куровски. Пишут, что Хемингуэй заставил героиню буквально раствориться в любви к лейтенанту Фредерику Генри (который, конечно, автобиографичен). Я-то думаю, образ Кэтрин гораздо глубже: она отгородилась любовью от враждебного мира, разбитого вдребезги войной. Создала свой уголок, в котором могла жить, сохраняя достоинство. Смерть Кэтрин в конце романа тоже вызывает споры: одни критики считают это местью Агнес, которая в реальной жизни отвергла Хемингуэя (ход тоже достаточно романтичный). Другие объясняют такой конец романа женоненавистничеством автора. Но вспомним — все романы Хемингуэя кончаются трагически. Он сказал однажды: "Если двое полюбили друг друга, добром это не кончится.

"Я никогда не разлюблю Полин", — писал Хемингуэй отцу в 26-м году. Но уже в 31-м у него началась многолетняя, мучительная для Полин, связь с красавицей Джейн Мэйсон — женой менеджера авиакомпании. Она была охотницей и рыболовом, и в рассказе "Недолгое счастье Фрэнсиса Маккомбера" стала (совершенно незаслуженно) прототипом Марго — жестокой жены, застрелившей презираемого ею мужа в момент его триумфа. А в 1940 году Хемингуэй писал другу, известному критику Максвеллу Перкинсу, знавшему о его новом романе с журналисткой Мартой Геллхорн:

Мы с Мартой не можем ехать на Восток вместе... Придется встретиться уже прямо там. Мой тебе совет: женись как можно реже и никогда не женись на богатой стерве.

Это — о Полин. Развод был через суд, скандальный, и разъяренная семья Полин отсудила у Хемингуэя большие деньги. Сама Полин осталась одна слишком поздно. Сыновья-подростки категорически не давали ей заменить отчимом их обожаемого отца, и она прожила остаток жизни в одиночестве и злых обидах. К тому времени первая жена — Хэдли — уже давно была замужем за журналистом, Пулитцеровским лауреатом Полом Морером, и счастливо дожила с ним до старости.

Марта Геллхорн влетела в жизнь Хемингуэя как экзотическая птица. Когда они случайно встретились в баре на Ки-Весте в 1936 году, она уже была знаменита своими репортажами об опасных политических движениях — например, о немецких национал-социалистах. Несмотря на молодость, она была вовлечена в мировую политику и дружила с Элеонор Рузвельт. Интересно, что бармен, ставший свидетелем первой встречи Хемингуэя и Геллхорн, назвал эту пару "красавица и зверь".

Марта не принадлежала к категории женщин, которые становились жёнами Хемингуэя, — говорит профессор Берри. — Разумеется, она поддалась его обаянию и магнетизму, восхищалась его талантом, но она слишком скоро заметила его недостатки и

не очень это скрывала. Она не любила его браваду, хвастовство, и ее пугал его эгоизм. Они вместе были в Испании во время Гражданской войны, и позже она писала: "Это был, может быть, единственный период в жизни Эрнеста, когда он загорелся чем-то, что было выше его самого. Иначе я не попалась бы на крючок". Они поженились в 1940 году, но война их все время разлучала. Хемингуэя бесило то, что Марта ставит на первое место не его, а работу. Он писал другу: "Я хочу жену, а не неизвестного солдата". Марта не относилась к нему так серьезно, как другие жены. Думаю, это и решило судьбу их короткого брака.

Еще до разрыва с Мартой, осенью 1944 года в Лондоне, где собрались перед высадкой журналисты, Хемингуэй наткнулся в кафе на писателя Ирвина Шоу и попросил познакомить с его дамой — журналисткой Мэри Уэлш. В конце этого дня он сказал новой знакомой: "Мэри, война нас разнесет, но запомните, пожалуйста, что я хочу на вас жениться".

"Главное в отношениях с Эрнестом, — писала Мэри Уэлш в дневнике, — принимать все, что от него исходит, хотя он может быть грознее бога в день, когда все человечество ведет себя неправильно". Мэри импонировала Хемингуэю. Он писал ей: "Месяц, проведенный с тобой в Лондоне, был счастливейшим в моей жизни — без разочарований, без разбитых иллюзий и преимущественно без одежды". Но, как говорила его героиня: "Если вы блондинка, они хотят брюнетку". С Мэри они поженились в 1946-м, а весной 47-го, в Венеции, он с еще одним журналистом поехал на охоту (даже в Венеции нашел, на кого охотиться). Под дождем они подобрали в свой джип дочь погибшего во время войны друга журналиста — 18-летнюю Адриану Иванчич. Читаем в книге "Женщины Хемингуэя":

Адриана знала имя Хемингуэя, но, извинившись, призналась, что не читала его книг. "Не за что извиняться, — сказал Хемингуэй. — Из них ничего не узнать и ничему не научиться. Главное, что мы нашли вас в дожде, дочка, и едем охотиться". И он поднял фляжку за ее здоровье.

Адриана стала последней — платонической — любовью Хемингуэя и его музой. Он приглашал их с матерью к себе на Кубу, летал в Венецию, рвался к ней и боялся отпугнуть: ему было 48 лет, он был для нее стариком. Жена Мэри сердилась, обижалась, но писала в дневнике: "Я знаю, что никакими словами этот процесс не остановить". А он вымещал на ней безнадежность своей новой любви: называл ее "девкой, которая тащится за полком", говорил, что у нее "лицо Торквемады". Она терпела.

С Адрианы Хемингуэй писал Ренату — далеко не платоническую любовь полковника Кантуэлла в романе "За рекой в тени деревьев". Роман ругали, но Адриана стала знаменитостью в Италии, чуть скандальной — что ужасало ее мать-аристократку.

В 1950 году после довольно долгого перерыва состоялась их последняя встреча. Адриа-

на, узнав о приезде Хемингуэя в Венецию, сама прибежала к нему в отель. Их встреча описана Бернис Кёрт со слов Адрианы Иванчич в книге "Женщины Хемингуэя":

Адриана едва не заплакала: он поседел, исхудал и как-то усох. Он крепко обнял ее и потом долго с восхищением разглядывал. "Простите за книгу, – сказал он. – Меньше всего я хотел бы ранить вас. Вы – не та девушка, я – не тот полковник. – И потом, помолчав: – Лучше бы мне никогда не найти вас в дожде. – Адриана увидела у него на глазах слезы. Он отвернулся к окну: – Ну вот, теперь сможете всем говорить, что видели Эрнеста Хемингуэя плачущим.

Это время было уже началом конца: болезней, депрессий, паранойи, электрошоков, потери памяти. Он застрелился 2 июля 1961 года.

В книге "Смерть после полудня" Хемингуэй писал: "Любовь – старое слово. Каждый вкладывает в него то, что ему по плечу".

Григорий Рыскин
Безумный гений Бобби Фишер

Frank Brady *Endgame. Bobby Fisher's Remarkable Rise and Fall – from America's Brightest Prodigy to the Edge of Madness.* — Crown Publishers, 2011. — 304 p.

Фрэнк Брэди *Эндшпиль. Удивительные взлет и падение Бобби Фишера: как величайший американский вундеркинд дошел до грани безумия.* — Краун, 2011.

Это не перевод бестселлера Фрэнка Брэди "Эндшпиль"[1], недавно вышедшего в нью-йоркском издательстве "Краун": немыслимо втиснуть триста страниц в условные сорок тысяч знаков печатного листа. Это — эссе: заметки по поводу, собранье "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет".

Жизнь и судьба Регины[1] Фишер напоминает таинственную шахматную партию, как будто некая невидимая рука передвигает Королеву по клетчатой доске. Регина Вендер Фишер родилась в Швейцарии, но, когда девочке исполнилось два года, семья перебралась в Америку. В восемнадцать, по окончании колледжа, девушка отправляется в Германию навестить брата, но встречает в Берлине американского генетика Германа Мюллера, будущего нобелевского лауреата, и тот предлагает ей стать его секретаршей и гувернанткой дочери.

Регина, покоренная теплом его сердца и блеском интеллекта, соглашается. Он высоко ценит ее: профессиональную стенографистку, секретаря-машинистку, владеющую немецким. Но потом убеждает ее посвятить себя медицине и поехать с ним в Россию, где она становится студенткой 1-го Московского мединститута (1933–1938). Выдающегося генетика сопровождал также ассистент — Ганс Герхард Фишер, моло-

© Григорий Рыскин, 2012

1. Фрэнк Брэди (р.1934) — американский писатель, автор двух биографических книг: "Гражданин Уэллс" ("Citizen Welles") и "Онассис". Профессор университета Сент-Джонс в Нью-Йорке, президент Шахматного клуба Маршалла, о котором идет речь в обсуждаемой здесь книге о Роберте Фишере, а также редактор "Chess Life" — американского шахматного журнала.

1. Регина — по латыни королева. Если это случайность, тогда случайность есть "инкогнито закономерности".

дой биофизик, которого на самом деле зовут Лейба. Пришлось сменить имя из-за усилившегося антисемитизма в Германии. Ему как блестящему "спецу" предложили место в Московском институте мозга. Ганс и Регина полюбили друг друга и поженились в 1933-м. Вскоре у них родилась дочь Джоан. Но и в России они постоянно сталкивались с проявлением юдофобства. К тому же сталинский террор крепчал. Порывистая студентка внезапно уходит с шестого курса мединститута, немного не дотянув до окончания, и бежит с дочерью в Париж. Ганс — в Чили... Перед отъездом они почему-то разошлись, оставаясь формально мужем и женой.

Потом было многое. В частности, работа учительницей английского языка в Париже. Но перед вторжением немцев, будучи гражданкой США, Регина бежит в Америку. И опять таинственный Некто, прикоснувшись к Королеве-Регине, делает неожиданные ходы, как бы предвосхищая манеру игры бурного шахматного гения, которого ей предстоит родить. В ранние 40-е мать и дочь становятся бездомными. Вскоре, невзирая на обстоятельства, Регина беременеет во второй раз. И отсылает пятилетнюю Джоан к престарелому отцу в Сент-Луис, чтобы 9 марта 1943 года в чикагской больнице дать жизнь Роберту Джеймсу Фишеру. В качестве отца в свидетельство о рождении вписан Ганс Герхард Фишер, хотя, не будучи гражданином США, он никогда в страну не въезжал. Проведя неделю в больнице, мать с новорожденным перебралась в приют, куда затребовала дочь. Но в ночлежке не разрешалось жить втроем. Когда Регина бурно запротестовала, полицейский арестовал ее за нарушение общественного порядка. Женщину с двумя детьми выбрасывают на улицу, предварительно подвергнув психиатрической экспертизе. Диагноз: "личность параноидального типа; вспыльчива, но без психических отклонений". Она борется за выживание, обращается за помощью к еврейским филантропам, в агентства социальной защиты, к старику-отцу. Деньги приходят — но мало. К счастью, она получает работу секретаря-машинистки в солидной компании и вселяется в однокомнатную квартиру в южном Чикаго.

Стремясь вырваться из удушающего безденежья, Регина перепробовала множество профессий. Была сварщицей, учительницей, клепальщицей, батрачкой на ферме, ассистенткой токсиколога, стенографисткой... В середине 40-х перебралась в Нью-Йорк. Характер Бобби Фишера, вся линия его жизни, с уклоном в безумие, — слепок с материнской. Но, как сказал русский психиатр Бехтерев: "Наше представление о психическом здоровье — вещь весьма относительная".

Мать была его Каиссой, музой шахмат. Достаточно взглянуть на фотографии в книге Фрэнка Брэди... Вот девятилетний Бобби, по грудь в воде — в ванне — за шахматной доской: играет сам с собой

блицы, попеременно белыми и черными. А на голове у него высовывающаяся из-за занавески, теплая, благословляющая материнская ступня, которую сынок нежно почесывает... А вот трогательная картинка в сабвее. Бобби уронил голову на плечо матери. Отбарабанив на пишущей машинке восемь часов, Регина забирает трудное чадо из Манхэттенского шахматного клуба: одному в ночной подземке опасно. На третьей фотке: Регина Фишер в парике, замаскированная под нордическую блондинку, втайне навещает сына в гостинице в Рейкьявике, чтобы вдохновить перед решающим поединком с Борисом Спасским.

Взрослый Роберт Джеймс Фишер похож на Джерома Дэвида Сэлинджера. Не только внешне, но и судьбой. Ракетоподобный взлет. А потом уход в одиночество, безумие, смерть. Подростком же Бобби напоминает Холдена Колфилда из "Над пропастью во ржи". Тот же протест против абсурда бытия, та же коллизия между потаенным благородством и вульгарным способом самовыражения... и та же гениальность, жаждущая о себе заявить. За что и поперли из всех школ. "Полная туфта, — говорит Холден о школе, — что-то я там не встречал блестящих и благородных... я провалился по четырем предметам и вообще все на фиг забросил".

Бобби провалился в жизни по всем предметам, за исключением шахмат.

И еще одно совпадение. Сэлинджер пишет на обложке своей главной книги: "Моей матери". Фишер посвящает матери шахматные победы, о чем свидетельствуют его исповедальные письма к ней.

Однако попытки приобщить сына к школьному образованию закончились конфузом. Он мог часами сидеть над шахматной партией. Но на уроках чтения, письма, арифметики — как будто шило в одном месте. В компании же одноклассников это маленький мизантроп, отгородившийся от остальных. К десяти годам Бобби сменил шесть школ, по две — ежегодно. И везде сторонился ребят, а учителей презирал: они не умели играть в шахматы. В отчаянии Регина записала его в школу для одаренных. Бобби хватило на один день... На другое утро он идти отказался.

Воистину спасителем Фишера стал Иоганн Генрих Песталоцци — великий швейцарский педагог XVIII столетия. Песталоцци уводил ребят в Альпы, поднимался с ними по цветущим лугам к глетчерам, где на снегу чертил альпенштоком геометрические фигуры и грамматические парадигмы. Он, несомненно, разрешил бы Бобби записывать на снегу шахматные комбинации и даже сам сразился с ним...

Главной установкой в Бруклинской школе, основанной на идеях Песталоцци, была Anschaung — идея индивидуального восприятия предметов и явлений. Все там было необычно. Парты не закреплялись, а передвигались, как шахматные фигуры, по клетчатому полу. А главное — ДЕТЕЙ ПОБУЖДАЛИ ЗАБЫТЬ О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ ОБУЧЕНИЕМ И ИГ-

РОЙ. На уроках ранней американской истории, например, ребята переодевались в костюмы соответствующей исторической эпохи. Их учили прясть, ткать, писать гусиными перьями... На собеседовании приняли во внимание одержимость Фишера шахматами. Мало того, предложили обучать ребят и учителей "игре мудрых". Кстати, на вступительном экзамене Бобби продемонстрировал высочайший за всю историю школы уровень IQ – 180 баллов.

Я попросил своего американского друга Джо Кона, бывшего главного школьного психолога штата Нью-Джерси, доктора философии, прокомментировать этот показатель интеллекта. Джо объяснил: его IQ – 125, чем он гордится. IQ 180 – это IQ гения.

Итак, в Бруклинской школе недавний двоечник и прогульщик Бобби Фишер оказался первым и самым популярным из ста пятидесяти учеников. Он почувствовал себя "в своей стихии". Ведь Бобби обыгрывал всех. Учеников и учителей. И не только в шахматы. Он был лучшим бейсболистом и теннисистом. Ему требовалось быть первым во всем. Если бы он жил рядом с плавательным бассейном, то стал бы чемпионом по плаванию.

В шахматном романе Набокова Лужин терпит поражение на турнире, потому что не заботится о своей физической подготовке: "Он замечал только изредка, что существует, – когда одышка, месть тяжелого тела, заставляла его с открытым ртом останавливаться на лестнице..." Фишер – полная противоположность Лужину. Готовясь к решающему матчу со Спасским, он упорно тренирует не только дух, но и тело. Упражнения на снарядах в гимнастическом зале. Мощный брасс в плавательном бассейне. Несколько ежедневных поединков в теннис. "Нельзя поручать трудную задачу человеку, не работающему над своим телом" – это убеждение вынесено из школы Песталоцци.

Один из мифов о Бобби Фишере – миф о его дремучем невежестве.

Никто так глубоко не проник в шахматное сознание, как Владимир Набоков. От его Лужина тоже остается впечатление неотесанности: "А стихи он плохо понимает из-за рифм, рифмы ему в тягость". Кстати, рифмы давно в тягость современной поэзии. "И странная вещь: несмотря на то, что Лужин прочел в жизни еще меньше книг, чем она, <...> ничем другим не интересовался, кроме шахмат, – она чувствовала в нем призрак какой-то просвещенности, недостающей ей самой. <...> Речь его была неуклюжа, полна безобразных нелепых слов, но иногда вздрагивала в ней интонация неведомая, намекающая на какие-то другие слова, живые, насыщенные тонким смыслом, которые он выговорить не мог".

Тут – прикосновение к Тайне. Несмотря на его гнусные юдофобские эскапады, Фишер все-таки – порождение Народа Книги. Ницше сказал: "Тип переходит по наследству. Мы нечто большее, чем индивид. Мы сверх того вся цепь". Но Бобби был мутан-

том. В том смысле, что яростно вцепился в другую книгу — шахматную, как шмель — в цветок татарника. *Дух дышит, где хочет.*

На заре жизни у Фишера все как у набоковского Лужина. С той лишь разницей, что мать Бобби не склонялась вечерами над его кроваткой, "блеснув в полутьме бриллиантами на шее". Но зато Регина, в точности как лужинская тетя, объяснила Бобби: "Сперва расставим фигуры... Здесь белые, там черные... Король и королева рядышком. Вот это офицеры. Это коньки. А это — пушки, по краям. <...> Теперь смотри, как они двигаются. Конек, конечно, скачет". — "Пожалуйста, будем играть", — сказал Лужин". Но первая игра не состоялась: в гостиную ворвался распаленным Дон Жуаном лужинский отец и уволок симпатичную тетю.

С Бобби было не так. Как только Регина и Джоан предложили ему сыграть, они были мгновенно разгромлены. И ребенок заскучал. Ну конечно, то было Провидение. Иначе как объяснить, что вскоре судьба послала ему в качестве ментора гениального карлика Джека. Он стал для Фишера тем, чем для Пушкина-лицеиста — Куницын:

> Он создал нас,
> он воспитал наш пламень.
> Заложен им
> краеугольный камень.
> Им чистая лампада возжена.

Джек Коллинз был человечек с недоразвитыми ножками, в инвалидном кресле на велосипедных колесах, которое катил по улицам Нью-Йорка черный гигант Оделл. Великан был так силен, что для него не составляло труда таскать Джека вместе с коляской по крутым лестницам ресторанов и шахматных клубов. И хотя казалось, что вся компания явилась со страниц Диккенса, карлик и мальчик говорили не вполне по-английски:

— Pawn to queen bishop four![1] — орал на всю улицу Малыш, неожиданно густым басом, повергая в ужас прохожих.

— Псих, — реагировала толпа.

Откуда было знать непосвященным, что в 800 году нашей эры арабы-номады, странствуя по пустыне, вот так же, по памяти, вслепую играли в древнюю игру: шахматная доска не помещалась на горбу у дромадера. Точно так же, как профессиональный музыкант способен читать партитуру и одновременно слышать музыку, шахматный мастер может глядеть в запись партии и видеть в своем воображении каждый ход. Так Антонио Сальери втайне, со слезами восторга читал партитуры моцартовских симфоний.

Но Фишер не Сальери, а Моцарт: Бобби не нуждался в "шахматной партитуре". Обладая уникальной памятью, он творил в воображении композицию партии... И вот теперь, стремительно двигаясь вниз по Флэтбуш-авеню, они предавались своей страсти — blindfold chess: шахматам вслепую.

1. Пешка — к королеве — слон четыре!

Это демонстрация сверхъестественной способности внушала ужас. То были не шахматы, а таинственный ритуал. Главная радость обделенного судьбой человека. Одна, но пламенная страсть. Он заразил ею и Бобби.

Многие испытанные мастера не умеют играть вслепую. Способность тринадцатилетнего — ошеломляла. И все-таки он предпочитал играть вживую: фигурами на доске. Потому что любил блиц — скоростные партии. Он играл их тысячами многие годы: пятиминутки, десятиминутки... С бездомными за столиками Вашингтон-сквер. С одноклассниками и учителями. С самим собой, вынимая крошечный карманный набор в подземке, библиотеке, кафе. Секунда — на каждый ход. Это стало чем-то вроде наркомании. И развило в нем способность мгновенно постигать и мысленно охватывать соотношение фигур в целом. Он играл всегда и везде, даже во сне. Доводя себя, подобно набоковскому Лужину, до шахматных галлюцинаций: "Он сидел <...> и думал о том, что этой липой, стоящей на озаренном скате, можно, ходом коня, взять тот телеграфный столб..."

Учитель был не только знатоком стратегии но и соавтором библии гроссмейстеров — "Современные шахматные дебюты"[1], содержавшей тысячи вариаций, позиций, анализов, рекомендаций. Ученик под руководством шахматного "ребе" ушел с головой в этот талмуд. В его распоряжении была громадная библиотека ментора.

Фишер в книге Фрэнка Брэди выписан не на фанере, как это часто бывает в биографических книгах. Он у него живой: "Бобби был маловат ростом для тринадцатилетнего, но с годами стал вытягиваться, вырастать из своих одежд, расцветать. В восемнадцать это уже высоченный, широкоплечий, спортивный малый с рельефной мускулатурой. У него блестящие каштановые глаза. Улыбаясь, сияет голливудскими зубами с крохотной расселинкой меж верхними".

Он вполне счастлив. Хочет быть признан и любим. Потому что имеет на это право. Густые каштановые волосы стрижены под ежик и не знают гребня, который ему подсовывают Джоан и Регина. Он и сам напористый всклокоченный ежик. Таким он и заявился однажды в респектабельный Манхэттенский шахматный клуб. Хотя малолеток туда не пускали. Похожий на фермерского пацана плебей поначалу смутил чопорную вдову учредителя клуба — Каролину Маршалл, хозяйку дворца. Она хотела выдворить нахала, но, когда ей сказали, что пе-

1. "Современные шахматные дебюты" ("Modern Chess Openings") — книга, выпущенная впервые в 1911 г. британскими шахматистами Ричардом Гриффитом и Джоном Гербертом Уайтом, завоевала огромную популярность; впоследствии дополнялась и перерабатывалась многими известными шахматистами, под чьим авторством и публиковалась; автором 15-го издания (2008) является Ник де Фирмиен.

ред ней чемпион США среди юниоров, – впустила.

Его противником в тот первый вечер был нью-йоркский профессор Доналд Бирн, международный мастер, экс-чемпион США, сильный, агрессивный шахматист. Все обличало в нем аристократа: безупречность костюма, речи, манер и то, как он держал сигарету холеными пальцами высоко над доской, опираясь локтями на столик красного дерева.

Что же до Бобби, тот выглядел охламоном: линялая ковбойка, жеваные джинсы, сношенные сникерсы. Всклокоченный мышонок против лощеного льва. Внимательно изучая партии Берне, Бобби получил представление о стиле противника. Он решил прибегнуть к непривычной манере игры: разыграл в дебюте защиту Грюнфельда. Замысел состоял в том, чтобы позволить белым (Бобби играл черными) оккупировать центр, сделав фигуры противника уязвимыми. Это не было классическим подходом, что привело к запутанной конфигурации фигур. Профессор попал впросак. Бобби – в цейтнот. Грыз ногти, ерошил волосы; вскочив коленями на кресло, опираясь на стол локтями, подпирая кулаками подбородок, пожирал глазами доску.

Музыку шахматной души хорошо передает Набоков: "Сперва шло тихо, тихо, словно скрипки под сурдинку. <...> Затем, ни с того ни с сего, нежно запела струна. <...> Но сразу <...> тихонько... наметилась какая-то мелодия". Следуя этой таинственной мелодии, Бобби создает позиционное преимущество. Но тут же жертвует коня.

Рефери напишет позднее в своих воспоминаниях: "Зрители ринулись к шахматному столику, как рыбы к проруби. То была сенсационная, неординарная, гениальная партия. Самое поразительное: ее разыграл тринадцатилетний".

Но Бобби увяз в цейтноте. Ему оставалось всего двадцать минут, а до сорокового хода было еще далеко. И тут он обнаружил, что может изменить ситуацию, придав игре новый смысл. А если пожертвовать ферзя – сильнейшую фигуру? Это рассматривалось как самоубийственный "зевок". Но Бобби вела "мелодия": если Бирн заглотит наживку, белые будут парализованы. И противник тоже – взяв ферзя.

Где-то там звучали африканские там-тамы, и, следуя их ритму, он отправлял точно в мишени свои отравленные дротики. На сорок первом ходу, после пяти часов (!!!) игры, Бобби, с замиранием сердца, подняв свою ладью, поставил ее на доску и прошептал: "Мат..." Пепельно-бледный Бирн встал и пожал противнику руку. Но профессор – потом – был благодарен мальчишке. Ведь тот за руку ввел его... в историю: сделал соавтором гениальной партии. Она была изысканна, утонченно изящна, как "Маленькая ночная серенада" Моцарта. Вокруг аплодировали. На старинных дедовских часах пробило полночь. И только Регина не аплодировала. Напротив, она хотела исцелить Боб-

би от "пагубной одержимости". Ей как-то попалась книга доктора Ройбена Файна "Психоаналитические наблюдения: шахматы и шахматные мастера". Там говорилось: "Излечение от шахматной наркомании — процесс сложный. Он начинается с восстановления детских воспоминаний пациента и, если возможно, с воспоминаний, сформированных еще в утробе матери". По теории выходило: Регина сама и виновата. И это усиливало в ней комлекс вины. Однажды мать вундеркинда пришла излить душу в Манхэттенский клуб. Это как если бы Терпсихора заявилась в Кировский театр отговаривать Барышникова танцевать.

Участники первенства США 1957 года хотели написать над входом Манхэттенского шахматного особняка: "Здесь находится Фишер". Каждый из четырнадцати претендентов входил в Клуб, чтобы помериться силами с Бобби Фишером. Он становился "устрашающей легендой". Но Бобби не дал им шанса, никому. В первом же поединке он разгромил Артура Фейерштейна. Во втором — атаковал и чуть было не опрокинул чемпиона США Сэмюеля Решевского. Самую сложную и напряженную партию тот с трудом свел к ничьей. Решевский оказался единственным достойным противником. К финалу, не потерпев ни одного поражения, Бобби набрал десять с половиной очков. Старый лис Сэм — на одно меньше. Судьба шахматной короны США решилась в последней партии: Решевский—Ломбарди.

— Вы играли превосходно, — сказал Бобби в конце, пожимая руку Ломбарди...

— Что же мне оставалось делать? Вы вынудили меня разгромить Сэмми.

Бобби Фишер стал чемпионом США в 1957-м. Ему едва исполнилось четырнадцать. Он шел после турнира по заснеженному Центральному парку, ему казалось — он в Москве. Россия была для него Элизиумом, где гуляют шахматные Боги...

В четырнадцать, давая интервью журналу "Шахматы в СССР", Фишер сказал: "Я наблюдаю за вашими гроссмейстерами. Они играют остро, в атакующей манере, полные боевого духа". Но Бобби не знал всего... Он не знал, что, когда чемпион мира Михаил Ботвинник входит в Большой театр, ему устраивают овацию. Что у каждого советского гроссмейстера статус кинозвезды. Что во время игры их обслуживает команда аналитиков. Что они — привилегированное сословие. Что шахматы в СССР — "дело чести, славы, доблести и геройства". Но зато ему было известно, что экс-чемпион США, гроссмейстер Сэмюель Решевский живет на деньги своих поклонников: получает стипендию в 200 долларов в месяц — зарплату бруклинского бухгалтера. Экс-вундеркинд так нуждается, что у него нет даже собственной шахматной доски. Неужели и Бобби уготована та же участь?

Шахматы в США были частным делом, в СССР — государственным. Советские мас-

тера садились играть с американцами с тем же пылом, мастерством, самоотверженностью, с какими Вышинский и Молотов садились за стол переговоров.

Первая встреча русских с янки в 1954-м закончилась с разгромным для последних счетом 20:12. Вторая, в 1955-м, с еще более унизительным: 25:7.

Хрущев отреагировал энергичным заявлением: "Советский Союз сегодня силен, как никогда. Но мы хотим 'детанта'. Мы готовы сесть за стол переговоров, если американцы согласны говорить с нами всерьез". Советский лидер выступал с позиции силы. Потому что граница холодной войны проходила не только по Берлинской стене. Но и по футбольным и хоккейным полям:

Эй, вратарь, готовься к бою.
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет.

Регина отреагировала на "детант" деловым письмом Хрущеву: пригласите Бобби и Джоан в Москву. Из Кремля пришло приглашение: прибыть на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В Москве к самолету был подан правительственный лимузин. Бобби и Джоан разместили в гостинице "Националь". В их распоряжении были шофер, гид, переводчик.

Русские воспринимали Фишера как американский ответ на советский спутник. Они считали: Бобби растопит лед советско-американских отношений. Как Ван Клиберн, победитель Московского международного конкурса имени Чайковского. Мальчишку окружала толпа. Все хотели видеть бруклинского вундеркинда:

— Когда я смогу сыграть с чемпионом мира Ботвинником? — спросил неробкий паренек. — А со Смысловым?

— К сожалению, они на даче.

— А как насчет Кереса?

— Керес в данный момент за границей.

Руководитель московской шахматной секции Абрамов вспоминал, как лихорадочно пытался подобрать среди гроссмейстеров достойного противника Фишеру. Наконец, в клуб затребовали Тиграна Петросяна. То был неформальный матч, серия блицпартий, большинство из которых Петросян выиграл... Потом Фишер говорил:

— Играть с ним чертовски скучно...

Москва казалась ему шахматным раем — но как "устроен" этот рай, ему было невдомек.

С Ботвинником ему довелось сыграть в 1962-м. На олимпиаде в Варне. Бобби было девятнадцать. Михаилу Моисеевичу пятьдесят один. Он был главной иконой советского шахматного иконостаса. Его ученик, Анатолий Карпов, сказал об Учителе: "Ботвинник недосягаем, как олимпиец". Чемпион мира застегнут на все пуговицы. На нем серый двубортный костюм, уны-

лый как осеннее поле. На носу очки-велосипед в стальной оправе. Он пожал Бобби руку, но не ответил на словесное приветствие. Когда затянувшаяся партия была отложена, на доске просматривалось явное позиционное преимущество американца. Вечером Фишер спокойно поужинал, мельком взглянул на доску, там брезжила победа, и завалился спать. А между тем потрясенный чемпион кликнул на помощь всю королевскую рать: Михаил Таль, Борис Спасский, Пауль Керес, Ефим Геллер, Семен Фурман ломали головы до пяти утра. Но они не были "специалистами по эндшпилю". Авторитетом был Юрий Авербах. Ему позвонили в Москву. И тот с трудом разыскал на клетчатом поле узенькую тропинку к ничьей. "Ботвинник дешевка, – заявил Бобби по прибытии в Нью-Йорк. – Он никогда не был первым среди равных... Я не хочу иметь дело с этими жуликами-коммуняками". Но куда было ему от них бежать? Он был иконоборец: рубил иконы их шахматного иконостаса.

Вторым пошел под топор Марк Тайманов: на матче претендентов в Ванкувере в мае 1971-го. "Русский" прибыл в Канаду с полным антуражем: секундант, ассистент, менеджер. Но Фишер не дал Тайманову ни единого шанса. Выиграл со счетом 6:0. Всухую. Невиданный в истории мировых шахмат нокаут. "У меня остается моя музыка", – сказал на хорошем английском с горькой усмешкой интеллигентный Тайманов: он был неплохим пианистом. В Москве его ждала расправа. Там фиаско (без единой ничьей) рассматривалось как национальное унижение. Его лишили всех привилегий, больше никогда не выпускали за границу. Шахматная карьера Марка Тайманова была закончена.

Но Бобби жаждал головы Тиграна... Поединок состоялся в Буэнос-Айресе. В аэропорту их приветствовал президент Аргентины. "Я самый сильный шахматист в мире", – заявил Фишер на пресс-конференции. Петросян, экс-чемпион мира, был тоже не слабак. С ним пришлось повозиться. Он напоминал кобру, готовую ужалить. В решающей партии дело уже клонилось к ничьей, когда в зале погас свет. Темно было ровно одиннадцать минут. Концентрация у Петросяна была нарушена. Фишер продолжал анализ, как будто ничего не произошло... Джек Коллинз научил Бобби играть вслепую еще в детстве. Когда включили свет, Каисса протянула ему на блюде голову Тиграна. Матч был выигран со счетом 6,5 против 2,5. Дорога в Рейкьявик на поединок с чемпионом мира Борисом Спасским была открыта. Путь к победе и... безумию.

В Америке его чествовали как национального героя. Где бы он ни появлялся, "перед ним расстилали красный ковер". Бобби возвел США в ранг "шахматной державы", искупив победой позор поражения. Но чудик имел привычку отключать телефон и неделями оставаться "вне контакта". Тогда Шахматная федерация срочно сняла для не-

го номер в роскошном отеле "Генри Хадсон", чтобы безумный гений не исчез. Он был нужен стране.

Гостеприимная крошечная Исландия замерла в ожидании. Все места в гостиницах и в зале раскуплены. Вечером 25 июня 1972-го со взлетной полосы Международного аэропорта Кеннеди должен был стартовать самолет на Рейкьявик. Но безумец в последнюю минуту отменил рейс. Игра называлась ДЕНЬГИ. Игра на нервах, затеянная Бобби, стала вступлением к матчу.

Претендента не устраивал финансовый аспект. Победитель должен был получить 78 125 долларов. Проигравший — 46 875. Кроме того, каждому причиталось 30 % от доходов телекомпаний. Но Бобби требовал 30 % дополнительно от платы за вход: примерно от 250 000 долларов, на которые имели право он и Спасский. Газета "Нью-Йорк таймс" отреагировала так: "Если он победит в Рейкьявике, в свете его будущих гонораров нынешние станут смехотворно малыми". Фишер знал: он получит свое... Мир требовал, чтобы матч состоялся. И чем больше проволочек, тем выше цена. Но тут был не только шкурный интерес. Бобби был фехтовальщиком за униженных и оскорбленных — таких, как Сэм Решевский. Претендент стал как бы лидером профсоюза. Гонорары за шахматное искусство, утверждал он, не идут ни в какое сравнение с миллионами Мухаммеда Али, которые тот получает за мордобой.

Всемирное шоу или переговоры профсоюза с администрацией? Скорей всего, и то и другое. Стороны стояли на своем. В течение последующей недели были забронированы дополнительные рейсы в Рейкьявик, но Бобби их отменял. Пресса бурно реагировала: "Фишер озабочен прежде всего деньгами, интересы спорта стоят для него на последнем месте", — возмущалось ТАСС. "Невиданные высокомерие и снобизм", — ругалась немецкая "Билд ам Зонтаг". "Бобби Фишер — самый большой хам и психопат Бруклина", — гневалась лондонская "Дейли мейл". Но никто не хотел видеть подлинную причину скандала: Фишер защищал не только свои финансовые интересы, но и интересы коллег-шахматистов.

Но вдруг на доске явилась новая фигура. Английский банкир и страстный шахматист Джеймс Дерек Слэйтер согласился выложить 125 тысяч долларов, если Бобби начнет играть. "Колоссально", — отреагировал Бобби.

И вдруг телефонный звонок и скрипучий голос с немецким акцентом:

— Самый плохой шахматист на земле звонит самому лучшему.

— Кто говорит?

— Государственный секретарь Киссинджер. Вы должны немедленно вылететь, чтобы разгромить русских. Правительство Соединенных Штатов желает вам победы.

В ту же ночь Бобби вылетел в Рейкьявик с секундантом Вильямом Ломбарди. Но и там кураж продолжался вовсю. Фишер не явился на жеребьев-

ку, где его ждали сотни журналистов. Когда Спасский вошел, ему сказали: "Претендент спит, но прислал вместо себя секунданта. Пусть Ломбарди тянет жребий, кому играть белыми". Оскорбленный Спасский покинул гостиницу и выступил с заявлением, наверняка, сочиненным в Москве: "Советское общественное мнение и я возмущены поведением Фишера. Возникает сомнение, имеет ли он моральное право играть в этом матче". В том же духе выступил президент Шахматной федерации Макс Эйве. Все ждали объяснений. Ночью Бобби сочинил элегантное послание коллеге:

Дорогой Борис! Приношу искренние извинения за некорректное поведение... Знаю Вас как спортсмена и джентльмена и надеюсь сыграть в предстоящем турнире немало интересных партий.

Искренне Ваш

Бобби Фишер.

Бобби вручил письмо коридорному и попросил "подсунуть" его Спасскому под дверь. Москва отреагировала. Глава госспорткомитета Сергей Павлов настаивал на возвращении Спасского: "Истерики Фишера есть оскорбление мирового шахматного чемпионата. Настоятельно рекомендуем вернуться". Спасский "рекомендацию" вежливо отклонил, рискуя головой и карьерой.

Но Бобби продолжал вести себя, как капризная примадонна. Потребовал сделать освещение над столиком поярче, шахматные фигуры ему показались маленькими, раскритиковал каменную доску и попросил деревянную, а кинокамеры велел немедленно убрать: отвлекают. Убрали, но не все. Тогда он разгневался на официантов: они не положили кубики льда в его апельсиновый сок, а потом приказал принести чашку исландского йогурта. Когда такового в буфете не оказалось, послали в соседний ресторан, и йогурт был доставлен.

Но в мире горнем пришел конец терпению. Там лишили Фишера разума. Вконец зарвавшийся претендент совершил глупейшую ошибку и... проиграл первую партию. Бобби утверждал: виновата кинокамера, она не дает сосредоточиться... Скорей всего, он был прав. Ведь и Лужин в набоковском романе тоже жалуется: "Я не могу подвергаться щелканью и вспышкам этих машин". Но капризный гений всех так извел, что ему в просьбе было отказано. Упрямец из-за этого на вторую партию не явился, и по правилам Федерации ему было засчитано поражение. Зал приветствовал Спасского овацией... Фишеру же кричали: "Отправляйся в свою Америку!" Доктор Эйве предупредил: "Если претендент не явится и на третью партию, Борис Спасский останется чемпионом мира". Бобби ринулся в аэропорт. Ломбарди с трудом его отговорил. И тут во второй раз позвонил Киссинджер: "На моем столе тысячи писем от американцев, умоляющих продолжать игру, а также приглашение в Белый дом незави-

симо от исхода турнира". Возможно, немалую роль сыграл и денежный интерес. Проиграв, он обрекал себя на позор и нищету. Бледный и поникший, он садился за третью партию, как рыцарь в фильме Бергмана "Седьмая печать" — сражаться в шахматы со Смертью.

И Моцарт проснулся. Он заиграл вдохновенно и мужественно, раскованно и свежо, вновь услышав звуки своих там-тамов. После двадцати изнурительных партий счет был 11,5:8,5 в пользу Фишера. Но для того чтобы стать чемпионом мира, ему предстояло дойти до 12,5. Он набрал магическое число после 21-й партии. В его честь восторженная Исландия задала пир в духе древних викингов. Кубки пенились. Фишера приветствовала планета. Чемпион получил тысячи поздравительных телеграмм. Одна пришла из Белого дома:

Дорогой Бобби! Ваша убедительния победа в Рейкьявике — свидетельство абсолютного мастерства в шахматном искусстве. Это триумф. Присоединяюсь ко всем гражданам страны. Поздравляю от всей души и желаю всего наилучшего. Ваш Ричард Никсон.

Наконец, у Фишера был досуг. И с той же страстью, с какой он впитывал шахматные знания, чемпион мира занялся самообразованием. Михаил Ботвинник был не совсем неправ, когда заметил: "Бобби страдает от отсутствия фундаментальной культуры и незначительности образования". Он наверстывал упущенное. Стал страстным читателем, постоянным посетителем библиотек и книжных магазинов.

Существует несколько теорий, почему именно в эти годы Фишер становится злобным антисемитом. Американский писатель Дэвид Мэмет, лауреат Пулитцеровской премии, в книге "Злобный сын" объясняет этот феномен: "Юдофоб всегда начинает с самовозвеличивающего утверждения: существуют некие силы зла, которые он обнаружил и заклеймил. Противопоставляя себя им, он возвышает себя..." Думается, все проще. Мы не можем судить Фишера по законам формальной логики. Бобби, как и герой Набокова, воспринимает жизнь как шахматную партию. Он хочет быть готовым к атаке и отразить ее. Атака должны быть блокирована и отбита. Враг хитер и строит козни. Случилось так, что все его шахматные противники были евреи. В Манхэттенском клубе, в Шахматной федерации, во главе которой стоял Макс Эйве. И даже русская шахматная когорта была возмутительно еврейской.

И вот однажды, в лавке букиниста, Бобби споткнулся о старую, зачитанную книгу. Она называлась "Протоколы сионских мудрецов". В ней говорилось о "всемирном еврейском заговоре". Так вот где таилась погибель моя. Он, Бобби, жертва еврейского заговора. Все так поразительно совпадало. Его не слишком отягощенное образованием сознание восприняло как откровение провокационную

фальшивку Нилуса, шитую белыми нитками в подвалах царской охранки. "Как можно жить в стране, — возмущается Григорий Соломонович Померанц, — где на церковных папертях продаются 'Протоколы сионских мудрецов'". Но, увы, книга Нилуса продается не только в России. Ее можно купить везде. И антисемитизм вошел в плоть и кровь Бобби Фишера. Стал его религией. С присущей ему основательностью, он "овладевает вопросом": изучает "Антихриста" Фридриха Ницше, интересуется личностью Эрнста Кальтенбруннера, шефа главного управления имперской безопасности, обергруппенфюрера СС, казненного по приговору Нюрнбергского суда. И отправляется в Германию, нанести визит сыну Кальтенбруннера.

Но когда Бобби становилось одиноко, он отправлялся на север в Пало-Алто: навестить сестру Джоан и ее мужа Рассела Тарге — профессора физики Стэнфордского университета. Они, разумеется, были евреями. Джоан и Расселу было странно и дико слышать в своем доме злобные юдофобские тирады. Однажды они решительно выставили родственничка за дверь. Взбешенная Регина написала сыну:

Не смей оскорблять людей! Такого, как ты, постепенно разрушит собственная совесть. Глупый и примитивный не пострадает, но чем больше разума и таланта, тем необратимей разрушения. У тебя нешуточное положение. Но если бы даже ты был безвестным, обязанность каждого быть порядочным человеком. Проще всего закрыть глаза, как это делали люди в нацистской Германии, когда других душили в газовых камерах, как насекомых. Но если даже эти мои слова взбесят тебя, помни: что бы ни случилось, я твоя мать, и потому ни в чем не откажу тебе и ничто моих чувств к тебе не изменит.

О, как они ему потом пригодились! Когда кончились сбережения и экс-чемпиону мира нечем стало платить за квартиру, Бобби обратился за помощью к близким. Мать знала, что такое бездомность. И стала высылать сыну из Никарагуа, где работала в американском госпитале врачом, свое государственное пособие по социальному страхованию. Джоан открыла на имя Бобби банковский счет. Иначе безумный гений повторил бы судьбу Регины. Недаром в Пятикнижии тщательно прослеживается генеалогия: кто кого породил. Но Бобби был мутантом. 11 сентября 2001 года его безумие достигло своего апогея. И мир содрогнулся.

Ночью небоскребы-близнецы Всемирного торгового центра были как гранки газетной статьи об американском успехе. Когда в то утро я делал пробежку в Либерти-парк, все было мирно и красиво: дюралевые небоскребы в голубизне бабьего лета. И вдруг пейзаж вспыхнул и стал чадить. И вдруг... Второй самолет ударил вкось, в серебряный угол второй башни, извергаясь пурпурной лавой, обломка-

ми компьютеров, ошметками обугленных трупов... А потом небоскреб стал оплывать. Как свеча. От Гудзона ветер нес запах паленого мяса, который старались не замечать. Горели три тысячи погребенных под обломками. Я ринулся к машине и включил приемник. И вдруг услышал по радио безумный голос Бобби Фишера:

– Да, конечно, потрясающая новость. Настало время накостылять говенным Штатам по шее. Настало время прикончить США...

– Вы счастливы, что это случилось?

– Я аплодирую этому акту. К черту Штаты. Я хочу, чтобы США стерли с лица земли.

То была филиппинская радиостанция "Багио" (Radio Baguio). Бобби давал интервью по телефону, из Японии... По горячим следам американской трагедии:

Соединенные Штаты основаны на лжи. Они основаны на жульничестве. Вы только посмотрите, что я сделал для Соединенных Штатов. Никто не сделал столько, сколько я. Когда я завоевал звание чемпиона мира в 1972-м, Соединенные Штаты воспринимались всеми как страна футбола и бейсбола. И никто не думал о ней как об интеллектуальной стране. Я изменил ситуацию. И только я один. И я говорю: смерть президенту Бушу, смерть Соединенным Штатам, к черту евреев! Евреи – народ преступников. Они увечат своих детей, делая им обрезание. Они убийцы, преступники, воры, лживые ублюдки. Они выдумали Холокост. В еврейских россказнях о Катастрофе ни слова правды. К чертовой матери Соединенные Штаты...

Видимо, он не соображал, что говорит: теперь на нем до скончания дней – каинова печать. Он будет проклят и племенем, породившим его, и Америкой. Его выступление было самым антиамериканским, самым юдофобским за всю историю средств массовой информации. Беснования Фишера напоминали пропагандистские истерики Гитлера.

И ВСЕ-ТАКИ СУДИТЬ СЛЕДОВАЛО НЕ ЕГО. Судить надо было средства массовой информации, эксплуатировавшие имя и всемирную славу больного человека. Это бредил не Бобби. ЭТО БРЕДИЛА ЕГО ПАРАНОЙЯ, унаследованная от матери.

Доктор Антони Сэйди, один из самых преданных друзей Бобби, сразу после выступления Фишера, обратился с письмом в журнал "Chess Life":

Его паранойя усугубляется с годами. И он все более и более замыкается в своей иной, "инопланетной", культуре. Средства массовой информации, публикуя его самые омерзительные высказывания, цинично эксплуатируют Фишера... Оставят ли они наконец его в покое?

Весь мир ополчился на Бобби.

Но за двадцать шесть лет до этого, в период относительного здоровья, недоверие Фишера к Карпову нельзя было назвать необоснованным, а критику несправедливой. "Карпов

в СССР, — писал Владимир Буковский[1], — центральная пропагандистская фигура, идеал коммунистической молодежи и член ЦК ВЛКСМ. Конечно же, русский, а не какой-то сомнительный еврей. Конечно же, из рабочей семьи. Проиграть он не может, ему не дадут. За ним вся система, с миллиардами рублей, сонмом шпионов и дипломатов. Потешная сцена появления советской 'шахматной делегации' на Филиппинах, состоящих почти из двух десятков кэгэбэшников, йогов, специалистов по каратэ и возглавляемая полковником Батуринским, вполне достойна пера Булгакова".

Против этой сумрачной когорты Фишеру предстояло отстаивать титул чемпиона мира. Но прежде нужно было договориться об условиях. "При счете 9:9 чемпион сохраняет звание, — настаивал Бобби. — Матч будет состоять из неограниченного количества партий, в отличие от Рейкьявика. Первый, кто наберет десять очков, станет чемпионом".

Русские не соглашались: достаточно тридцати шести партий. Счет 9:9 их не устраивал. У них была железная логика: "Поскольку мы, Советский Союз, сильнее всех на свете, то не принимаем никаких условий: мы навязываем их". Играть по их правилам Бобби отказался. Тогда Федерация объявила Карпова чемпионом мира. Это произошло 3 апреля 1975 года. Карпов стал "чемпионом-назначенцем". И в этом не было чести. Но и его вины тоже. Он был бы достойным противником Фишера, если бы матч состоялся.

И все-таки победил Фишер — в контексте вечности. Как Моцарт — Сальери.

В Маниле, в отличие от Рейкьявика, ставка была 5 000 000 долларов. Ничуть не меньше, чем у Мохаммеда Али. Только за одно это Фишера следовало увенчать лаврами, как фехтовальщика за честь Каиссы. Но нищий чемпион отказался от миллионов. И не потому, что боялся Карпова. Бобби боялся КГБ. Его мучили фобии. Он опасался: русские его отравят. Носил с собой склянку с противоядием. Особенно устрашала его израильская разведка. Евреи коварны. И потому Бобби не ходил к дантистам. Все дантисты — евреи. Он удалил все металлические коронки и пломбы, чтобы израильская разведка "Моссад" с помощью специальных излучений, не повредила его уникальный мозг. Он избегал людей. Единственный человек, которого не избегал Фишер, был Борис Спасский. Но и к нему он относился подозрительно

И вдруг, нежданно-негаданно, Борис позвонил. Он жил теперь во Франции с женой Мариной: "Есть бизнесмен. Выложит за матч 2 500 000 долларов". — "Согласен только на 5 000 000", — отреагировал Бобби.

И спонсор объявился. Югославский финансист Ездимир Василевич, довольно темная личность. Но в конечном счете

1. Владимир Буковский "Серые начинают и выигрывают" (1980) — написано по поводу выхода книги Виктора Корчного "Антишахматы".

все условия договора были соблюдены. В документе записано: победитель получает после матча 3 500 000, побежденный — 1500 000.

Когда Гарри Каспарова спросили, согласен ли он сразиться с Фишером, чемпион мира ответил: "Категорически — нет. Я не верю, что Фишер достаточно силен". В том же духе высказалась лондонская "Дейли телеграф": "Представьте себе, что вы слышите финал 'Неоконченной симфонии' Шуберта". Перед началом матча Бобби ерничал, но — слегка. Его не устраивал шахматный конь: у коня был еврейский нос, слишком длинный. Принесите другие шахматы. И чтобы у коня был арийский нос. Никто не посоветовал Фишеру посмотреться в зеркало.

Прошло двадцать лет после Рейкьявика. Но Бобби все еще был Фишером. Борис — Спасским. Игра — по-прежнему шахматами. И Бобби демонстрировал в первой партии былой класс игры. Агрессивно, неустанно, блестяще атакуя: с королевского, ферзевого флангов, неожиданно жертвуя фигуры, получая позиционное преимущество. Шахматный мир ликовал: Моцарт вернулся. Но одна ласточка не делает весны. Одна партия — чемпиона. Во второй Фишер совершил глупейшую ошибку, и Спасский легко получил ничью. То же и в третьей. Четвертая и пятая показали: уникальный интеллект ржавеет. Каспаров оказался прав: Фишер и Спасский ему не противники.

Бобби выиграл девять партий. Спасский — четыре. Каждый вернулся из Югославии, увеличив свой банковский счет: Фишер на три с половиной миллиона, Спасский — на полтора. Нью-Йоркский журнал "Тайм" подвел черту: "Явление Фишера на шахматной сцене можно сравнить с бегством Наполеона с острова Эльба в 1815-м". Но в статье не говорилось, чем это для императора кончилось. Мнение ведущих гроссмейстеров не было лестным: Фишера можно поместить в первую десятку лучших шахматистов. Ничего более оскорбительного Бобби не мог себе представить.

В "Записках писателя" Достоевский пишет: "Человек как личность становится во враждебное отношение к закону масс и всех. Потеря живой идеи о Боге тому свидетельствует. Человек тоскует, теряет источник живой жизни. Высшее самоволие есть высшее отречение от своей воли. В том моя воля, чтоб не иметь воли". Это как если бы шахматные фигуры, проявив "высшее самоволие", отказались от всех и всяческих правил игры... Перед матчем Фишер получил из Вашингтона предупреждение: гражданам США запрещена коммерческая деятельность в пределах Югославии. Эмбарго распространялось и на турнир. За нарушение — десять лет тюрьмы, штраф — 250 000 долларов. Выйдя на подиум, Бобби зачитал документ и... демонстративно на него плюнул. Публике жест не понравился, но все были на стороне Фишера: "Неужели янки засадят беднягу в тюрягу за невинное перемещение по клеточкам деревянных фигурок?"

Югославский премьер Милан Панич посочувствовал: "Можно ли запретить Моцарту писать музыку?" Ну а если "Моцарт" не платит налогов с 1977 года и вообще высказывает анархическое презрение ко всем и всяческим законам и постановлениям? Арестовали Фишера в Стране восходящего солнца за нарушение паспортного режима. Там не очень чтили шахматы. Зато уважали Закон.

Выкрикнув на весь мир: "США – вонючая страна преступников! Новый Холокост для евреев! Смерть Президенту!" – Бобби стал Летучим Голландцем, кораблем без гавани. Кроме того, на нем висело обвинение в серьезном экономическом преступлении. И американский департамент юстиции аннулировал паспорт Фишера. А Бобби в это время, ни о чем не подозревая, в аэропорту Нарита подымался по трапу самолета, рейс Токио–Манила. Тут, на лесенке, его и повязали. Буйный нрав экс-чемпиона японцев не смутил. Когда странный зэк затеял с ними драку из-за сваренных вкрутую яиц, поданных на завтрак (он любил всмятку), его затолкали в тесную одиночку, лишив пищи, свиданий, прогулок. Токио – не Рейкьявик.

Но викинги не забывают своих героев. Исландцы создали Комитет по освобождению экс-чемпиона. Японский министр юстиции Киеко Ноно откликнулся: "Если вы дадите Фишеру гражданство, мы отпустим его в Рейкьявик". Гражданство было дано мгновенно. Приземлившись в аэропорту Кефлавик, Бобби поцеловал землю, которую нанес на карту в 1972-м. Вулканический остров был демократией. Но, похоже, теперь в стране появился король – Роберт Первый. Исландцы предупреждали каждое Его желание, защищали от журналистов, давали финансовые советы, возили на рыбалку... Вальяжно раскинувшись, как римский сенатор, Бобби нежился в горячих источниках. Но выяснилось: Фишер – патологический скряга. Исландия – маленькая, все известно обо всех: на швейцарском счету экс-чемпиона – три миллиона долларов. А между тем у него не только нет собственного автомобиля, но миллионер утверждает: тратиться на такси – идиотизм. Он предпочитает в снег, дождь, метель дожидаться автобуса. Но если за такси платит другой, охотно едет, при этом требует, чтобы водитель держал обе руки на руле, не вертел головой, не превышал скорость. В ресторан никогда не пригласит. А если случается обедать в компании, ждет, когда заплатят другие.

Все знали: Бобби женат на японке. Ее звали Мийеко. Но то был странный брак – по интернету. Но как только миллионер умер и над еще не остывшим телом разразилась война за наследство, возникла также филиппинка Мэрилин Янг, у которой будто бы есть дочь от Фишера. Племянники Бобби усомнились. Тогда Мэрилин настояла на эксгумации. Анализ ДНК не подтвердил отцовства. Были у Бобби и другие женщины, но как-то все проходило... *без божества,*

без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви. У Набокова в "Защите Лужина" есть мысль: "...развитие шахматного дара связано <...> с развитием чувства пола, <...> шахматы являются особым преломлением этого чувства". Поэтому Валентинов, "боясь, чтобы Лужин не расходовал драгоценную силу, не разрешил бы ее естественным образом, <...> держал его в стороне от женщин и радовался его целомудренной мрачности". Но радоваться тут нечему. Сам-то Валентинов своей теории не придерживался. Набоков тоже... Потому что, как говорит Иоганн Вольфганг фон Гёте в "Фаусте", "Das Ewig-Weibliche zieht uns hinan"[1]. Для Бобби Ewig-Weibliche была Регина. Когда она умерла, стало жутко и холодно, как будто в мире отключили отопление. А когда ушла Джоан — последняя родная душа, единственное, что оставалось Бобби, — умереть...

На последней фотографии, сделанной исландским фотографом Ейнаром Айнарсоном, мы видим угасшего старика. Стальная проволока диких усов лезет в рот, из которого торчат корешки зубов. Крупный нос в сетке прожилок. Голубовато-розовато-сизая кожа — в старческой гречке... Воспаленные веки тусклых глаз, выражение которых мог бы передать только Рембрант: раскаяние, усталость... и боль, боль, боль. Душевная и физическая. Человек в эндшпиле и цейтноте.

Он умирал от болезни холостяков: воспаленная простата, величиной с бейсбольный мяч, заблокировала почки. Бобби никогда не доверял врачам, презирал их. И потому не захотел принимать лекарства. Тогда ему сказали: спасет только диализ. Бобби решительно отказался. Возможно, просто хотел умереть. Перед смертью попросил принести портрет Регины. И долго смотрел на лицо матери...

Бобби Фишер прожил столько же лет, сколько клеточек на шахматной доске: ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ. Он умер 17 января 2007 года. В условиях вечной мерзлоты, в январе, в вулканическом грунте могилу вырубать трудно.

У Достоевского сказано: "Бог и дьявол ведут борьбу в этом мире, а поле битвы — душа человеческая". И потому мы должны отделить Моцарта шахматной доски от монстра параноидального эгоизма.

Безумный гений Бобби Фишер — псих и хам, скряга и скандалист, еврей-антисемит — вписал в тысячелетнюю историю шахмат (да и не только шахмат) такой знобящий сюжет, который вряд ли когда-нибудь повторится.

Нью-Йорк

1. "Вечная женственность нас возвышает".

Леонид Гиршович
О *вечной старости*

"...Глагол 'стукнет', 'стукнуло'. Если 'сколько?', то дательный — не винительный. *Мне* (*тебе, ему*) вот-вот стукнет шестьдесят три. Заметьте, *ей* — нет, не стукнет. Бить женщину, как бить лежачего. Впрочем, шестьдесят три стукнет небольно — дата некруглая, не катится никуда..."

Ох... просыпаешься. Отдуваешься от короткого несытого сна, глядя на розовые кубики за окном поезда. Несмотря на Шенген, в Портбу всегда проверка паспортов: в вагоне — французами, на перроне — испанцами. Можно играть с самим собой в Вальтера Беньямина без риска быть снятым с поезда. Охота не на него. И французским и испанским полицейским ты предъявляешь паспорт на антитеррористическую благонадежность. Этот же паспорт делает тебя, израильского гражданина, нерукопожатным среди множества людей прогрессивных убеждений, не в пример стражам порядка.

Мир не узнать с тех пор, как в 1940 году Вальтер Беньямин свел счеты с жизнью, будучи задержан в том же Портбу — теми же самыми, в чем я ни капли не сомневаюсь, пограничниками. Назавтра группу беженцев пропустили: испанское "mañana", о котором пишет Оруэлл. Бог весть, снабжено ли последнее пристанище "культового" философа мемориальной доской. Как и год назад, обремененный чемоданом, я лишен возможности это проверить, хотя до электрички остается час. На испанских вокзалах — по крайней мере в Портбу и в Жироне — больше нет камер хранения из-за угрозы терактов.

Я подделываюсь то под Вальтера Беньямина, то под Набокова, то еще под какого-нибудь эмигранта. Вся моя жизнь — музей подделок. Есть категория людей, вечно опаздывающих. Я вечно опаздываю, не сильно, на каких-нибудь два поколения. Потом тщетно пытаюсь нагнать их, как тот ослик, что трусит за морковкой. Я адепт барокко на заре романтизма, романтический старец, презрительно называющий модерн гламуром, или переживший свое время модернист, когда на дворе уже черт-те что. Сегодня я жду, что зерна минимализма прорастут — словом ли, образом ли, звуком ли. Нет! Если что чем и прорастает, то минималистской комбинацией из трех пальцев по моему адресу.

© Леонид Гиршович, 2012

Я не в силах отличить инфантильного взрослого от вундеркинда. В минуту слабости я готов сказать себе: кто живет сегодняшним днем, а не с клеймом давно обанкротившейся мануфактуры, тот вправе наделять "Битлз" бесхитростной шубертовской гениальностью.

Что такое крайняя степень мазохизма? Крайняя степень мазохизма — это умозрительность. Рассудочная готовность объявить Шуберта Битлом по отношению к феодальному барокко. Кто бы только знал, какой рвотный камень для феодала этот "тонкоголосый педерастический лиризм, прикрывший волосами уши", эти "гугнивцы с гитарами" (Набоков).

Идти в ногу со временем — звучит как похвала, записывается в актив тому, о ком это говорится. Наоборот, "екатерининский камзол" сказано в насмешку. Правда, куда злее насмешка над теми, кто скрывает свой возраст, кто молодится "до самой смерти" и "осьмидесятилетнею каргой" все еще невестится.

Единицы шагали в ногу со временем, счастливо сменив не один наряд: Стравинский, Хичкок. А вот его коллеге Фрицу Лангу это не удалось. Честно эмигрировав из нацистской Германии в Голливуд, Ланг исхалтурился — как и "мастера искусств" в совдепии, честно эмигрировавшие из авангарда в соцреализм (в чем-то недопустимое, эстетически это сравнение работает).

Для меня образцом хождения в ногу со временем служит Анна Ахматова, на склоне лет вникавшая в "дела молодые". Вот уж кто точно не мог купиться на вновь разрешенный орнамент эпохи двадцатых а-ля Петров-Водкин, с комиссарами в пыльных шлемах. Однако "современность" шестидесятых, замешанная на возрождающемся быте и культурном импорте, манит Ахматову по поговорке "и на старуху бывает проруха". Оперную Графиню, поющую о Версале белых ночей, прельщает "Бразильская бахиана" — голосом Галины Вишневской ("Женский голос как ветер несется"). А Пастернак с его декларативно осознанной необходимостью жить нынешним днем, так ли уж из-под палки следовал он своим декларациям? И таким ли уж он был небожителем, как хотелось думать вождю всех времен и народов?

Я не касаюсь тех, кто сидел на скамье запасных гениев: тихоновых, фединых, леоновых, вс. ивановых — много их было, званых. Я говорю об этих Двоих, потому что своей восприимчивостью к современности они отнюдь не отрабатывали место в господствующем застолье. С одной стороны, оба не могли писать на злобу дня, с другой стороны, злободневность — это молодость, которая для их влюбляющихся тел была основой жизни и, вероятно, условием творчества. И чем толще эти тела обрастали кольцами лет, тем легче прощалась молодым дикарям из будущего *ихняя* дикость. "Анна Ахматова, царственно принимающая подношения юности". Репродукция с картины Репина.

Но мы-то знаем, что Державин ничего не заметил и никого не благословлял. Как и Моцарт не благословлял Бетховена, принесшего ему свой опус, Бетховен — Вагнера, вопреки фантазиям последнего. И т. д. По крайней мере, этим я оправдывал свое малодушие: то, что не решился съездить на поклон в Монтрё в семьдесят пятом, сразу после армии. "Потратишь уйму денег, приедешь... Что ты увидишь? Толстого старого человека, у которого течет из носа и которому жена выговаривает: 'Володя, не паясничай'?" Точно так же впоследствии я побоялся говорить с Бродским. Вайль уже взялся за телефонную трубку: "Набрать? Он вас хвалил". Секунда на размышление... "Нет, не надо".

С чем никак не поспоришь — так это с тем, что назвать текст легче, чем его написать. Перелицевал крылатое выражение, и название готово: "О вечной старости". Но когда название превращается в слоган, тогда дальше можно не читать, все и так ясно. "Война цивилизаций", ага. С учетом того, что цивилизации, в отличие от культур, делятся на земную и внеземную, мысленному взору сразу же предстают космические истребители Тойнби, с умопомрачительным "дж-ж-ж!" атакующие галактику Шпенглера, которая рассыпается фейерверком на полвселенной.

На самом деле речь о противостоянии культур — что, увы, не ассоциируется с головокружительными кинотрюками. Тем не менее, говоря о культуре, можно смело утверждать, что именно ее "три источника — три составные части" являются взрывчатыми веществами, которые земной цивилизацией категорически запрещены к провозу: религия, эстетика, национализм.

И еще: в нынешних "звездных войнах" все обращается вокруг ислама, отчего уместно вспомнить "шерше ля фам". История человеческой цивилизации вообще не что иное, как история эмансипации женщины — тема для меня неисчерпаемая, только заметки эти о другом.

Я избегаю слова "этика". То, что Бродский суммировал лапидарным "эстетика — мать этики", так или иначе произносилось неоднократно: "совершенство формы — залог нравственого совершенства", "эстетика — это гвардия, которая умирает, но не сдается" (в отличие от этики, морали бишь: та всегда найдет лазейку). Однако я склонен пойти дальше, если угодно, прыгнуть выше головы. Сегодня мне кажется, что никакой этики не существует. Это фантом, умозрительное построение, то есть крайняя степень мазохизма. Выходит, что не я один мазохист.

Как я дошел до жизни такой? Очень просто. Точность — требование эстетического порядка, иначе конструкция обвалится. Против этого никто не станет возражать. Вот почему гармония поверяется алгеброй, а поэзия правдой. Я вполне утратил понимание того, что зовется этикой.

Но как прикажете быть с тем, что на языке Бога звучит как "Эц ха-даат тов вэра́" — с

Древом познания? Опять же "очень просто". Природа нравственной оценки, верней того, что принято считать ею, есть инстинктивная способность распознавать себя в другом — отождествить себя с Вальтером Беньямином по прибытии в Портбу. Равно как с любым подобным себе человеческим существом, вплоть до персонажей мелодрамы. У меня настолько развит инстинкт перевоплощения, я настолько впечатляюсь чужими переживаниями, что буду рыдать над вымыслом слезами той же температуры, как если б ступал в звездном мраке Детского мемориала "Яд вашем"... Да нет, я туда просто не пойду! Это место, где инстинкт самоидентификации себя с другими проявился бы в болезненнейшей его форме — своего родительства с родительством других. Спрашивается, причем тут нравственность, которая видится мне аналогом теплорода или иной мифической субстанции?

Но вернемся к "войне цивилизаций". Само понятие приелось настолько, что можно пофантазировать на сей предмет. Забудем на миг, что земная цивилизация одна, что "война цивилизаций" из области шизофрении: конфликт левого полушария головного мозга с правым. Вместо этого скажем себе: вот некая фантастическая реальность — отчего бы не представить себе, как она реализовалась? Прежде всего это была бы не "война миров", а война времен, война между разными поколениями человечества. Между Землей сегодняшнего дня и вчерашнего — то, о чем любят говорить, когда называют войну с исламистами войной XXI века с XVI. Получается, что я — тот же исламист, но от культуры. Надо ли говорить, что исход боевых действий предрешен: чем вооружен я и чем вооружены вы? Соотношение это сохраняется, не меняясь. Условно говоря, феномен морковки: я всегда буду прочищать дуло шомполом под направленным на меня лазером. Поэтому и не пытаюсь воевать.

И поэтому от несбыточной "войны цивилизаций" — несбыточной, ибо на Земле пространство и время едины, — вновь обратимся к "войне культур", которая не только возможна, но и неизбежна. Больше того, она никогда не прекращалась. "Национально-освободительная" война превращалась в религиозную, по существу, оставаясь войной одних культурных обычаев против других. Когда они несовместимы, это очень серьезная причина, чтобы убивать или быть убитым. А несовместимы они в принципе — на уровне племени, улицы, атома. Так будет, пока они не растворятся в кислоте глобальной цивилизации, о чем сокрушался протоевропеец Шпенглер.

Нам не к лицу сокрушаться вслед за ним — но когда воздух вокруг тебя испорчен динозаврами? Когда гордо поднятые головы ничем другим не наполнены, кроме как этим воздухом? Я, конечно, могу сказать, что ничего не смыслю, но в душе солгу — я так не считаю. Да, я принадлежу к

культуре, от передовой линии которой неизменно держусь на расстоянии двух поколений, тем не менее, принадлежу я к ней. Дистанция как раз дает обзор, которого бываешь лишен, стоя у самого края. В войне культур поражение терпит победитель, поэтому нам не страшны никакие "мультикульти — полумесяцем бровь", грозящие загнать Европу в катакомбы. Не страшны, ибо бессильны соблазнить нас своим мусульманским раем. Я уж не говорю о том, что за катакомбной культурой будущее. Это была бы слишком большая роскошь: катакомбная культура с перспективой еще в две тысячи лет.

Направим свои взоры в противоположную сторону — на тех, чьи чемоданы не внушили бы никаких опасений пограничникам в Портбу. Они катят их с видом завзятых путешественников, они экипированы с иголочки — начиная от смартфонов и кончая фирменными кедами. Братья по разуму, по цивилизации, по образу жизни. Когда на глазах у потрясенного мира волна превратила в нагромождение игрушечных автомобильчиков и корабликов побережье Фукусимы, я сопереживал японцам как *своим*. Эти азиаты были одной со мной группы крови — чувство, на котором я с удивлением себя ловил, потому что мне было с чем сравнивать: не в первый раз стихийное бедствие, обрушившееся на далекое племя, транслировалось по телевидению с обстоятельностью футбольного матча — с повторением острых моментов, крупным планом или, наоборот, с высоты птичьего полета, давая полную картину произошедшего. И ничего, через секунду забывалось. Что ж, своя рубашка ближе к телу, а это была *своя* рубашка. Чему я даже умилялся.

Азия шагнула в Запад. Поставив святые чудеса Европы выше собственных, она конвертировала себя культурно. Она признает западные порядки за точку отсчета, на скрипках играет что твоя Одесса, не держит женщину на цепи. И промышленность, как в Детройте. Разве что на путях своего культурного преображения буддохристианство спутало Диснейленд с оригиналом, отдав предпочтение первому, благо лучше усваивается.

Так возникла Европа, сработанная в Азии, которую Запад стал немедленно экспортировать: облегченный вариант самого себя, упрощенное понимание и восприятие своей культуры. Не надо прилагать никаких усилий, все как в космосе, ничего не весит. И жевать не надо — не заметишь, как останешься без единого зуба в кармане.

Я уж и не знаю, на кого валить и кого винить в том, что стою на платформе и не понимаю ни слова. Не ведаю, ни на каком свете, ни куда дальше. Портбу, конец маршрута. Кощунственно провожу параллель с Вальтером Беньямином. Но прежде один вопрос: пусть я состарился в одиночке, лишенный среды, не чувствующий своего читателя, как не чувствуют под собою земли, — и еще много других

"пусть", которые я опускаю. Одно я хочу все же знать: кто старше, я или идущие позади меня? Кто старше, рожденные прежде или позже, притом что счетчик включился для всех одновременно и каждый от сотворения мира был замыслен и, следовательно, уже существовал как неотъемлемая часть единого целого? В таком случае те, от кого я безнадежно отстал, молодые, грядущее поколение, старше меня настолько, насколько я считал себя старше их. Ответ для меня спасительно важен, чтобы иметь возможность сказать им: "Вы — старше меня. Я называл вас вундеркиндами за ваше позднее взросление, пенял вам на ребячливость, на ваше пристрастие к цветным картинкам, сказкам. Но то, что я считал инфантильностью, на самом деле старческое слабоумие. Отсюда неспособность понять прочитанное: главное, чтоб никаких комочков мысли". Это утешит, когда в очередной раз окажусь непонятым.

Между прочим, пока я это писал, мне стукнуло шестьдесят три. Так что принимаю поздравления.

Алексей Михеев
Биография и репортаж

Октябрьский номер "ИЛ" прошлого года назывался "Польша: литература факта". В традиционной авторской рубрике "Информация к размышлению" я рассказал о двух биографиях классика польской "литературы факта" Рышарда Капущинского. Эта публикация содержала два скрытых тезиса.

1. Любое биографическое описание нельзя считать объективным; каждая биография – в той или иной степени – представляет собой интерпретацию.

2. Претендующий на объективность журналистский репортаж с места события также в большой степени представляет собой прежде всего субъективную интерпретацию постороннего наблюдателя.

Оба эти тезиса основывались на анализе вышедших в Польше двух фундаментальных биографий Капущинского. Когда же я прочел специальный тематический номер "ИЛ" целиком, то обнаружил в нем два материала, которые вступили с моим текстом в определенный резонанс: они стали не только дополнительной иллюстрацией этих тезисов, но и стимулировали процесс их развития и "додумывания".

Первый – это глава из книги Марека Радзивона "Ивашкевич. Писатель на фоне катастроф". Применительно к Ярославу Ивашкевичу – выдающемуся польскому писателю, чья биография вместила почти весь XX век (1894–1980), утверждение о практической невозможности "объективного" жизнеописания более чем справедливо. "Можно нарисовать много разнообразных и даже взаимоисключающих портретов Ярослава Ивашкевича, – пишет Марек Радзивон. – Автор "Барышень из Вилько" – не только официальный писатель, который из трусости, наивности или простого конформизма поддерживал режим ПНР и широко пользовался привилегиями как один из немногих избранных", но и "писатель, который не написал, за исключением одного стихотворения в честь Берута, ни единого слова в соответствии с доктриной соцреализма, художник, богатого наследия которого хватило бы на багаж нескольких состоявшихся писателей". И именно подобная возможность разных ракурсов стала причиной того, что, как говорит во вступлении к публикации профессор Виктор Хорев, "в 80–90-е

© Алексей Михеев, 2012

годы Ивашкевич подвергся ожесточенной критике наиболее радикальных антикоммунистических критиков и публицистов за "сервилизм" по отношению к властям ПНР".

В недавней польской истории есть еще более яркий пример такого рода "биографической амбивалентности" — это генерал Войцех Ярузельский. В 1981 году, после введения в Польше военного положения, Ярузельского — в противопоставление лидеру "Солидарности" Леху Валенсе — стали называть польским Пиночетом, чему немало способствовала такая деталь внешнего облика генерала, как темные очки. Однако был и другой ракурс взгляда на Ярузельского, абсолютно иная интерпретация его действий: многие (и, возможно, не без оснований) считали, что благодаря военному положению Польша избежала советской интервенции — и в этом толковании генерал предстал прежде всего спасителем нации, который был вынужден выбрать меньшее из зол.

Любопытно в этой связи вспомнить тот не слишком широко известный факт, что Войцех Ярузельский был сводным (по матери) двоюродным братом актера Збигнева Цыбульского. И темные очки генерала могут быть поэтому ассоциированы не только с Пиночетом, но и с героем классического фильма Анджея Вайды "Пепел и алмаз" Мачеком, который в финале убивает партийного секретаря Щуку, носителя пришедшей с Востока коммунистической власти. В подобном контексте решение Ярузельского о введении военного положения действительно способно быть интерпретировано как поступок, упреждающий возможный "ремейк" трагической (и имеющей *документальную* основу) ситуации, воспроизведенной за четверть века до этого братом Збышеком в *художественном* фильме.

Другой "резонансный" материал этого специального номера "ИЛ" — статья псковского литературного критика Валентина Курбатова "Свой среди своих", посвященная польскому писателю Мариушу Вильку. "Писатель уже повидал мир, высокие центры цивилизации — нью-йорки и парижи — попробовал себя в "горячих точках", — пишет Курбатов. — И, наверное, был смущен, прочитав однажды тютчевское 'Умом Россию не понять, аршином общим не измерить'". А чтобы разобраться в этом, Вильк добровольно поселился на Соловках и "стал год за годом жить как все — вода, дрова, спирт, выборы, проклятая политика, реформы, лагерная память на каждом шагу и в каждом соседе".

Контрастно-резонансным по отношению к материалу о Капущинском стало для меня в данном тексте словосочетание "горячие точки". Действительно, здесь мы можем видеть две диаметрально противоположные репортерские стратегии. В одном случае журналист (Капущинский) едет туда, где происходит что-то важное (война, революция, народные волнения), уже имея в голове некое предварительное представление о происходящем (например, кто "хорошие и свои", а

кто "плохие и чужие"); сама же поездка служит прежде всего поиску конкретных фактов, фиксируемых с точки зрения постороннего наблюдателя и становящихся документальными подтверждениями, некими иллюстрациями уже заготовленной заранее картины событий. В случае же Вилька журналист едет туда, где не происходит практически ничего интересного (то есть в абсолютно "холодную" — в том числе и климатически — точку), имея целью не сбор иллюстраций, а построение собственной картины — для чего становится необходимым сменить постороннее наблюдение на наблюдение "включенное", превратиться из заезжего туриста в постоянного местного жителя.

И здесь, по сути, мы сталкиваемся с взаимопроникновением двух фундаментальных документальных жанров. Формально дневники Вилька должны были быть скорее репортажем — поскольку автор является здесь субъектом, а Соловки (и шире — Россия) объектом. Однако фактически они становятся (авто)биографией — поскольку, делая себя фрагментом окружающей реальности, репортер принимает на себя сразу две роли: как рядовой житель он — объект наблюдения, а как писатель — субъект.

Похоже, что граница между жанрами художественной ("субъективной", fiction) и документальной ("объективной", non-fiction) прозы не просто — как принято считать — слегка размыта, а фактически трудноопределима. Биография и репортаж, жанры по определению документальные, не могут не быть субъективными в силу основательной зависимости от авторских интерпретаций биографа или репортера — что, в свою очередь, непосредственно сближает их с художественной прозой, где главенствующим является авторский вымысел. С другой же стороны, и "литература вымысла" способна, как мы знаем, обретать при чтении статус документа — ведь, например, войну 1812 года мы воспринимаем прежде всего в соответствии с авторской (то есть субъективной) версией Толстого.

Исследуя процессы, происходящие в микромире, физики уже давно пришли к выводу о том, что на квантовом уровне объективное наблюдение в принципе невозможно — в силу того, что сам процесс наблюдения на этом уровне вносит изменения в наблюдаемый объект. На уровне текстов происходит что-то подобное: само описание мира вносит в него те смыслы, которых до этого в нем не было — и тем самым формирует реальность. От объекта — через его субъективное описание в тексте — к наделению самого текста статусом объекта — и, наконец, к замещению этим новым объектом прежнего, "реального", — так складывается ход литературной игры под названием "Рукописи не горят".

Дмитрий Веденяпин
О *книге "Стихи об Анне"*

Стихи об Анне: Поэтическая антология / Составитель Мария Михновец. — СПб.: Свое издательство, 2010

Есть книги хорошие, есть плохие, а есть недоразумения. Боюсь, что антология "Стихи об Анне" принадлежит именно к этой, последней, категории.

Конечно, сделать хорошую поэтическую антологию очень непросто. Но бывают неудачи и неудачи.

Начать с того, что вызывает большие сомнения сам замысел: собрать под одной обложкой стихи разных поэтов, не связанные ничем, кроме того, что в них упоминается одно и то же женское имя.

Любой человек, имеющий хоть какое-то отношение к литературе, не может не знать, что книга, тем более поэтическая книга, — это не уголок "блошиного рынка", где все свалено в одну кучу: сломанная зажигалка, бронзовый подсвечник, упаковка бритвенных лезвий... Ясно, что последовательность стихов, время их написания, то, какой автор с каким соседствует, имеет не последнее значение для читательского восприятия. Антология "Стихи об Анне" оставляет ощущение, что для составителя тут серьезных затруднений не было. Книга разбита на семь разделов. Ну вот, скажете вы, определенная структура, священное число семь... Рано радуетесь. Ни названия разделов, ни их состав ничего не проясняют. Например, первый раздел называется "Аня, Анечка, Анна", а шестой — "Анна, друг мой, маленькое чудо..." Название последнего, седьмого, и вовсе таинственно: "Анна и память".

Но даже тогда, когда раздел назван понятно — "Святая Анна" — читатель, скорее всего, испытает недоумение. Тут всего три стихотворения: "Рождество Богородицы" Михаила Кузмина, "Сретение" Иосифа Бродского и стихотворение "Святая Анна" (именно так, как мы видим, озаглавлен весь раздел) Александра Фролова. У меня как минимум два вопроса к составителю: не кажется ли вам, что стихотворение "Сретение", пусть даже оно посвящено Анне Ахматовой и в нем действительно фигурирует пророчица Анна, все-таки не совсем об Анне? И второй вопрос: не является ли медвежьей услугой Александру Фролову соседство с Кузминым и Бродским? Эффект по-

© Дмитрий Веденяпин, 2012

лучается комический: что-то вроде "Гомер, Мильтон и Паниковский..." Но в конце концов надеешься, пусть имя и неизвестное, а стихи хорошие. Может ведь такое быть? Может. Но в данном случае... Нет, не буду ничего говорить. В общем, не шедевр. Да еще с грамматическими и пунктуационными ошибками.

В разделе "Анна, друг мой, маленькое чудо..." тоже три стихотворения: Александра Межирова, Дмитрия Сухарева и Роберта Бёрнса. В двух первых Анна – ребенок. То есть вроде бы этот раздел про маленькую девочку Аню. Но тогда при чем тут Бёрнс с его любовной песенкой? А кроме того, разве Бёрнс писал по-русски? А если это перевод, то где же имя переводчика? Стихи иноязычных поэтов (Рембо, Гёте, Аполлинер, Герта Крефтнер) попадаются почти в каждом разделе – фамилии переводчиков не указаны нигде. Как же так?

Иногда в ларьках с дешевыми сувенирами (простите за навязчивое развитие "барахольной" метафоры) продают чашки, украшенные именами: "Виктор", "Андрей", "Екатерина"... Чашки, как правило, не слишком красивые, но из них хотя бы можно пить. А что делать с этой антологией, где даже Пушкин на фоне всего остального смотрится какой-то нелепицей?

"Стихи об Анне" вышли в санкт-петербургском "Своем издательстве". Хочется верить, что другие книги этого издательства более качественные. В противном случае оно вряд ли покажется "своим" хоть сколько-нибудь взыскательному читателю.

Среди книг

с Аланом Жуковским

На чьей стороне время?

Julian Barnes *Pulse.* — London: Jonathan Cape, 2011. — 227 p.

Julian Barnes *The Sense of an Ending.* — London: Jonathan Cape, 2011. — 150 p.

В 2011 году у Джулиана Барнса вышли сразу две книги: сборник рассказов "Пульс" ("Pulse") и небольшой роман (или, по мнению многих критиков, повесть) "Ощущение конца" ("The Sense of an Ending"), получивший Букеровскую премию.

"Пульс", состоящий в основном из рассказов, публиковавшихся в "Нью-Йоркере", "Гранте", "Гардиан" и "Санди таймс", изобилует "хуками", привлекающими внимание широкого читателя (таков, например, "Восточный ветер" — образцово рассказанная "история" о недолгом романе с бывшей пловчихой из ГДР, пострадавшей (физически и духовно) от употребления анаболических стероидов (обо всем этом герой рассказа узнает не сразу). Правда, обилие "приманок" почти не вредит обаянию писателя, с его точным, выверенным языком и фирменным цинизмом, обличающий национальное и общечеловеческое лицемерие. Эта тема проходит лейтмотивом через первую часть сборника, наиболее красноречиво раскрываясь в описании неблагодарной судьбы двух писательниц из рассказа с провокативным названием "В постели с Джоном Апдайком" ("Sleeping with John Updike").

Тема лицемерия неоднократно поднимается и в четырех диалогах "У Фила и Джоанны", которые чередуются с остальными рассказами первой части, — в этом многосоставном произведении (тонко имитирующем и пародирующем особенности разговорной речи с учетом национальной специфики) Барнс намеренно сталкивает попытки ответа на серьезные философские вопросы (такие как достоверность исторического и научного знания — проблема, встающая с новой силой в "Ощущении конца") и бессвязную болтовню, сквернословие, пошлые шутки. В диалоги вплетаются злободневные (и не очень) темы: глобальное потепление, 11 сентября, вопрос европейскости Британии, охлаждение молодежи к латинским изречениям, отношения мужчины и женщины,

любовь, физическая и духовная... В четвертом диалоге произносятся слова, которые могли бы служить эпиграфом к "Ощущению конца". Сравнивая чувства, характерные для молодости, с переживаниями уже не молодых людей, один из собеседников замечает: "Теперь наши самые сильные эмоции — другие: чувства потери, сожаления, того, что все заканчивается (the sense of things ending)".

Произведения, собранные в "Пульсе", разнообразны и единой классификации не поддаются. В публицистичном (как и многое в этом сборнике) рассказе-эссе "Каркассон" развивается столь важная для Барнса тема любви. При этом часто делаются парадоксальные выводы: о прямо пропорциональном соотношении между гастрономическими и сексуальными потребностями, о том, что наиболее прочная и долговременная привязанность возникает между партнерами в гомосексуальных браках... Барнсовские размышления в "Каркассоне" — все время на грани провокации, меткого наблюдения и шутки ("Мы говорим о любви с первого взгляда, и, действительно, она случается — даже в Англии..."). Рассказ "Гармония", действие которого происходит в XVIII веке, — тонкая философская притча о новаторском методе лечения слепоты при помощи магнитов, о неготовности публики воспринимать *новое*, о природе таланта.

Название сборника, одноименное заключительному рассказу, выглядит довольно случайным, но оно вписывается в общую концептуальную метафору. В "Ощущении конца" повествователь говорит о желании, чтобы кровь потекла вспять, о субъективном времени, которое, в виде часов, человек может надеть на обратную сторону запястья, как это делали герои романа — Тони, Колин и Алекс... Путем нехитрых словесных повторов Барнс добивается эффекта многослойности, связывает "Пульс" и "Ощущение конца", равно как и их отдельные части.

Главная тема нового романа, построенного как сложная сеть размышлений и воспоминаний главного героя и рассказчика — Тони Вебстера, — это взаимоотношения человека и времени — времени объективного (которое, как заверяет повествователь, существует, независимо от теории параллельных реальностей) и времени субъективного. Эта общая проблема неизбежно перетекает в вопрос фактической и эмоциональной достоверности памяти. Роман начинается с перечисления нескольких мотивов, предметных образов, выплывающих из сознания повествователя, как семена, из которых рождается произведение: ванна, остывшая за закрытой дверью, река, парадоксальным образом текущая против собственного течения... Путем нехитрого (пожалуй, излишне схематичного) приема автор интригует читателя, как будто дразня его маленькими кусочками реальности, беспорядочно вырванными из дальнейшего повествования...

В первой части романа проживший целую жизнь Веб-

стер рассказывает о своей юности. В замкнутое сообщество трех школьников — Тони, Алекса и Колина — приходит "высокий, застенчивый парень" Адриан Финн (его появление в школе напоминает начало "Госпожи Бовари"), заметно выделяющийся из их круга, вошедший в него, но до конца с ним не сливающийся. Вечно юный образ Адриана становится центральным для длинного монолога, растянувшегося на все пространство книги. Поначалу отдавая себе отчет в том, что воспоминания могут оказаться неточными, а сама оценка событий могла подвергнуться аберрации памятью, последующим опытом, новыми представлениями о жизни, Тони отзывается о своей юности — и юности вообще — весьма иронично, подтрунивая над резкостью и безапелляционностью суждений ("Да, мы были претенциозны — для чего же еще молодость?"), и над склонностью критиковать любые политические и общественные "системы", не предлагая ничего взамен, кроме "гедонистического хаоса". Вебстер, в общем и целом, понимает, насколько поверхностной и деланой была эта претенциозность, и все же напрямую связывает ее с молодостью, но всякая ли молодость соответствует такому полупародийному описанию? Радикальность, в основном, сводилась к употреблению красивых слов и выражений (конечно же, не всегда осмысленному), к отдельным провокативным суждениям и чтению небезопасной литературы — например, Манифеста коммунистической партии.

Но дальнейшие события (как новейшие, так и прокручиваемые в памяти) — и те реакции, которые они вызывают в сознании Тони, — бросают вызов его житейскому опыту, обывательской уверенности в том, что он чему-то научился за долгие годы.

Сомнение в ценности своей жизни возникает уже в молодости, когда Тони узнает о смерти друга. После школы, во время обучения в Кембридже, Адриан кончает с собой. Он оставляет записку, в которой объясняет свое решение желанием вернуть дар жизни, который человек получает, несмотря на то что об этом никто не просит. Очевидная странность и примитивность аргументации не смущает Вебстера. Для него — уже тогда, в молодости, — Адриан становится символом, человеком, живущим поверх или даже вне времени, философом, не побоявшимся убить себя ради следования принципам, закончившим свое пребывание на земле по велению чистого рассудка, логически обосновавшего такое решение. Самоубийство Адриана вызывает у Тони восхищение, ведь большинство людей, говорит он, действуют совершенно противоположным образом: следуют интуитивному, ничем не мотивированному решению, а уже затем оно обрастает целой сетью поводов и причин, — так возникает здравый смысл. Ирония стареющего человека практически не распространяется на Адриана, которого он (как и школьный преподаватель ис-

тории, реагировавший на провокации Финна без снисхождения, а с полной серьезностью), всегда воспринимал как особую, уникальную личность. Во второй части книги Тони признается себе, что всю свою жизнь он был обывателем, посредственностью, шедшей по пути наименьшего сопротивления, горделиво прикрываясь инстинктом самосохранения. "История — ложь победителей", — когда-то сказал Вебстер; в финале первой части он заявляет, что история — это "память выживших, большинство из которых — не выигравшие и не проигравшие". Одним из таких выживших, безликих людей оказывается он сам.

Другой важный персонаж романа — Вероника, с которой Тони встречался около года. Их отношения не сложились — из-за слабого характера Вебстера и дурного нрава девушки, запутывавшей Тони загадочным поведением. Одним из наиболее болезненных воспоминаний Вебстера оказывается поездка в дом родителей Вероники, где его принимали с насмешкой, снисхождением, иронией. Через некоторое время после расставания Тони получает письмо Адриана с просьбой встречаться с Вероникой. Тони сначала отвечает коротким и глуповатым заверением, что все хорошо, но вскоре отправляет новое письмо, полное низменного гнева, проклятий и оскорблений, однако быстро забывает о том, что написал.

Первая часть романа охватывает период от знакомства с Адрианом до его самоубийства. Вторая — более длинная — посвящена размышлениям уже пожилого Тони по поводу своего прошлого, после того как он неожиданно узнает, что умершая мать Вероники завещала ему дневник Адриана. Тони связывается с Вероникой и безуспешно пытается вернуть дневник, который, по ее словам, был сожжен. Вебстер получает только две ксерокопии: страницу дневника и свое собственное гневное письмо, которое вызывает у него шок (на роль моралистического символа оно, правда, не тянет). Вероника по-прежнему ведет себя намеренно загадочно; встречи с ней неизменно заканчиваются для него унижением. И тогда он начинает понимать, что его попытка сближения с ней была наивным, неосознанным, отчаянным стремлением вернуть упущенное, исправить безвозвратно ушедшее. Именно так возникает ощущение конца; чувство превосходства Адриана, отказавшегося принимать удары жизни, становится все острее. Правда, в конце романа появляется сомнение в немотивированности его поступка житейскими обстоятельствами (насколько "чистым" было самоубийство, читатель так и не узнает со всей достоверностью). Когда-то, в своем забытом письме, Тони брался утверждать, что время все рассудит и докажет его правоту, но оно оказалось не на его стороне. "Time is on my Side" — название песни группы "Роллинг Стоунз" — несколько раз обыгрывается Вебстером. Битва с воспоминаниями уже проиграна.

Стареющий Тони вспоминает (или домысливает?) всё новые детали своего прошлого, погружается в довольно тривиальные размышления о том, что былое — всего лишь фикция, со временем принимающая новые формы, о том, что люди, за исключением героев романов, с годами не меняются. Но меняется ли сам Вебстер, необычный образ обычного человека, — герой этого романа? Только в осознании своей ничтожности.

Что же за ситуация описана в "Ощущении конца" — частная или общечеловеческая? Действительно, размышления Тони отличаются высокой степенью обобщенности. Действительно, большинство людей не управляют (и не пытаются управлять) своей жизнью, и в этом похожи на Вебстера. И все же история Тони — это история конкретного человека, пассивного, нерешительного, плохо анализирующего свои поступки. Тони — это образ предостерегающий, это пример того, каким не надо быть. Рассуждениям этого человека верить нельзя. Вспоминаются слова шекспировского Ричарда II о растрате времени, которое затем растрачивает человека.

Обильная лиро-эпическая рефлексия, тесно сплавленная со сложным, оригинальным сюжетом, — несомненное достоинство романа. Правда, рассказчик слишком часто ссылается на вымышленность, изменчивость и неточность своих воспоминаний, общая событийная канва которых оказывается намного прозрачнее, чем кажется поначалу. Роман задуман как универсальное размышление о сущности памяти, об ответственности человека за свой выбор, о взрослении, старении, молодости и старости, жизни и смерти, но по мере чтения доверие к Тони Вебстеру — как к носителю универсального знания — теряется. Оказывается, что он — заурядный обыватель, не отвечающий ни за свое прошлое, ни за настоящее. Действительно, его история в каком-то смысле универсальна — с поправкой на специфические особенности характера.

Но какова позитивная альтернатива? Неужели это Адриан Финн? На чьей стороне время? Или ни на чьей? Был ли Адриан по-настоящему глубоким человеком? Судя по фрагментарному описанию Тони со страницы и странноватым формулам дневника, вряд ли. Правда, значительная часть жизни Финна (и утраченные записи) остается за кадром. Вероятно, только такой человек, как Тони, может воспринимать Адриана как личность неординарную. Возможно, альтернативой ощущению конца могла бы стать искренняя, настоящая любовь (в конце первой части на это намекает и сам Вебстер), но в романе такое чувство нигде не описывается. Вероятно, альтернативой мог бы стать деятельный, решительный человек, "делающий жизнь", но в мире Тони Вебстера он невозможен.

По материалам зарубежной прессы

Sophie Ansel, Navy Soth *Les larmes interdites.* — Paris: Plon, 2011. — 297 p.

Книга Софи Ансель "Запретные слезы" посвящена истории девочки, родившейся в Камбодже незадолго до прихода к власти Красных кхмеров, ознаменовавшего начало геноцида против народа Кампучии. В одно мгновение перевернулась жизнь главной героини, вынужденной, как и сотни тысяч других жителей, бежать вместе с семьей подальше от столицы. Могущественная организация, Ангкар, правящий орган Красных кхмеров, методично и целенаправленно истребляет "неверных": городских жителей, интеллектуалов, диссидентов. И все же, несмотря на то что каждый новый день приносит с собой только ужас, смерть и новые разрушения, маленькой героине удается сохранить детскую чистоту и невинность. Как отмечают иностранные критики, рассказывая о тех страшных временах, она словно берет читателя за руку, ведет его через боль и страдания, чтобы показать свои детские радости, которые она сумела найти и сберечь. Из этой чистоты и родились сила и стойкость, позволившие маленькой девочке, свидетельнице гибели всех своих близких, не только выжить, но и не потерять рассудок.

Это история о том, как из любви и доброты рождается на свет неукротимая жажда жизни, противостоящая, а точнее говоря, попросту игнорирующая политические, идеологические и какие бы то ни было другие ограничения.

Paula McLain *The Paris Wife.* — New York: Ballantine Books, 2011. — 336 p.

По словам самóй писательницы, идея написать книгу от лица первой жены Хемингуэя, Хэдли Ричардсон, пришла ей в голову во время прочтения "Праздника, который всегда с тобой". Несмотря на то, что брак их распался, несмотря на измены Хемингуэя, все, что он когда-либо писал или говорил о Хэдли, свидетельствует о глубине и искренности его чувств к ней. Перечитав сотни писем, которыми обменивались супруги, Пола Маклэйн попыталась воссоздать в книге "Парижская жена" историю любви еще молодого, полного амбиций писателя и женщины, готовой стать его верной и преданной тенью.

Как пишут зарубежные журналисты, эта книга дает возможность взглянуть на писателя с другой стороны, уви-

деть за сложившимся образом совсем другого человека, такого, каким его видела Хэдли. В различных интервью Пола Маклэйн не раз отмечала, что в процессе работы над книгой она не могла не полюбить Хэдли, а через нее — самого Хэмингуэя, каким он представал в письмах. Именно эти чувства писательница и попыталась выразить в своей книге.

Несмотря на форму изложения, обязывающую к особой тщательности и достоверности изложения, автора не в чем упрекнуть. Она не только предельно корректна по отношению к чисто фактическому биографическому материалу, но и предельно точно воссоздает атмосферу Парижа 20-х годов. По словам критиков, книгу должны прочесть все, кто хочет побольше узнать о предшествовавших славе годах жизни знаменитого писателя.

Kristin Hannah *Night Road.* — New York: St. Martin's Press, 2011. — 400 p.

Лекси Бэйл привыкла заботиться о себе самостоятельно. С детства она переходила из одной приемной семьи в другую, пока ее не приютила у себя дальняя родственница, позаботившаяся о том, чтобы девочка наконец пошла в нормальную школу. Именно там Лекси познакомилась сначала с Мией Фаррадей, тихой, неприметной в классе девушкой, а затем и с ее братом-близнецом Заком, школьной звездой и всеобщим любимцем. Дружба с Мией подарила Лекси то, чего у нее никогда не было, — настоящую семью, а дружба с Заком постепенно переросла в любовь. Джуд Фаррадей всегда старалась быть образцовой матерью для своих детей, поэтому, когда у Мии появляется подруга, Джуд решает взять девочку под свое крыло. Тем не менее, чем старше они становятся, тем очевиднее разница положений, в которых находятся подруги: Лекси подрабатывает, пытаясь накопить денег для поступления в местный колледж, в то время как Джуд, давно уже просчитавшая и спланировавшая будущее близнецов, готовит их к поступлению в престижный университет. Но как бы ей этого ни хотелось, Джуд не может полностью контролировать своих детей. Она и не представляет, какое место в их жизни занимает Лекси. Одно неверное решение в считаные мгновения разрушает надежды, планы, будущее целой семьи.

Как отмечают зарубежные критики, "Ночная дорога" Кристин Ханна — это в первую очередь книга о всеобъемлющей, абсолютной материнской любви, о кажущейся прочности связывающих людей уз, о прощении и о том, как человек постепенно обретает веру, когда она, казалось, была потеряна навсегда.

Gayle Tzemach Lemmon *The Dressmaker of Khair Khana.* — New York, 2011. — 288 p.

Многие книги, посвященные историям женщин, живших в

Афганистане в годы правления талибов, проникнуты отчаянием, ощущением потери, горем, но Гейль Цемач Лемон, автор книги "Портниха Хаир-Хана", поставила себе целью рассказать историю женщины, которая нашла в себе силы выдержать все превратности судьбы и позаботиться о себе и своих близких. Главная героиня, Камила, получила долгожданный диплом преподавателя, но ее планам на будущее не суждено было сбыться, – талибы взяли Кабул и основали Исламский Эмират. Отныне девочкам запрещено посещать школы, а женщинам не позволяется не только работать вне дома, но даже покидать его без сопровождения мужчины. Нарушившие это правило рисковали жизнью. Отец Камилы, в прошлом военный, забирает с собой жену и старшего сына и уезжает, опасаясь преследований со стороны нового правительства. Перед отъездом он поручает заботу о четырех младших сестрах и младшем брате Камиле, которая становится теперь главой семьи. Не имея возможности выходить на улицу, Камила оказывается буквально запертой в доме родителей вместе со своей семьей. Они проводят вечера, читая без конца одни и те же книги и надеясь на чудо. Но в один прекрасный день Камила понимает, что чуда ждать бессмысленно и что будущее семьи в ее руках. Чтобы выжить, она учится шить и, несмотря на смертельную опасность, которой она ежедневно подвергает себя, девушке удается открыть собственное дело.

По мнению иностранных журналистов, Камила, безусловно, является очень ярким, убедительным персонажем, героиней, которая отказывается быть жертвой и, не отступая перед трудностями, становится, как и мечтала, учителем, – для женщин всей страны.

Подготовила
Ника Бажанова

Emma Donoghue *Room*. – Picador, 2010. – 321 p.

Роман канадской писательницы ирландского происхождения Эммы Донохью "Комната" вошел в короткий список Букеровской премии 2010 года и в список лучших книг года, опубликованный "Нью-Йорк таймс".

Рецензенты газет "Независимый", "Телеграф", "Нью-Йорк таймс" прежде всего отмечают необычность повествования: рассказчиком выступает пятилетний мальчик, всю свою жизнь запертый в комнате вместе с матерью. Как пишет Эйми Бендер на страницах "Нью-Йорк таймс", выбор рассказчика с заведомо ограниченным кругозором как нельзя лучше подходит для изображения причудливого, замкнутого мира комнаты, столь привычного для ребенка. И лишь постепенно читатель узнает подробности преступления, в результате которого мать и ребенок оказались отгорожены от всего света. Отдельно отмечают критики мастерское описание "мира

снаружи" после освобождения героев.

Сама Донохью, цитируемая британской газетой "Индепендент", определяет суть книги очень просто: "Это рассказанная мальчиком история о мужестве и любви". Донохью признается, что роман основан на подлинных событиях, в частности, печально известном деле Фитцеля. Однако, как подчеркивает писательница в интервью газете "Индепендент", не следует искать в книге точного отображения реальных преступлений – они только послужили отправной точкой.

Подготовила
Екатерина Кузнецова

Геза Сёч
Géza Szőcs
[р. 1953]. Венгерский поэт, прозаик и драматург. Лауреат венгерских литературных премий Милана Фюшта [1986], *Книга года* [1990], Аттилы Йожефа [1993], Шандора Мараи [2006], премии Союза писателей Румынии [за роман *Лимпопо*; 2008], итальянской премии Джакомо Леопарди [2011] и др.

Автор поэтических сборников *Это ты прошел по воде?* [*Te mentél át a vizen?* 1975], *Поединок, или Двадцать третий снегопад* [*Párbaj, avagy a huszonharmadik hóhullás*, 1979], *Визит униформы* [*Az uniformis látogatása*, 1986], *Вольноотпущенный манекен* [*A szélnek eresztett bábu*, 1986], пьес *Бесермяне из Кишберека* [*A kisbereki böszörmények*, 1994], *Кто подменил народ?* [*Ki cserélte el a népet?* 1996], *Либертэ 1956* [*Liberté 1956*, венг. изд. и рус. перев. 2006] и др.
Роман *Лимпопо, или Дневник барышни-страусихи* публикуется по изданию *Limpopo avagy egy strucckisasszony naplója* [Budapest: Magvető Könyvkiadó, 2007].

Шеймас Хини
Seamus Heaney
[р. 1939]. Ирландский поэт, лауреат Нобелевской премии [1995].

Стихи Ш. Хини вошли во многие антологии ирландской, английской и европейской поэзии. Автор поэтических сборников *Смерть натуралиста* [*Death of a Naturalist*, 1966], *Полевые работы* [*Field Work*, 1979], *Боярышниковый фонарь* [*The Haw Lantern*, 1987] и др. Литературно-критические работы Ш. Хини составили книги *Пристрастия* [*Preoccupations*, 1980] и *Правление языка* [*The Government of the Tongue*, 1988]. В русском переводе его стихи неоднократно печатались в *ИЛ*.
Публикуемые стихи взяты из сборника *Цепь человеческая* [*Human Chain*. Faber and Faber, 2010].

Пьер Мишон
Pierre Michon
[р. 1945]. Французский писатель, мастер *коротких романов*, филолог. Лауреат многочисленных премий, в их числе Гран-при Французской академии за роман *Одиннадцать* [*Les Onze*, 2009] и Петрарки за совокупность произведений [2010].

Первый роман *Мизерные жизни* [*Vies minuscules*, 1984] написал в тридцать семь лет. Автор романов *Жизнь Жозефа Ролена* [*Vie de Joseph Roulin*, 1988] и *Рембо сын* [*Rimbaud le fils*, 1991], где в необычном ракурсе представлены биографии Ван Гога и Рембо, *Деревянный король* [*Le Roi du bois*, 1996], *Аббаты* [*Abbes*, 2002] и др.
Роман публикуется по изданию *L'Empereur d'Occident* [Paris, Verdier, 2007].

Марина Михайловна Ефимова
Журналист, редактор, переводчик. Ведущая тематических передач на радио *Свобода*.

Автор повести *Через не могу* [1990] и многих публикаций в американской эмигрантской прессе. Автор рубрики *Новые книги Нового Света* в *ИЛ*.

Григорий Исаакович Рыскин
[р. 1937]. Поэт, прозаик, эссеист, журналист. Живет в Нью-Йорке.

Автор 12 книг, в том числе *Записки массажиста* [2010], *Газетчик* [2010], *Ксантиппа* и др.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Леонид Гиршович
[р. 1948]. Русский писатель, музыкант. В начале 70-х эмигрировал в Израиль, позже переехал в Германию, в настоящее время работает в оркестре Ганноверской оперы. Финалист *Букеровской премии* [1999].

Автор романов *Перевернутый букет* [1978], *Обмененные головы* [1995], *Бременские музыканты* [1997], *Прайс* [1998], *Цвишен ям унд штерн. Быт и нравы гомосексуалистов Атлантиды* [2001], *Суббота навсегда* [2001] и др. В *ИЛ* публиковались его статьи *Об уличном музицировании как следствии высокопрофессионального обучения детей музыке* [2005, № 2], *Запад есть Запад* [2006, № 5], *Квадратура круга?* [2006, № 12], *Чур меня!* [2009, № 6] и *Plaisir d'amour* [2009, № 10], *Новое сообщение Броуди, сделанное им во французском Леоне на литературном симпозиуме, посвященном интриге* [2010, № 6].

Алексей Васильевич Михеев
[р. 1953]. Кандидат филологических наук. Лауреат премий *Человек книги* [2004], имени А. М. Зверева [2010], журнала *Октябрь* [2010].

В его переводе с польского напечатана пьеса С. Мрожека *Портной* [*Суфлер*, 1995, № 4] и повесть Г. Херлинга-Грудзинского *Белая ночь любви* [*ИЛ*, 2000, № 8]. В *ИЛ* также неоднократно публиковались его статьи. Постоянный ведущий рубрики *Информация к размышлению.*

Дмитрий Юрьевич Веденяпин
[р. 1959]. Поэт, прозаик, переводчик поэзии и прозы.

Автор книг стихов *Покров* [1993], *Трава и дым* [2002], *Что значит луч* [2010], а также книги стихов и прозы *Между шкафом и небом* [2009]. В его переводах публиковались стихи англоязычных, немецких, французских, фламандских поэтов, сборники рассказов И. Б. Зингера *Последняя любовь* [1999], *Страсти* [2001] и *Каббалист с Восточного Бродвея* [2003]. В *ИЛ* напечатаны его переводы романов М. Каннингема *Дом на краю света* [1997, № 8–9] и *Часы* [2000, № 9], Б. Чатвина *Утц* [2005, № 4], рассказы И. Б. Зингера [2003, № 5], А. Миллера [2005, № 10], стихи Ч. Симика [2003, № 1], В. Шимборской [2003, № 5], А. Дагена [2004, № 4], М. Светлицкого [2006, № 8], Т. Кинселы [2007, № 6], Ю. Комуняки и Л. Эммануэль [2007, № 9], статьи *Еврейский-писатель-Зингер* [2009, № 6] и *Далекая близость* [2011, № 10], эссе *...И совсем не вернется, или Он вернется совсем другой...* [2010, № 12].

Алан Жуковский
Поэт, литературовед, художник. Аспирант филологического факультета МГУ.

Публиковался в журналах *Дети Ра*, *Зинзивер*, *Топос*, *Футурум АРТ* и других изданиях.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Ника Юрьевна Бажанова
Студентка Московского государственного лингвистического университета имени Мориса Тореза.

Автор заметок к рубрике *ИЛ По материалам зарубежной прессы.*

Екатерина Дмитриевна Кузнецова
Аспирантка филологического факультета МГУ, переводчик с английского.

Автор заметок к рубрике *ИЛ По материалам зарубежной прессы.*

Переводчики

Вячеслав Тимофеевич Середа
[р. 1951]. Литературовед и переводчик. Лауреат премий *Инолит* [2003—2004] и *ИЛлюминатор* [2008]. Награжден почетными знаками *Millenium, Pro Cultura Hungarica* и др.

Автор статей о современной венгерской литературе и истории Венгрии. Редактор и составитель сборника эссе *Венгры и Европа*, сборника стихов А. Йожефа *На ветке пустоты* и др. В его переводах издавались романы венгерских писателей П. Эстерхази, П. Зилахи, Л. Грендела, повести Д. Круди, П. Надаша, эссе И. Кертеса, пьесы Д. Шпиро, Г. Сёча и др. В *ИЛ* в его переводе печатались фрагменты романов П. Эстерхази *Harmonia cælestis* [2002, № 10] и *Исправленное издание. Приложение к роману "Harmonia cælestis"* [2003, № 11], а также его новеллы и эссе [1992, № 4; 1995, № 6; 1996, № 7; 1997, № 8], нобелевская лекция И. Кертеса [2004, № 5], эссе П. Надаша *Собственная смерть* [2010, № 3] и др.

Григорий Михайлович Кружков
[р. 1945]. Поэт, переводчик, литературовед. Лауреат премии *ИЛлюминатор* [2002], Государственной премии по литературе [2003], премии *Мастер* [2010] и Бунинской премии [2010].

Автор шести сборников стихов [последний — *Новые стихи*, 2008]. В его переводах вышли книги Л. Кэрролла *Охота на Снарка* [1991], У. Б. Йейтса *Избранное* [2001], Д. Китса *Гиперион и другие стихотворения* [2004], Д. Донна *Алхимия любви* [2005], У. Стивенса *Сова в саркофаге* [2008], Э. Дикинсон *Стихи из комода* [2010] и др. Статьи и эссе составили сборники *Ностальгия обелисков* [2001], *Лекарство от фортуны* [2002], *Пироскаф. Из английской поэзии XIX века* [2008] и *У. Б. Йейтс: Исследования и переводы* [2008]. Вышли *Избранные переводы* в 2-х тт. [2009]. Неоднократно публиковался в *ИЛ*.

Мария Львовна Аннинская
Переводчик с французского и итальянского языков.

В ее переводе выходили произведения Б. Виана, Ж. Кокто, С. Де Бовуар, Р. Гари, Т. Ландольфи, П. Виллемса, А. Жида, Алена [Эмиля Шартье], С. Греджио, Ф. Джиана, Ф. Мелькио, О. Пи. В *ИЛ* в ее переводе печатались избранные новеллы Д. Буццати [1994, № 12], роман Б. Виана *Осень в Пекине* [1995, № 3], главы из романа В. Делекруа

Башмак на крыше [2011, № 7], фрагменты из *Мемуаров* А. Моруа [1998, № 6], главы из книги О. Тодда *Жизнь Камю* [2000, № 4], пьеса Н. Саррот *Иссм* [2006, № 9], поэтическая проза Э. Мартеля [2006, № 11], новелла К. Пьерсанти *Взрослая любовь* [2008, № 10], статья Ж. Нива *Эринии Литтелла — судьи или судимые?* [2008, № 12].

Андрей Эдуардович Графов
[р. 1962]. Переводчик и лингвист (семитские языки). Специалист по библейскому ивриту и Ветхому Завету Танах.

Переводил книгу Экклесиаста [РБО, 2000] и книгу Исайи [РБО, 2004], а также израильских и западноевропейских поэтов XX в.: Иехуды Амихая [*ИЛ*, 1997, № 6], Ханса Бёрли [*ИЛ*, 1996, № 5], Нелли Закс, Пауля Целана, Поля Клоделя, Макса Жакоба, Джузеппе Унгаретти.

В оформлении обложки использован фрагмент картины американского художника Уолтона Форда [р. 1960] *Моа*

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.
Компьютерный набор Евгения Ушакова, Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Коммерческий директор Мария Макарова.

Адрес редакции: 119017, Москва, Пятницкая ул., 41 (м. "Третьяковская", "Новокузнецкая") ; телефон 953-51-47; факс 953-50-61.
e-mail inolit@rinet.ru

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции (понедельник, вторник, среда, четверг с 12.00 до 17.30).

Купить журнал можно:
в редакции;
в киоске "Новой газеты" (Страстной бульвар, д. 4);
в книжной лавке ВГБИЛ им. М. И. Рудомино (Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине клуба "Проект-О.Г.И." (Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2, вход со двора; м. Чистые пруды, Китай-город);
в книжном магазине "У Максима" (МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й Гуманитарный корпус; м. Университет);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в книжном магазине "Фаланстер" (Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27, стр.2–3);
в книжном магазине "dodo-space" (Рождественский бульвар, д. 10 / 7).

Официальный сайт журнала:
http://www.inostranka.ru
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство № 066632 выдано 23.08.1999 г. ГК РФ по печати

Подписано в печать 28.2.2012
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 88.
Тираж 5500 экз.
Отпечатано ОАО "Типография "Новости", 105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Присланные рукописи не возвращаются и не рецензируются.

НЕДЕЛЯ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ В РОССИИ

Главный организатор
Культурный центр Венгрии в Москве

ПРОГРАММА

10 апреля 2012 г.
Презентация русского перевода романа Гезы Сёча "Лимпопо, или Дневник барышни-страусихи". – Библиотека им. Шандора Петёфи (в здании Культурного центра Венгрии).

11 апреля 2012 г.
1. Торжественное возложение венков к бюсту А. Йожефа во Внутреннем дворе ВГБИЛ.
2. **Рецепция поэзии Аттилы Йожефа в СССР.** Научная лекция Антала Бабуша. – Коференц-зал ВГБИЛ
3. Творческий вечер поэтов Яноша Сентмартони и Лауры Янку. – Конференц-зал ВГБИЛ.

12 апреля 2012 г.
Венгерская поэзия на русском языке. Круглый стол. – Зеркальный зал им. Ференца Листа (в здании Культурного центра Венгрии).

13 апреля 2012 г.
Стрекот кузнечиков из Будапешта. Венгерские стихи под музыку. Концерт Д. Гриллуса. – Зеркальный зал им. Ференца Листа.

14 апреля 2012 г.
Чтение сказок Лауры Янку в рамках программы "Детский уголок" под музыку Д. Гриллуса. – Библиотека им. Шандора Петёфи.

16 апреля 2012 г.
Творческий вечер поэтов Яноша Сентмартони и Лауры Янку. – Межрайонная централизованная библиотечная система им. М. Ю. Лермонтова (Санкт-Петербург).

---

[4] 2012

РОМАН АЛАНА БЕННЕТТА "ГОЛЫ И БОСЫ" / РОМАН ЖАНА-ЛЮКА УТЕРСА "ПУТЕШЕСТВИЕ С ЛЮКОМ" / ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС В РУБРИКЕ "ИЗ КЛАССИКИ XX ВЕКА" / СТАТЬЯ МАРИНЫ ЕФИМОВОЙ "ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС В АМЕРИКЕ" / ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ: "МИНУТЫ БУДНИЧНОГО СЧАСТЬЯ" ФРАНЧЕСКО ПИККОЛО / "ПИСЬМА-МИНУТКИ" ИШТВАНА ЭРКЕНЯ В РУБРИКЕ "ЮБИЛЕЙ"

ИНОСТРАННАЯ ИЛ ЛИТЕРАТУРА

Узнай завтрашних классиков!

Подписка во всех отделениях связи России, подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала "Иностранная литература" :
г. Москва, ул. Пятницкая, д. 41

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2012, №1. 1-288

ИНДЕКС 70394

ISSN 0130-6545 12003

9 770130 654770